

Йоркшир

Джеймс Хэрриот

Фотографии:
Дерри Браббс

Джеймса Хэрриота

Увлекательное путешествие
в страну любимых книг

Другие книги Джеймса Хэрриота

- всех созданиях — больших и малых
- всех созданиях — прекрасных и разумных
- всех созданиях — прекрасных и удивительных

Йоркшир Джеймса Хэрриота

Автор текста: Джеймс Хэрриот

Фотографии: Дерри Браббс

Сент-Мартин Пресс, Нью-Йорк

Оглавление

1	Мой Йоркшир	8
2	Бидейл	19
3	Молодёжные туристические базы	21
4	Баттертьюбс и Хардроу Фос	48
5	Семеруотер и Биркдейл Тан	51
6	Ричмонд	54
7	Вест Уиттон Банк	58
8	Кавердейл	59
9	Добыча и переработка свинцовосодержащих руд	72
10	Заснеженные дороги	76
11	Деревенские клубы	81
12	Тирск и Соуэрби	82
13	Церковь Тирска	89
14	Медовый месяц	91
15	Частная лечебница «Солнечный склон»	95
16	Сад и окно во двор	97
17	Свинарник и хозяйственный двор	99
18	Вид с вершины Саттон Бэнк	100
19	Старая гуртовая дорога	102
20	Килбурн	105
21	Коксуолд и аббатство Байлэнд	107
22	Харрогит	110
23	Йорк	115
24	Аббатство Риво	118
25	Появление ягнят	120
26	Лесные дороги	122
27	Пустоши Северного Йорка и восточное побережье	124
28	На родине капитана Кука	135
29	Выходные на побережье	144
30	Скарборо	148
31	Обращение к читателю	152

1979 год, Джеймс Хэрриот

Номер в каталоге библиотеки конгресса
79-5339

ISBN 0-312-43971-7

*Эмме и Николасу
В надежде, что они обретут
свой собственный Йоркшир*

Мой Йоркшир

Осмелюсь предположить, что на Ваш взгляд, та часть Англии, которую я называю мой Йоркшир, начинается на западе Пеннин и тянется на восток через йоркширские долины и болота северного Йорка к очаровательным деревушкам и городкам на побережье Северного моря.

Американцы, глядя в атлас, решат, что северные пределы Йоркшира лежат чуть ниже Дурхэма, на юге холмисто тянутся сразу от долин к морю, исключая два огромных выступа, занимаемых Харроггитом и Йорком.

Конечно, какие-то части этой территории я знаю не так уж и хорошо, другие получше, а есть и такие места, где каждый камушек, как старый друг. Но в любом случае, именно здесь, от Скарборо на восточном побережье почти до Кумбрии на западе, я работаю ветеринаром (книга вышла в 1979 году – прим. переводчика), здесь я создал семью, познал радости и тяготы бытия.

Йоркшир – самое большое графство Англии, здесь много достопримечательностей, и каждый человек видит родной край по-своему, но для меня есть именно мой Йоркшир. В этой книге мне бы хотелось помочь Вам представить его. Пусть и не в полной мере, разумеется.

Когда я покинул Глазго, чтобы стать помощником Зигфрида Фарнона, то подобно большинству шотландцев считал, что за пределами Шотландии нет ничего интересного, а уж Йоркшир и вовсе представлял скучным неинтересным местом.

Помню, как через несколько дней после встречи Зигфрид сказал мне: «Подожди, мой мальчик, ты ещё увидишь Суэлдейл, Уэнслидейл и Кавердейл».

В Лейберне у нас был партнёр Фрэнк Бингэм, и в те далёкие дни я проводил много времени, помогая Фрэнку в Пеннинах, гряде холмов, тянущихся через йоркширские долины. И Зигфрид оказался прав. Я обрёл смысл жизни на этой удивительной земле.

Прекрасно помню тот момент, когда меня осенило: Йоркшир – волшебное место. Я съехал на обочину дороги, ведущей из Лейберна в Гринтон через пустошь Беллерби. Это было рядом с вершиной, у маленькой речушки. Я смотрел на волнующиеся волны вереска, уходящие вплоть до заросшей лесом долины реки Суэйл, где она поворачивает к Ричмонду.

Я смотрел и не верил своим глазам. Всё было тут: от пустошей веяло первозданной дикостью и одиночеством, и лишь река, извилисто текущая по дну долины, вносила жизнь в окружающий пейзаж, на много километров вокруг не было никого из людей.

Я вышел из машины и сел на весеннюю траву, точно так же я делал бесчисленное количество раз потом. Увиденное очаровало меня, внесло спокойствие в мысли.

Мне едва минуло двадцать лет, и произошедшее стало первым откровением, что ещё и так работа ветеринара приоткрывает свои тайны. Я оказался на пустынной вершине трёх долин, ведущих в Брэдли и Вудейл, Гейл и Келд, в деревушки, расположенные в самой суровой части Англии.

В те дни ветеринаров было не так уж и много, поэтому практика Фрэнка Бингэма доходила до самых дальних мест.

Некоторым людям эта высокогорная местность кажется слишком холодной и мрачной, но именно здесь, где над вересковой пустошью слышны печальные крики кроншнепа, я обрёл мир и безмятежность.

Это земля чистого воздуха, горных потоков и скрытых водопадов. Зимой, когда бесконечно падает тяжёлый снег, а дороги часто непроходимы и мир наполнен белым безмолвием, путник легко может заблудиться и погибнуть.

Летом иная картина: из долин веет ласковый ветерок, наполняя воздух сладким ароматом нагретых трав и теплом земли.

Долина Суэйл

Конечно, мне нравится общество, но временами просто необходимо побыть в совершенном одиночестве в таких первозданных местах. В Англии для этого есть не так много мест, и одно из них – мой Йоркшир.

Моя ветеринарная деятельность уводила меня и в холмы Хамблтона вплоть до вересковых пустошей Северного Йорка. Это только подогревало мою жажду открытий, и я обрёл землю, напоенную свежим воздухом, где заросли вереска перемежались глубокими оврагами со стремительными ручьями, и Ридейл, Брансдейл и Фарндейл с изумительными по красоте весенними коврами из жёлтых нарциссов. Эти пустоши тянутся примерно километров на восемьдесят в сторону Северного моря. Рядом с побережьем, в августе, когда вереск набирает цвет, его пьянящий аромат смешивается с солёным дыханием моря. Такое сочетание не почувствуешь ни в каком другом месте Англии. Постепенно вересковая пустошь переходит в прибрежную полосу, наполненную бесконечным очарованием. Рыбачьие деревушки сами по себе романтические места, а километры и километры чистейшего песка делают их совершенно неотразимыми для проведения отдыха.

Когда я впервые приехал в Йоркшир, то оказался слишком занят, чтобы лучше узнать восточное побережье, однако полгода в Скарборо, проведённые на военной службе в британских военно-воздушных силах (об этом написано в книге «О всех созданиях – мудрых и удивительных»), подарили мне понимание удивительной красоты этого края. Для себя я

решил, что обязательно вернусь сюда после войны и найду все места, которые не успел увидеть, пока маршировал и тренировался.

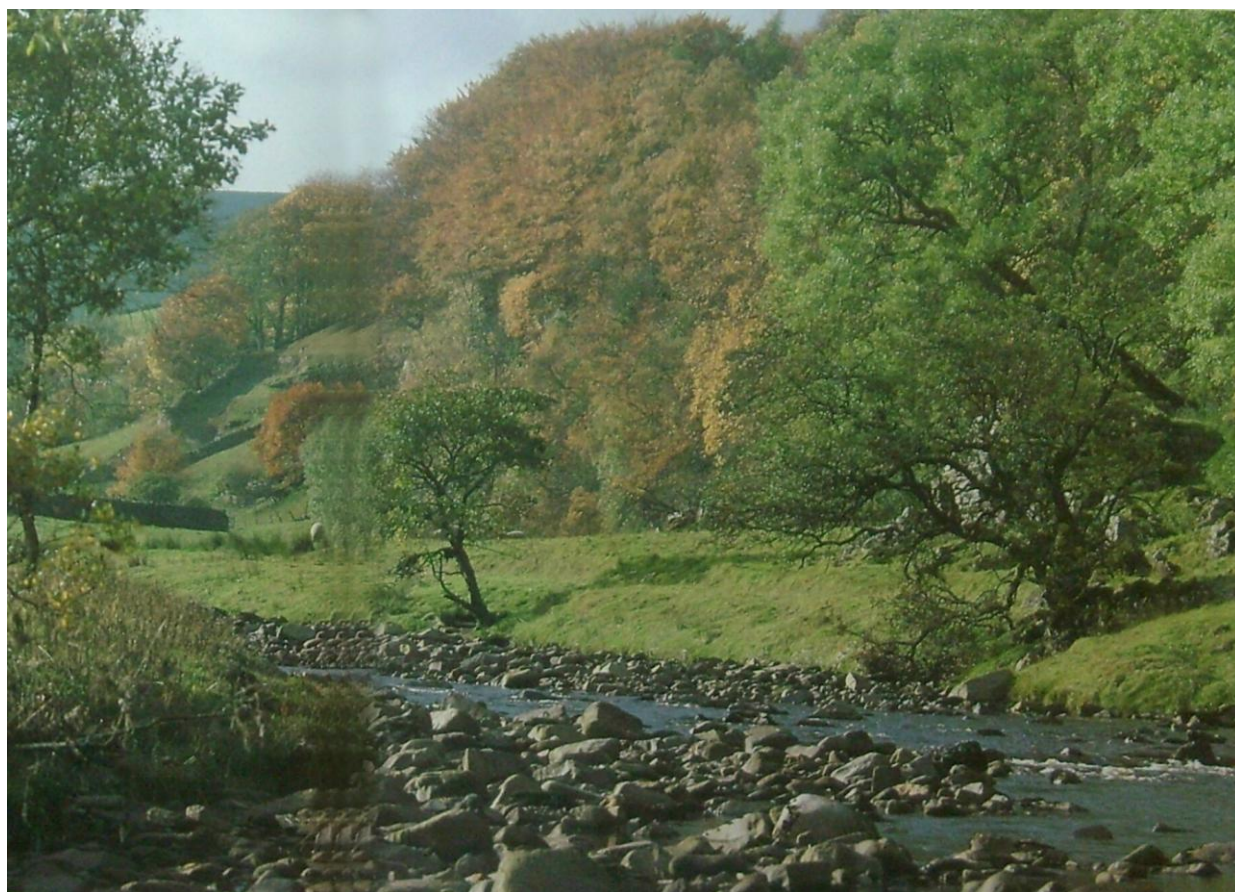
Река Суэйл у Ричмонда

Как я упоминал, Йоркшир сразу очаровал меня первозданной красотой дикой природы, ощущением отдалённости и одиночества. Но со временем пришло новое чувство – сопричастности к истории. К свидетельствам прошедшего времени можно прикоснуться рукой.

Здесь повсюду есть напоминания, явно говорящие о делах дней минувших. Развалины аббатств Риво, Фонтейнз, Байлэнд, Уитби, разрушенные в меньшей

мере строения монастыря Маррик, часовня тамплиеров возле Суинитуэйта, старинные замки Болтон, Миддлхэм, Ричмонд, Хеллесли и множество других.

Река Суэйл у Келда

Когда мы бродили с детьми по этим местам, мы испытывали радость первооткрывателей. Конечно, есть творения, не так очевидно затронутые временем – это величественные кафедральные соборы в Йорке и Рипоне.

На холмах можно увидеть могильные курганы, земляные защитные насыпи – всё это напоминает о том, что здесь когда-то жили люди.

О пребывании в этих краях римлян можно судить по так называемому «римскому замку» у Бейнбриджа и множеству прямых дорог. Например, шоссе А66 изначально называлось Вальтинг-стрит и было древнеримской дорогой из Лондона, впрочем, местные жители предпочитают её называть просто улицей.

Зима в Йоркшире

Возможно, самым удивительным ежедневным напоминанием о прошлом являются названия деревушек, возникших во времена нормандского завоевания: Колдберг в Кавердейле и бесчисленные наименования, оканчивающиеся на «би».

Шведский журналист, ставший на день моим спутником в постоянных поездках по практике, был весьма заинтригован схожестью названий населённых пунктов здесь и в Скандинавии.

Мысль о том, насколько сильно переплетено прошлое и настоящее, посетила меня во время проведения туберкулиновых проб на одной из ферм в Кавердейле. Переходя из одного коровника в другой, я натолкнулся на каменные фигуры двух рыцарей в кольчугах. Я был сильно удивлён, оказавшись перед этими реликвиями

тринадцатого века, на которые погода наложила свой отпечаток, и сбит с толку, задаваясь вопросом, что они здесь делают, потом мне объяснили, что ферма построена на месте аббатства Каверхэм, а рыцари – маленькое напоминание об этом. В фигурах же были увековечены Ранульф Фриц Роберт, основатель аббатства, и Ральф Фиц Ранульф, его сын.

Когда я мысленным взором окидываю годы, проведённые в Йоркшире, то наиболее запоминающимся стало самое начало: моя первая встреча с Зигфридом, первые дни работы с Фрэнком Бингэмом. К счастью, Зигфрид до сих мой друг и партнёр, а вот Фрэнк умер несколько лет назад, подобно многим хорошим ветеринарам, в коровьем хлеву за тяжёлой работой.

Фрэнк был гораздо старше Зигфрида и меня, ему было уже пятьдесят восемь лет, когда мы впервые встретились, однако выглядел он молодо и приятно.

Никогда не видел человека, который бы мне так понравился. Персонаж моих книг Эван Росс списан с Фрэнка, и не только потому, что это был хороший человек, это был

весьма необычный человек. Фрэнк и его замечательная жена Эмма относились ко мне с величайшей добротой, они буквально очаровали меня.

Фрэнк значительную часть своей жизни провёл, странствуя по миру, занимаясь преимущественно делами, связанными с лошадьми.

Он работал в горной полиции на северо-западе Канады, несколько лет строил ограждения от кроликов в Австралии, провёл немало времени в седле и мог скрутить папиросу одной рукой, как это делают в фильмах ковбои.

Зима в Йоркшире

Он прибыл в Британию с австралийскими экспедиционными силами во время первой мировой войны и вскоре был назначен на должность хирурга-ветеринара.

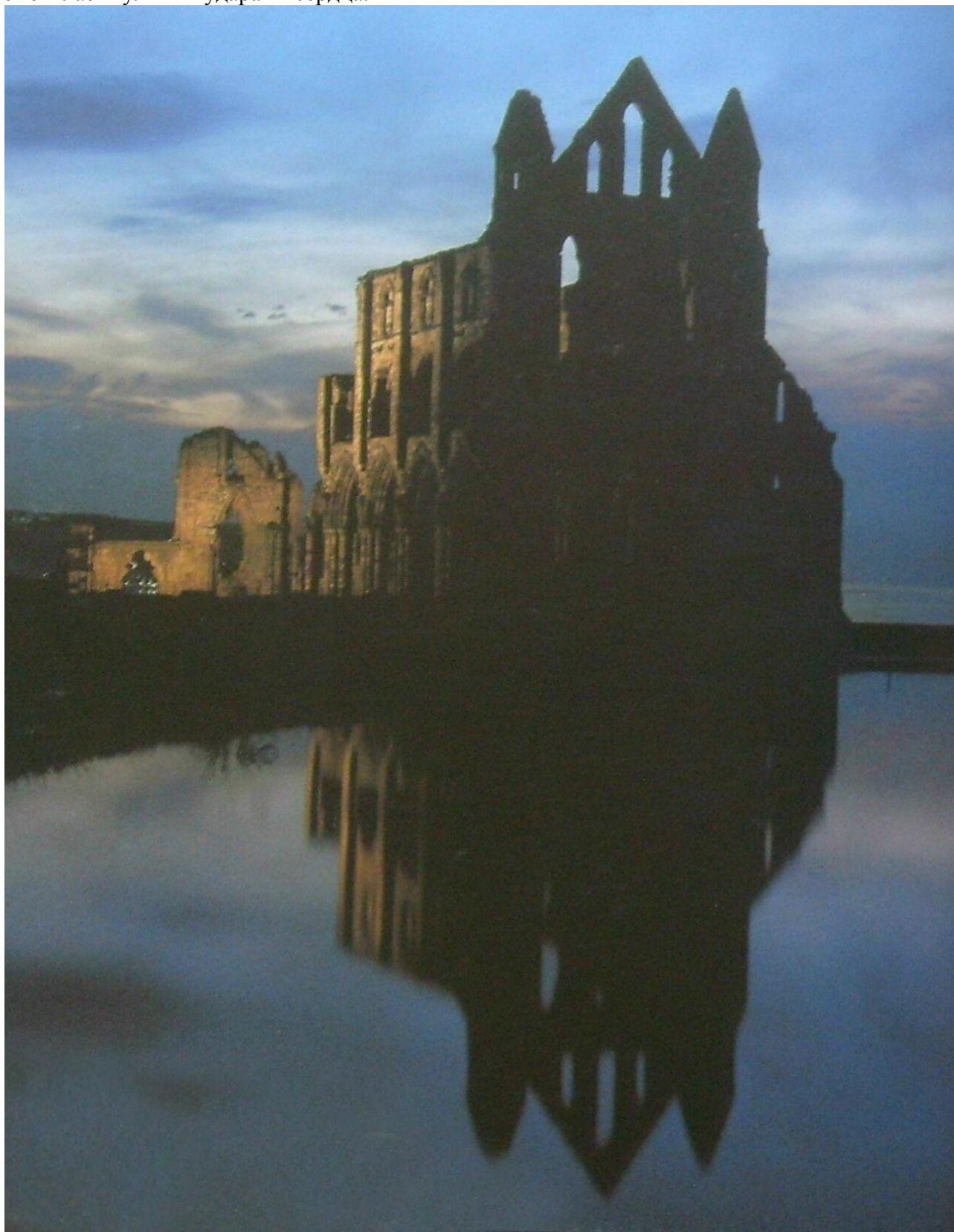
Полагаю, не было ничего удивительного, что Фрэнк был признанным экспертом по лошадям. Он прекрасно сочетал знание теории и практику ветеринарного дела, что дано отнюдь не многим. Для начинающего ветеринара вроде меня видеть Фрэнка в работе означало обрести новые практические знания, и кроме того, он был единственным человеком (я сам это видел), который накинул верёвку и удерживал дикого жеребца, причём одной рукой.

Благодаря Бингэмам Лейберн обрёл для меня какие-то особенные черты. Я всё время вспоминаю, как они были добры со мной: мягкий юмор Фрэнка, дружеские поддразнивания и прекрасную кухню Эммы.

Конечно, и теперь в Лейберне у меня есть друзья-ветеринары, но даже сейчас, когда я еду по городу и вижу маленький дом Бингэмов у подножия холма, меня охватывает горечь и я понимаю, что больше их там нет.

Я смотрю на карту Йоркшира и вижу такие знакомые и родные названия разных мест, каждое из них рождает свои воспоминания. Здесь я помогал отелиться корове, тут принимал

жеребёнка у кобылы, там было всё успешно, а вот там постигла неудача, весёлая улыбка сменялась гулкими ударами сердца.

Развалины аббатства Уитби

Большинство событий из трудовых будней я описал в своих книгах и нужно признаться, что места действий и подлинные имена персонажей отличаются от литературных. Я начал писать, когда мне было далеко за пятьдесят, и предполагал, что всё

одной книгой и ограничиться, а читатели не особо заинтересуются воспоминаниями ветеринара, изложенными несколько сумбурно в нечастые периоды свободного времени.

Однако реальность превзошла ожидания, множество людей стали пристально разглядывать карту в поисках знакомых названий, пришли в замешательство и поиск оказался напрасным.

Монастырь Маррик

Где, например, находится Дарроуби? Я и сам не знаю. Это составной город: часть Тирска, часть Ричмонда, Лейберна, Миддлхэма и немного моего воображения.

Глядя на карту, я вспоминаю бесчисленные стада породы шортгорн, что паслись на лугах. В те далёкие дни увидеть можно было только шортгорнов, и кажется невероятным их исчезновение теперь, когда Англию чёрно-белой волной затопил фризский скот.

Но уже сейчас бесчисленные ряды фризов стремительно разбавляют серо-коричневые и золотистые шароле, другие породы сельскохозяйственных животных, ввозимые из-за границы.

Великолепные лошади пород шайр и клайдсдейл тоже исчезли с ферм. Везде властвует трактор, хотя кое-где лошади остались.

Изменениям подвергся весь уклад сельской жизни, не устояли даже фермеры. Теперь уж трудно отыскать фермеров старой закалки с их особенным складом характера, чудаковатыми привычками и той особенной жизненной философией, благодаря которой они стали

прекрасными прототипами персонажей моих книг.

Солнце в тучах над Кавердейлом

Им на смену пришло другое поколение — молодые высокообразованные люди, сделавшие сельское хозяйство Великобритании столь эффективным. Но увы, они не столь интересны, как их отцы и деды.

Однако, хвала небесам, в холмах изменилось не всё.

Каменные стены сухой кладки точно так же расчерчивают склоны холмов, как это всегда и было. Эти замечательные стены зачастую единственное напоминание о мастерах, их сложивших. Эти стены – неотъемлемая часть души высоких Пеннин, где бесконечно чередуются серые и зелёные поля самых разнообразных форм, простирающиеся на высоту, где почти исчезают на вершинах.

Я всегда прихожу в изумление, когда представляю, как когда-то давно человек положил плоские камни друг на друга на одной из таких вершин на головокружительном уклоне и оставил их там на сотни лет на милость любой погоды. И это была сложная работа, целое мастерство, навыки которого в наши дни почти утрачены.

Жеребята

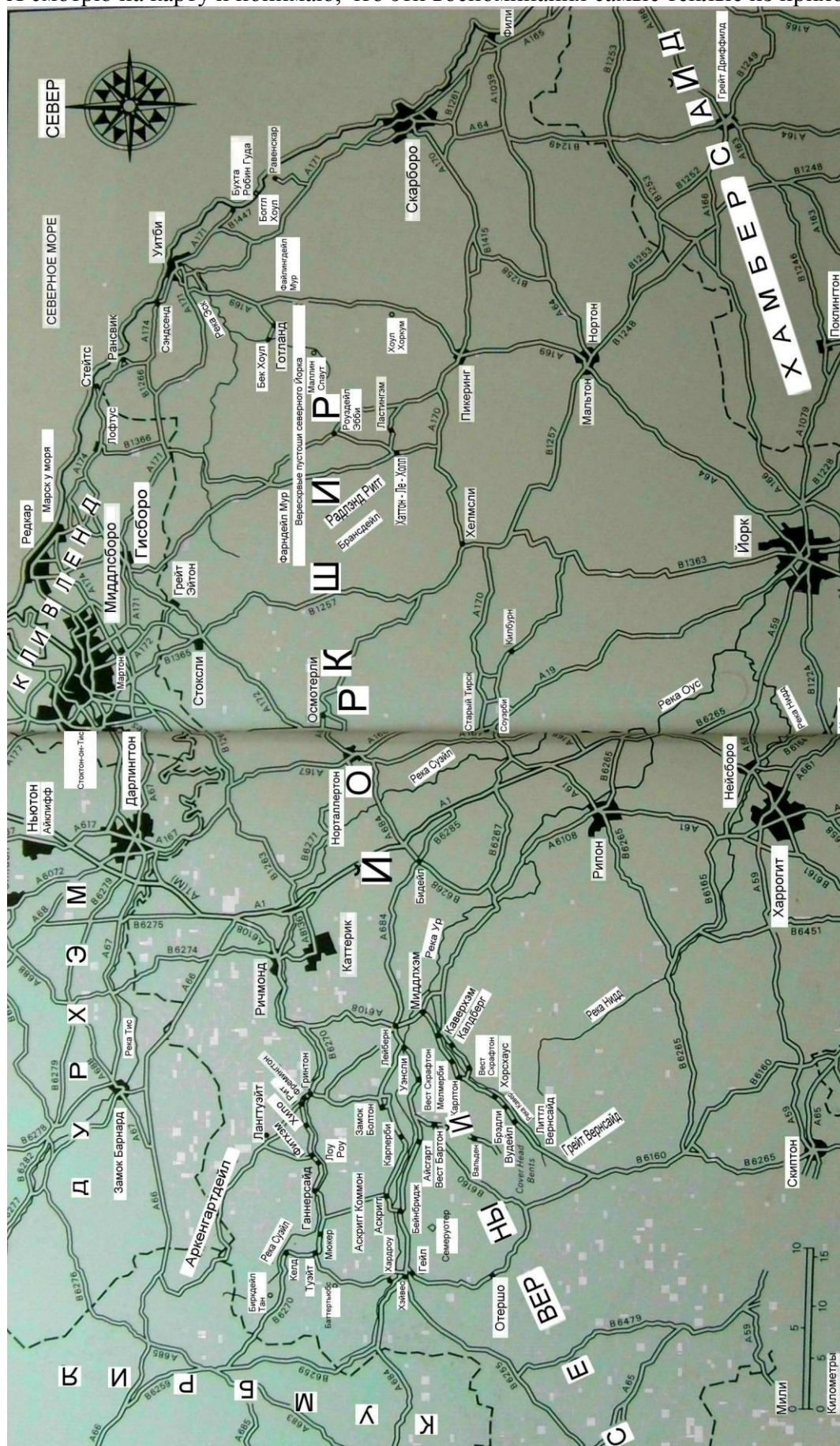
Брансдейл

Но особенно ясно я вижу полосу шелковистой травы на берегу реки, где наша семья ставила палатку для отдыха. Я вижу золотое побережье, где мои

дети строили свои замки из песка. Эти части карты, где мои дети были маленькими, словно созданы из цветной бумаги.

Я смотрю на карту и понимаю, что эти воспоминания самые тёплые из приходящих.

Вид на дорогу в Аскригг

Узоры Йоркшира

Бидейл

Это обычный маленький городок в Йоркшире, через который я проезжал сотни раз на пути из практики Зигфрида к Фрэнку Бингэму.

Я всегда рассматривал Бидейл как своеобразные ворота в холмы. Длинная улица, мощённая по обеим сторонам камнем, маленький памятник на рыночной площади и вот передо мной большая башня церкви Святого Григория.

После Бидейла начинается лёгкая возвышенность и вскоре начинают появляться очертания Пеннин, уже видно пустоши на пути в Кавердейл и Уэнслидейл, неясные очертания которых так манят.

Эта самая возвышенность создаёт одно нехорошее препятствие – во время длительных снегопадов на неё падает очень много снега, и дорога становится непроезжей, приходится поворачивать назад, сорок лет назад так бывало со мной неоднократно.

На одной из улиц Бидейла

Молодёжные туристические базы

Если задуматься, то получается, что часть моих любимых мест в Пеннинах Северного Йоркшира можно ограничить своеобразным треугольником из трёх молодёжных туристических баз – Айсгарт, Гринтон и Келд. Возможно, рассказ о моих странствиях в этих краях станет их хорошим описанием.

Ещё в Глазго я стал заядлым туристом, уезжая из ветеринарного колледжа на выходные, чтобы провести ночь в палатке у Рознета на Гарелохе или у ручья на Кэмпси Хиллз, что выше Финтри. Однако, должен признаться, когда мой сын Джимми предложил мне отправиться в туристический лагерь на длинные выходные, я отнёсся к этой идее несколько скептически.

Мне казалось своеобразной слабостью провести ночь под надёжной крышей, однако в конце концов меня уговорили, и в пятницу днём мы вышли в путь из Лейберна. С нами отправился Иэн Браун, школьный друг Джимми.

Лейберн вызывает у меня множество приятных воспоминаний. В этом городе нет особых архитектурных изысков, однако его положение исключительно. Если Бидейл – врата в холмы, то Лейберн – скорее порог. Через Беллерби Мур можно соскользнуть в Суэлдейл, затем быстро добраться в Миддлхэм, далее в Кавердейл, а там напрямую вниз до Уэнслидейла. И все три моих холма под рукой.

Старинные книги упоминают об удивительном долголетии жителей Лейберна, да и в самом деле, отчего не быть здоровым городу на высоком холме. Главная дорога в городе устремляется к рынку на самую вершину.

Когда я впервые приехал в Лейберн, мне с гордостью показали Шаул, это терраса длиной чуть более трёх километров, идущая над эскарпом к западной части города. Вид отсюда просто замечательный, а необычное название происходит от скандинавского Шалл, сборище лачуг. Похоже, на этой территории первоначально и располагалось поселение.

Рыночная площадь Лейберна

В окрестностях Лейберна

Мальчики и я направились на вершину, лежащую в левой части рыночной площади. Нашей первой целью был Айсгарт и мы стали спускаться по направлению к Уэнсли. Я всегда испытываю глубокое волнение, когда нахожусь в этих местах. Дорога идёт под уклон, город постепенно исчезает, а перед вами разворачивается великолепный вид на Уэнслидейл. Моё сердце гулко стучит, ведь перед нами начинается проступать величественная громада Пенхилла, на нижних склонах которого кое-где растут деревья, а на плоской вершине лежат облака.

В деревушке Уэнсли мы останавливаемся передохнуть и снова рюкзаки на плечи, снова в путь. Нас обдувает мягкий ветерок, всё вокруг дышит покоем и теплом. Мы

проходим рядом с церковью тринадцатого века, и я вспоминаю историю. Уэнсли был большим торговым городом, фактически столицей Дейла, в 1563 году в городе началась чума. Большинство жителей умерли, оставшиеся бежали в ужасе от смертельного поветрия.

Улица в Уэнсли

Казалось бы, беда пришла и ушла, и Уэнсли станет прежним. Однако этого не произошло, и каменный город у реки и зелёных холмов превратился в сонную деревню, каковой последние четыреста лет и является, многолюдный рынок переехал в Лейберн. Романтическое отступление – именно в церкви Уэнсли проходила моя свадьба в телесериале по мотивам моих книг.

Узкая мостовая поворачивает направо в Редмайр и Карперби, но наш путь лежал на юг и мы прошли по большому каменному мосту через Ур. Сияло солнце, наши ботинки отбивали чёткие шаги по асфальту и мы шли, любуясь окружающим пейзажем. Живые изгороди постепенно сменялись каменными стенками, окружавшими пастбища на великолепном ковре из травы и цветов. По левую руку стоит Пенхилл, его спокойная громада доминирует над всем остальным.

Я видел, как причудливо вьётся по склонам большой горы дорога на Спайгот Лодж. Полковник Ллойд держал там скаковых лошадей, и я пристально вглядывался в высокогорье, где провёл с Зигфридом множество операций. Зелёная трава – операционный стол сельского ветеринара, и было приятно видеть, как введённый внутривенно пентотал аккуратно укладывает наших пациентов на землю.

Вскоре мы подошли к Вест Уиттону, бывшей шахтёрской деревушке, уютно расположившейся в подножье холма. Уходящая налево вверх дорога идёт в Меллерби, а это уже Кавердейл. Эта самая дорога со своими крутыми поворотами запомнилась мне особенно хорошо. Езда по ней не представляет никаких трудностей на исправном автомобиле, но превращается в сущий кошмар, если не работают тормоза. Ближе к выезду есть уютный паб «Уэнсли Хейфер», Хелен и я там много раз обедали. Здесь мы очень тепло отметили вторую годовщину нашей свадьбы в компании с четой Бингэмов.

Церковь в Уэнсли, здесь снимали мою свадьбу в сериале «О всех созданиях- больших и малых»

Сразу за Вест Уиттоном предстаёт во всю ширь великолепная долина, из зелёных склонов которой мрачным прямоугольником выступает замок Болтон. В четырнадцатом веке его построили Скроупы, владельцы здешних мест, место для замка исключительно удобно, со всех сторон есть отличный обзор на дальние расстояния, история гласит, что здесь полгода томила в заточении шотландская королева Мэри.

Шагая с ребятами, я вижу множество знакомых ферм, и с каждой связана какая-нибудь история. Одна из них произошла, когда мы только поженились, тогда Хелен часто ездила со мной на вызовы. Моей пациенткой была корова, я закончил зашивать сосок и уже собрался уезжать. Пожилой фермер, видя, что я сажусь в автомобиль, устремил пристальный взгляд на Хелен, сидевшую на пассажирском месте.

Он поманил меня пальцем, и когда я нагнулся, зашептал в ухо:

- Ты, парень, правильно сделал. Будь можно повторить, я бы так же поступил.

- О чём Вы говорите? – удивился я.

- А я тебе скажу, - он украдкой бросил злобный взгляд в сторону дома, - вот на кого приходится смотреть.

Я не помню, как выглядела жена этого фермера, но от услышанного остался неприятный осадок.

Каменные стенки сухой кладки

На время большие придорожные деревья образуют над нами шатёр из листвы, закрывая небо, потом мы проходим мимо Темпл Фарм, получившей название благодаря разрушенной часовне рыцарей-тамплиеров на противоположной стороне холма.

Вскоре мы увидели дорогу в Вест Бартон, некоторые считают это место лучшей деревней Англии. Может и так, но без сомнения – это классическая йоркширская деревня, утопающая в зелени.

Однако в этот раз заходить в неё мы не стали, а направились своим путём. Я же мысленно перенёсся в долину Вальден, лежащую за деревней.

Мне очень нравятся узкие тропинки на восточной стороне Вальдена, у нас с Хелен это любимое место. Здесь, подъехав чуть выше окаймлённого деревьями ручья Вальдек, можно найти успокоение от повседневной работы.

А если Вы оставите машину и пройдёте по старой дороге через заросли вереска до склонов в Кавердейле, увидите громадный Литтл Вернсайд, изрезанный ручьями, то будете приятно вознаграждены открывшейся картиной.

Однако мы приближались к Айсарту, дорога резко пошла вверх, и наша компания изрядно запыхалась, когда наконец добралась до большого каменного здания. Пришли.

Следуя совету ребят, на входе я снял тяжёлые ботинки и надел теннисные туфли. Кажется, тут было такое правило. Без промедления мы сняли рюкзаки и направились в столовую. Признаться, в возрасте сорока лет я опасался привлечь удивлённые взгляды, так как не очень походил на юного туриста, однако быстро успокоился, увидев окружающих самых разных возрастов, и даже семьи с младенцами. Всех собравшихся объединяли два обстоятельства – физическая усталость и сильный голод.

Мы попали в нужное место, хотя спартанская обстановка и пустые обеденные столы не располагали к мыслям о роскошном обеде из супа, бифштекса с овощами и яблочного

пирога. На завтрак мы ели только овсянку, поэтому такие замечательные яства легко нашли своих благодарных потребителей. Юные путешественники безостановочно наполняли свои чашки молоком из высоких кувшинов на длинных столах. Молоко заедали поджаренным хлебом с ветчиной и яйцами. Разумеется, все дружно приняли участие в поедании вкусных караваев, намазывая хлеб толстым слоем мармелада.

Наконец, был выпит и весь чай, а мы снова были готовы к дороге.

Кстати, цены очень интересные. Кровать и пребывание – шиллинг и шесть пенсов, обед – два шиллинга шесть пенсов, завтрак – два шиллинга, а если вы собрались готовить самостоятельно, то за использование кухни надо заплатить три старых пенни.

Паб в деревушке Вест Уиттон, замок Болтон зимой

Разумеется, каждому надо выполнить небольшие обязанности — я подмёл полы, мальчики помогли вымыть посуду, ничего обременительного.

Перед уходом мы решили посмотреть на водопады Айсгарта, лежавшие чуть ниже турбазы.

Я видел их много раз раньше, но неотразимо влекло спуститься по ним вниз до холма, где стояла церковь двенадцатого века в окружении древних могильных плит.

С одной стороны по холму над рекой вьётся каменная стенка, я смотрел на неё пристальным взглядом, как всегда делаю в сильном волнении.

Много лет назад мой автомобиль с неисправными тормозами решил на вершине холма заглохнуть и затем помчался вниз задним ходом, врезавшись в стенку на большой скорости. Высота стенки чуть больше сорока сантиметров, но, возможно, она сохранила мне жизнь.

Живописный Вест Бартон

Направо от нас находится старый Йор Милл, теперь это музей, рассказывающий об эпохе, когда лошади были главным транспортным средством. Переходя через реку по старинному кирпичному мосту, мы остановились и в полной мере насладились открывшейся картиной из водопадов. Река Ур неторопливо петляет по дну долины, но, достигая Айсгарта, набирает силу и в стремительном напоре на нагромождения камней обрушивается с шестидесятиметровой высоты серией красивых водопадов.

С левой стороны находятся верхние водопады, средние и нижние чуть отдалены от них. Мои любимые именно верхние, хотя знатоки с этим не соглашались, считая более грандиозными последующие.

Долина Вальден

Да, в это место я приходил много раз со своими маленькими детьми и всегда уходил, очарованный его великолепием. Этот день не стал исключением – мы стояли, зачарованно глядя на ревущие потоки, которые перехлестывали через гигантские валуны.

Ручей

Здание базы в Айсгарте

Характер у реки переменчивый – после снежной зимы или сильного ливня она становится могучим потоком, в сухую погоду могут быть только неторопливые ручейки, в них с удовольствием играют дети. Мы сошли с моста и направились к берегу реки. Удивительное здесь место. За нами до небольшого холма простирается зелёный ковёр травы, к речной воде клонятся ветви прибрежных деревьев, создавая полумрак. К кромке воды вела узкая песчаная тропинка. Путь под деревьями у тёмной речной воды по скалистым берегам всегда вызывал у меня глубокое волнение.

Это уединённое место сохраняет своё очарование, даже когда в летние выходные здесь полно туристов. Но сегодня здесь были только мы втроём, на пути у нас лежали голые корни деревьев, кругом царил тишина, её нарушал плеск воды о камни да отдалённый шум водопадов. В воздухе был разлит крепкий аромат дикого чеснока. По мере нашего продвижения Ур вновь становился спокойным неторопливым потоком.

Однако нужно идти дальше, и мы возвращаемся в лагерь, проходим по деревушке Айсгарт и выходим на основную дорогу, которая теперь идёт на спуск, и Уэнслидейл предстаёт снова во всём великолепии, только теперь вдаль видны горы, которые являются главным элементом пейзажа, как Пенхилл до этого.

У меня же появился новый повод для волнения. С запада надвигались тёмные тучи, в воздухе повеяло холодной влажностью.

«Идём, ребята, идём, - сказал я, - похоже, будет дождь, а у нас впереди больше двадцати километров, надеюсь, он не застанет нас в пути».

Да, действительно, чтобы добраться до Келда в Суэлдейле, нужно пройти по открытой местности на горной вершине меж долинами Аскригг Коммон и Оксноп, и там совершенно негде укрыться. Промокать мне не нравится, лучше уж лёгкий душ в амбаре, и почти всю дорогу я бормотал: «Пусть не будет дождя, пусть не будет дождя». Этим я изрядно повеселил Иэна и Джимми, ребята совершенно не прониклись моим волнением.

Церковь в Айсгарте

Мы держали путь через Уортон, пересекли неторопливую речку с галечным дном, вышли на другую сторону Дейла, и вот уже окраина Аскригга. Теперь следовало повернуть направо к дороге на Суэлдейл, получалось, что много достопримечательностей старинной деревушки мы не увидели. Это и булыжная рыночная площадь, памятник в виде креста, церковь тринадцатого века. Кстати, именно здесь находится дом, обозначенный в телесериале как Скелдейл-Хаус.

А впереди нас ждал весьма крутой холм. Подыматься было тяжело, к тому же приходилось всё время обходить дома, сараи и каменные стенки. Поэтому мы решили остановиться и перевести дыхание, заодно полюбоваться Аскриггом, лежащим напротив покрывала Уэнслидейла.

Древние надгробия

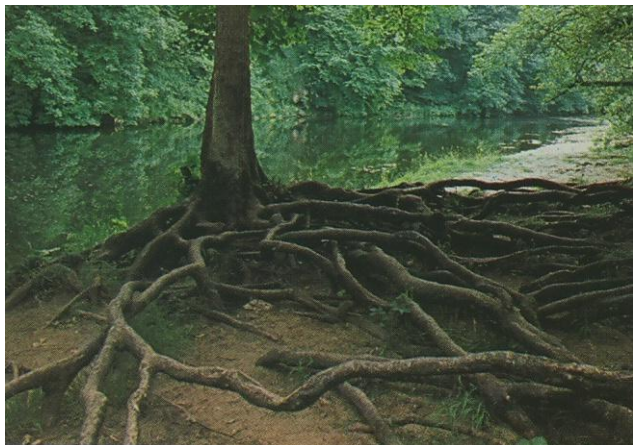
Однако наши восторги быстро умерило низкое тёмное небо, которое, казалось, на холмах опустилось ещё ниже.

«Пожалуйста, пусть не будет дождя на вершине сейчас и на Окснопе потом», - обратив взор к небу, взмолился я под хихиканье мальчиков.

Постепенно местность становилась всё более пустынной, мы миновали последний сарай и вышли к воротам, пустошь за ними раскинулась во все стороны до горизонта. Там уже не было ни людей, ни домов, ни сараев.

Я открыл ворота, и мы вышли. Несомненно, у небесного создателя земной погоды отличное чувство юмора. Так и слышу, как он говорит своим подчинённым: «Так, ждём ещё чуть-чуть». Настаёт момент, когда я отодвигаю щеколду, а потом глас: «Да будет дождь!»

С тёмных небес на нас обрушился дождь, шедший сплошной стеной. Продолжался он до конца дня. Мы надели накидки с капюшонами и двинулись вперёд, в этих накидках и с рюкзаками на плечах мы были похожи на странствующих монахов. Пройдя три – четыре километра, дошли до вершины плато. Я оглянулся – никаких признаков присутствия человека, только мокрый вереск, мокрая трава и заброшенные торфяные разработки.

Верхние водопады летом

Дальше мы прошли указатель «В Мюкер» и впервые увидели в дальней стороне Суэлдейла высокие курганы. Одна из привлекательных особенностей северных Пеннин – это возможность идти из долины в долину, где открывающиеся картины захватывают дух и буквально переполняют ожидание невиданных пейзажей. Собственно говоря, именно так должно быть и сегодня, но у погоды свои планы, текущие по нам потоки воды это наглядно подтверждали.

У моих спутников настроение было иным: они изрядно повеселились, слушая мои испуганные предсказания, теперь же с интересом ожидали, чем всё закончится. А постоянное кап-кап на мои голые ноги (мы шли в шортах, в те дни модная новинка для дальних путешествий вроде нашего) добавляло поводов для новых шуточек. И всё прошедшее со дня нашего похода время они с удовольствием о нём вспоминают.

Моё же настроение было не столь весёлым. Теперь вокруг нас простирались каменные россыпи, делая пейзаж ещё более мрачным.

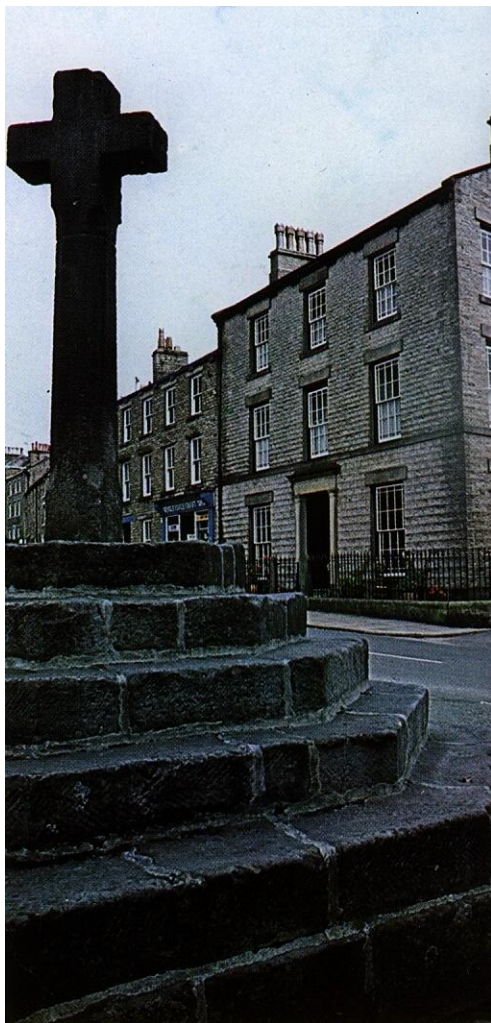
Пройдя ещё около полутора километров, мы увидели амбар. Это придало нам сил, но было уже поздно – мы изрядно промокли. Прохлюпав по грязи до ворот, наша компания оказалась на узкой дорожке, извилисто уходившей вниз между оградами. На одном из поворотов перед нами внезапно предстала значительная часть Суэлдейла. В солнечный день здесь царит мир, наполненный небесным спокойствием, но и в дождливый мы пришли в волнение от увиденного. Зелёные склоны изрезаны потоками, разбросанные тут и там фермерские дома глядят на речку, текущую по дну долины.

Верхние водопады летом

Последний поворот, и после бездорожья у наших ног лежит асфальтированная дорога из Рита в Мюкер, одно из красивых мест Суэлдейла, здесь много живописных мест, мост на въезде одно из них. Построенная в 1580 году церковь избавила от необходимости хоронить в Гринтоне ушедших в мир иной.

За Мюкером дорога идёт вдоль ручья, мы проходим маленький водопад и уже глядим на черепичные крыши деревушки Туэйт с традиционным горбатым мостом, за ним начинаются массивные каменные дома. В Туэйте чувствуется близость к вершине Дейла, однако прозаический магазин с открытой дверью более всего манил нас в этот момент.

Вариант Скелдей - Хауса, Аскригг

Было три часа дня, турбаза в Келде до пяти вряд ли откроется. Такое опережение, увы, вполне естественно. Вместо приятного отдыха на зелёных склонах состоялся марш – бросок под ливнем. Поэтому крыша над головой и тепло нам были просто необходимы.

- Можно три плитки шоколада? – обратился я к продавцу за кассой.

При виде трёх мокрых созданий продавец улыбнулся.

- Разумеется, - он выложил шоколад на прилавок.

- А у вас большой выбор, - заметил я, отломив очередную дольку.

- Это верно, - ответил мой собеседник, с гордостью глядя на полки с товаром, - понемногу, но от разных фирм.

Мы разговорились, и я узнал, что в магазин заходят жители деревни и окрестные фермеры, обсудили достоинства сельди и сардины, ветчины и языка.

Как-то незаметно мы съели шоколад. Я посмотрел на улицу, где дождь вспенивал лужи, и сказал:

- Пожалуй, не будут лишними и солёные

орешки.

Открыв сумку, добавил:

- Полагаю, летом здесь изрядно посетителей.

- Ну, конечно, - глаза хозяина магазина заблестели, и, подняв палец, он стал рассказывать о горожанах, приезжающих в высокие Пеннины. А мы довольно жевали и слушали.

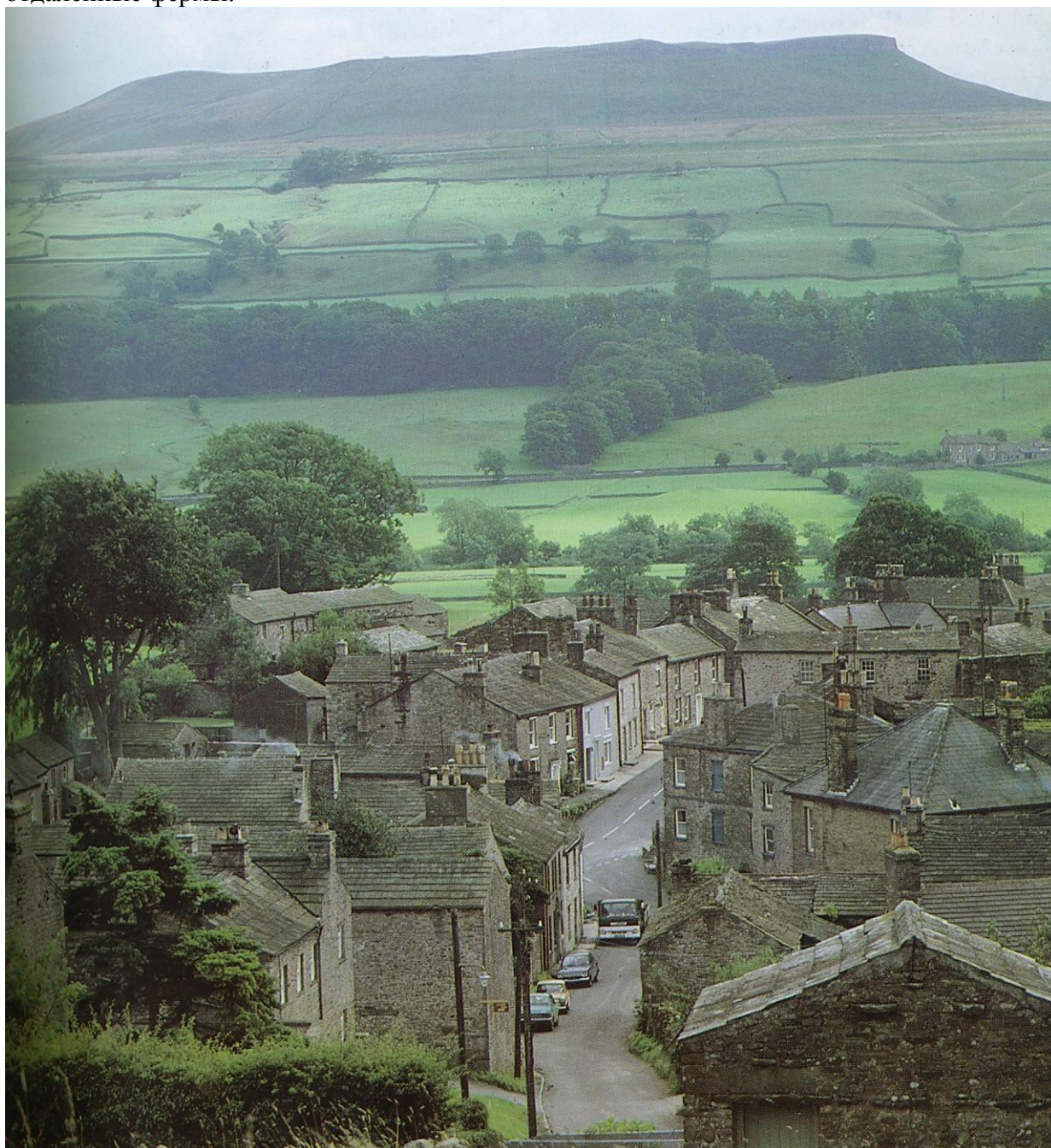
Оказалось, что у него есть и гостиница, причём рядом с магазином, его жена радуется отдыхающим блюдами, от описания которых у нас потекли слюнки. Я вообще люблю поговорить о еде, особенно если в нескольких шагах хлещет дождь, над головой есть крыша, да и, похоже, затронули любимую тему этого приятного человека. Увы, даже самые любимые темы истощаются. Я купил каждому по апельсину.

Разумеется, чистили мы их очень долго, так что я почувствовал себя виновато, обнаружив под ногами лужицы стекшей с нас воды. Но хозяин словно не замечал этого и по-прежнему улыбался. Несомненно, он очень добродушный человек.

Вот доели и апельсины. Я посмотрел на часы. Следует прийти в Келд вовремя.

Мы вышли, нам помахали на прощание рукой. Стараясь уклониться от дождя, я возблагодарил провидение за то, что хозяева магазинов в здешних местах так же гостеприимны, как и фермеры.

Снова наедине с природой, хотя сейчас нужно пройти всего около трёх километров, наш путь вьётся между стенками, холмы упираются в мокрое небо, на их склонах ютятся отдалённые фермы.

Аскригг

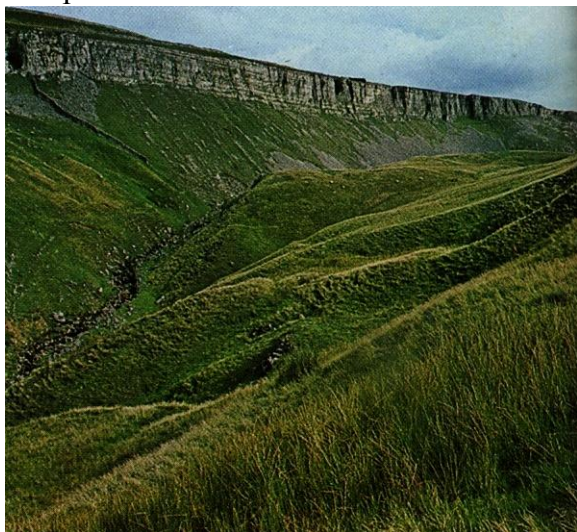
Сам Келд находится дальше по дороге, мы не стали в него заходить, направившись прямоком на базу, стоящую на возвышении по левую сторону от нас.

Едва мы подошли к двери, управляющий открыл её. Это был плотный мужчина с густыми чёрными усами, под которыми затаилась улыбка сразу же, как только мы предстали перед ним.

«Так, ботинки снимайте здесь», - распорядился он. Похоже, этот человек не привык долго уговаривать.

Мы поднялись на второй этаж, чтобы сменить одежду и привести себя в порядок. Сухие полотенца и горячая вода этому изрядно способствовали, так что вниз я и ребята спустились в приподнятом настроении. Наши ботинки, набитые газетами, стояли вокруг старой железной печки. Замечательно, что уйдём отсюда в сухой обуви.

Келд – турбаза небольшая, в столовой было всего шесть постояльцев. Управляющий накормил нас на ужин вкусной рыбой с жареной картошкой, утром нас ждал плотный завтрак.

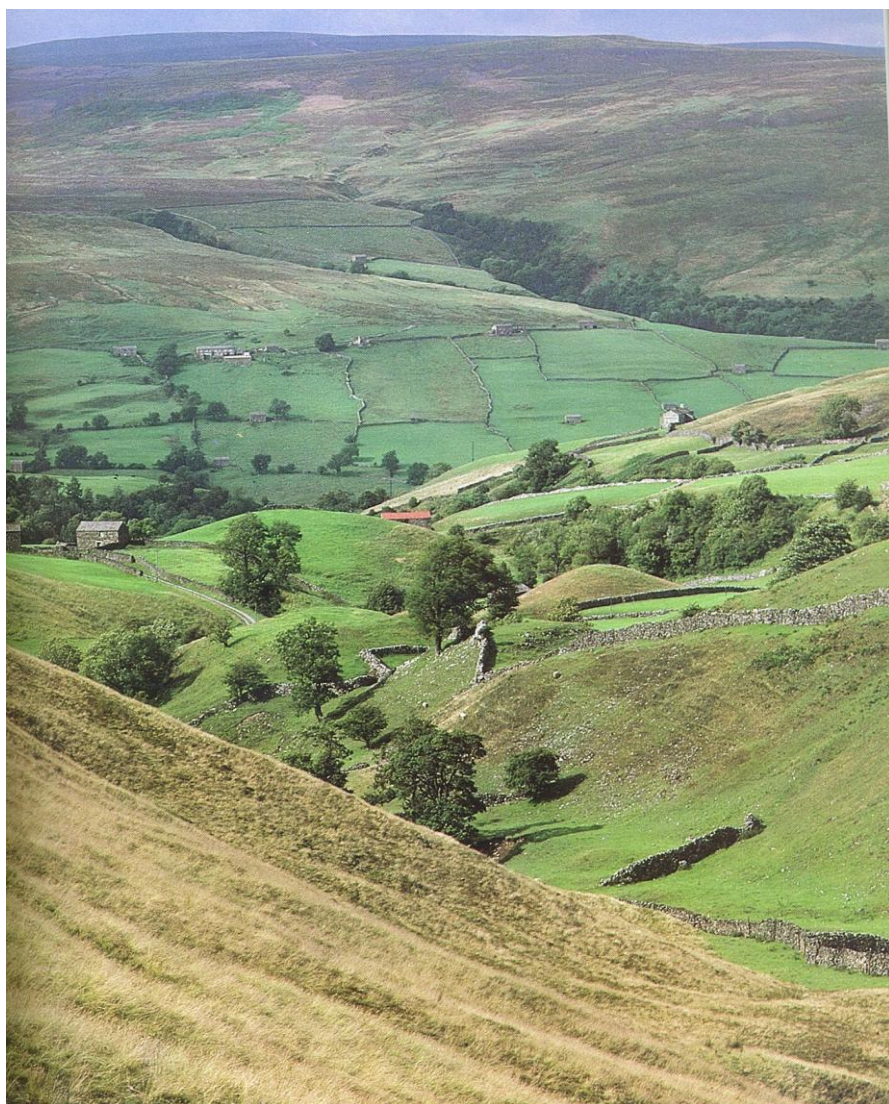
Вершина Оксноп

Когда же наш хозяин обратился к нам с просьбой о помощи, то неспешно проговорил: «Может, вы и ваши юные спутники протянут мне дружескую руку?»

Мягкий голос, неторопливый юмор, да, он, подобно хозяину магазина, был замечательным человеком, и я вспоминаю этих людей с большой симпатией.

Снова на наших спинах рюкзаки, но теперь нас окружает иной мир, сияющее солнце и несколько облаков в безбрежной голубизне неба, вот только как передать аромат, наполняющий

воздух? Я люблю солнце Испании, но большей частью оно несёт иссушающий зной, и в воздухе вы почти ничего и не почувствуете. Когда я возвращаюсь домой из дальних поездок, то сразу же чувствую именно воздух родных мест, а этим утром, после дождя накануне, эти ощущения усилились многократно. Волна аромата омытой травы, мокрого вереска, сырой земли, диких цветов поглотила нас по пути в деревню.

Виды Суэлдейла

Мюкер зимой

Туэйт

Келд происходит от скандинавского Келда, что значит родник или поток. Глядя на скопления серых домов среди холмов, можно было понять, почему когда-то именно здесь викинги строили свои жилища – отличная маскировка и защита от врагов.

Туэйт

Будучи в Келде, испытываешь волнующий восторг не только от здешних красот, но и от осознания, что находишься на вершине Суэлдейла. Выше деревень уже нет. Возвышающийся рядом величественный Кисдон Хилл (в старину часто называвшийся Кисдон Айлэнд) изрезан потоками: Суэйл на севере и востоке,

Скеб Скъю Бек на западе, Мюкер Бек на юге.

Когда-то, сотни лет назад, через Кисдон направлялись похоронные процессии на ближайшее кладбище в Гринтоне, примерно километров восемнадцать отсюда.

Рядом с Келдом есть красивые водопады Кетрэйк и Кисдон Фолс, но мы уже у них были, поэтому решили идти через холмы в Ганнерсайд.

У околицы деревни мы свернули на узкую каменистую тропинку среди обваливающихся стенок. Миновали ворота и деревянный мост через глубокий овраг, в котором река Суэйл неторопливо течёт под сенью деревьев, омывая прибрежные камни.

Конечно же, на мосту мы задержались, зачарованно глядя на тёмные воды Суэйла. В дальнейшем пути мы миновали ещё один маленький мост и добрались до Суиннергейла.

Мы прошли рядом с Крэмпот Холлом, это романтическое строение, задуманное как охотничий домик для лорда Вартона, в начале восемнадцатого века в этой части Суэлдейла водились олени. Потом олени исчезли и тут была ферма. Когда мы остановились взглянуть получше, то всё было заброшено, крыша, казалось, вот-вот рухнет. Стены и окна склонились под немыслимым углом. Возможно, всё пришло в такой упадок из-за прекращения работы близлежащих рудников.

В наши дни (1979 год – прим. перев.) здесь лежат одни руины, но до сих пор обстановка дышит грустным очарованием точно так же, как и двадцать лет назад, когда мальчики и я стали случайными гостями.

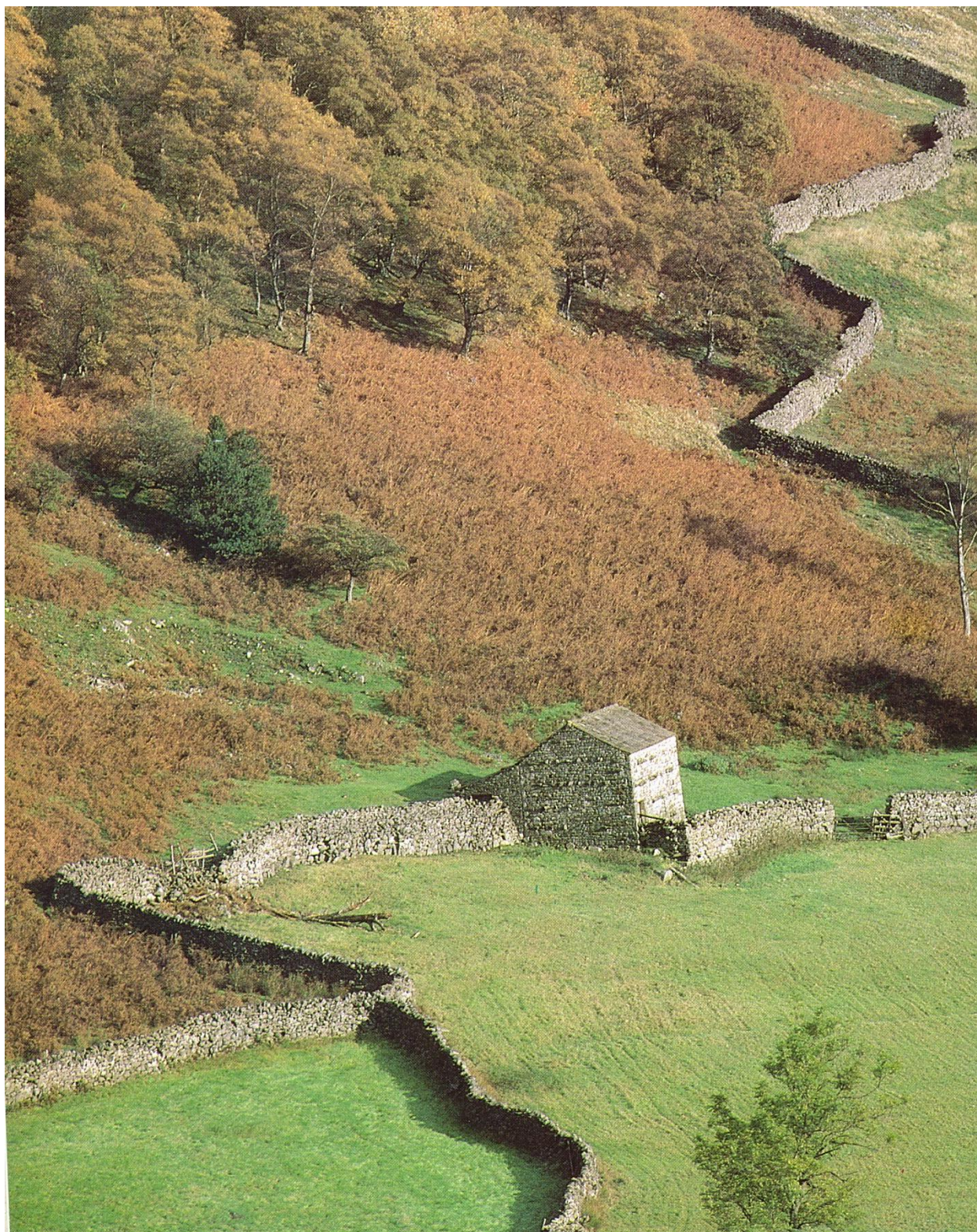
Каменные развалины смотрят на бесконечный пейзаж холмов и склонов, и я ощутил лёгкую зависть к людям, что здесь когда-то жили.

Изрядно утомлённая, наша группа проследовала через Суиннергейл и Мелбекс Мур в Ганнерсайд Гилл.

Мы не торопились, поэтому неоднократно останавливались прилечь на пружинящий дёрн. Рюкзак под голову и можно позагорать на солнышке, наслаждаясь красотами зелёных склонов. Я снова чувствовал спокойствие в душе, вдыхал горный воздух, понимая, что в Дейле всё это чувствуется особенно сильно здесь, над Крэмпот Холлом. Мне казалось, что здесь невозможно быть несчастливым или изводить себя тревогами и заботами.

Прочь от всего – пожалуй, эта фраза наиболее полно отражает душевное состояние, и тем, кто хочет ощутить её истинное значение, следовало бы пройти нашим путём.

Я был на вершине Юнгфрау (правда, не сам подымался, а на поезде вместе с сотнями остальных желающих). И вот, находясь на снежной вершине среди людской суеты, я ничего не почувствовал – у меня не было никаких эмоций. Но здесь иной мир – над Крэмпотом я понимал, что повседневный мир находится в миллионе километров отсюда.

Вид с холма Кисдон Хилл

Мы пересекли Ганнерсайд Гилл, чтобы увидеть внушительные развалины шахт Олд Ганг Майнз и плавильные печи. Всё-таки испытываешь некоторое потрясение, когда после долгого одинокого пути вдруг обнаруживаешь в тихих холмах следы некогда кипевшей здесь деятельности. В этом месте мы слегка заплутали, все заросшие тропинки словно возвращали в Гилл, однако в Ганнерсайд мы всё-таки попали.

Ганнерсайд – это слово имеет норвежские корни, означает «пастбище Гуннара», видимо, сотни лет назад здесь пасли стада одного из предводителей викингов. В наши дни

это деревушка с маленькими симпатичными домиками на зелёных склонах и замечательным видом на долину.

Трудно представить, что здесь когда-то был центр горнорудной промышленности. Само название «Олд Ганг Майнз» подразумевает давний возраст, некоторые исследователи считают, что разработки велись ещё даже до того, как сюда в шестом-седьмом веках пришли саксы.

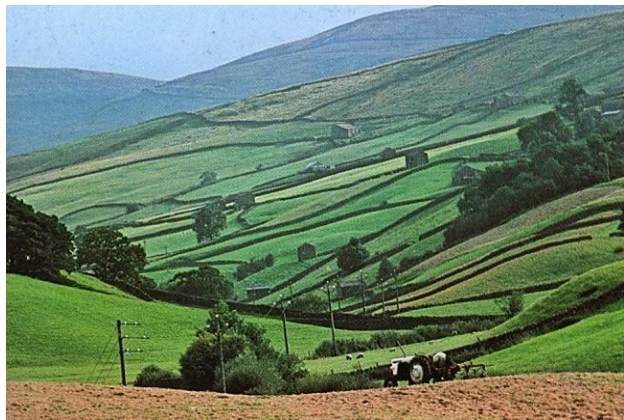
База в Келде

Дорога до Ганнерсайда привела нас к реке, прихотливо выьющейся между зелёными холмами с разбросанными тут и там серыми сараями. Всё вокруг дышит непередаваемым покоем мироздания. Когда мы добрались до Лоу Роу, то были изрядно утомлены и для освежения зашли в трактир «Панч Боул» выпить по стаканчику лимонада. Замечательное заведение, как раз для путешественников по Пеннинам.

Хозяин заведения – Харли Стрит, доктор, уставший от города и дорожных пробок. Он сменил образ жизни и переехал в Суэлдейл, о сделанном нисколько не пожалел. Глядя из окна на долину в холмах, можно было без труда понять, что от переезда Харли Стрит ничего не

потерял.

Мы немного отдохнули, теперь нужно идти через Фитхэм в Хило.

Виды Суэйла

В пути мы проходили мимо фермы Риддингс, расположенной на одном из холмов так высоко, что оставалось только удивляться, как её там построили. В памяти всплыл весенний день, когда я проводил туберкулиновые пробы для Фрэнка Бингэма. Я вышел из коровника, и передо мной открылся пейзаж внизу, ярко запечатлевшийся в моей памяти. Солнечные блики играют на

поверхности неглубокой речушки, на отмелях из галечника пенится вода, направо зелёная долина, налево Рит, Гринтон и шоссе в Ричмонд. Может быть, причина в этом.

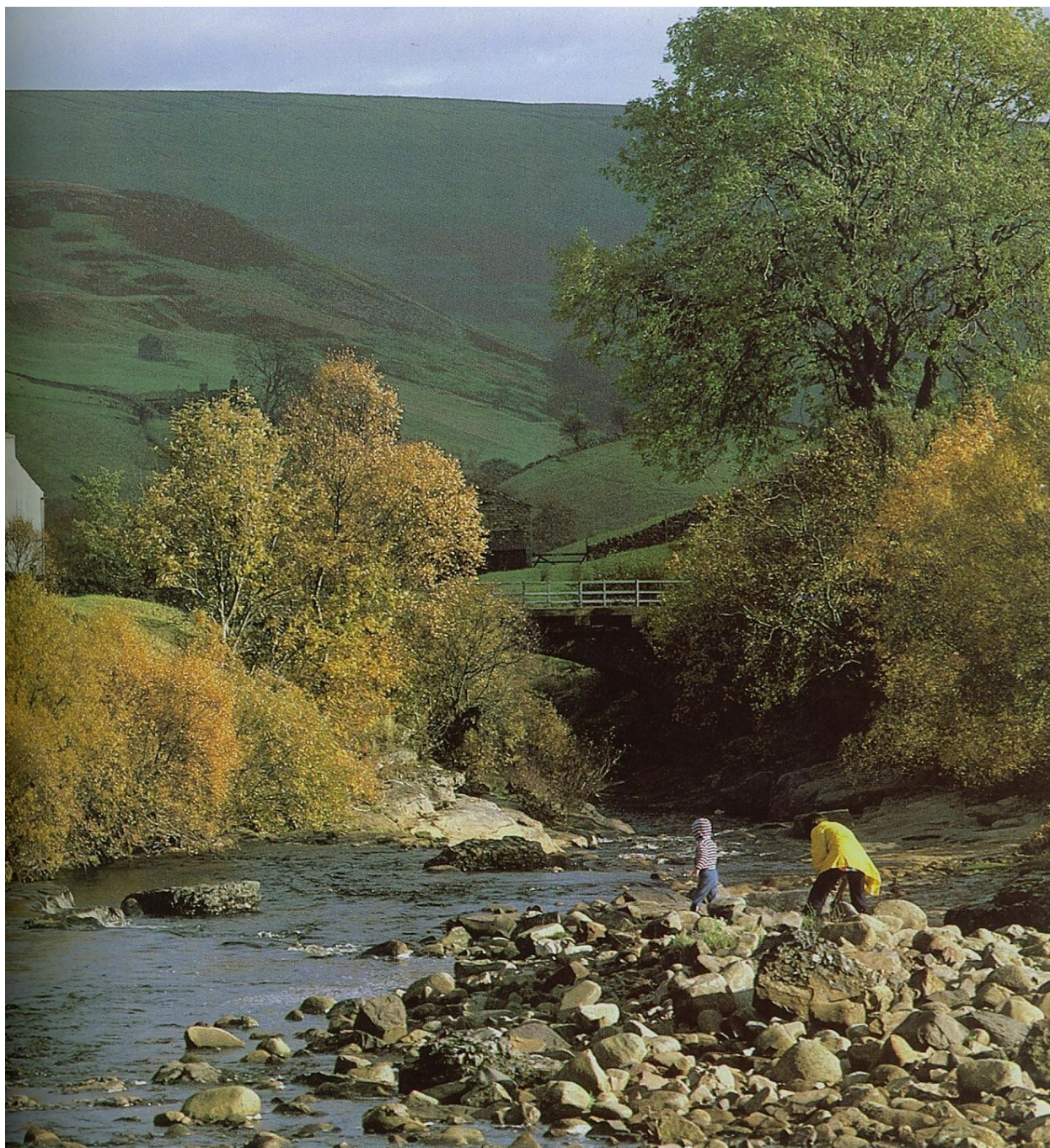
Чёткими шагами мы держали путь в Рит, каким-то необыкновенным образом окружающая нас обстановка изменилась. Словно незримый кто-то произнёс: « Эта часть похода завершена».

Исчезло ощущение простора долины, исчезло чувство отдалённости от повседневного мира, а сельские пейзажи предстали в виде обилия зелени Рита.

Рит – самая большая деревня в долине, широко и удобно расположившаяся на склоне холма, по выходным Рит наполнен отдыхающими и автомобилями.

Мальчики и я, пройдя сквозь потоки туристов, направились в магазинчик за мороженым.

Мы ели мороженое и разглядывали достопримечательности вокруг. Их не смогли испортить все достижения цивилизации.

Речная долина рядом с Келдом

Рит – замечательное место. Этому способствует и расположение на холме Калвер Хилл, и очаровательные аллеи, словно приглашающие путников под свои зелёные своды.

Но нам снова нужно идти, спускаемся вниз по холму и вот мы на извилистой дороге на Фремингтон. Эта дорога вызвала у меня кривую улыбку при воспоминании, как однажды зимним утром я откапывал из снега свою машину, раз за разом, час за часом.

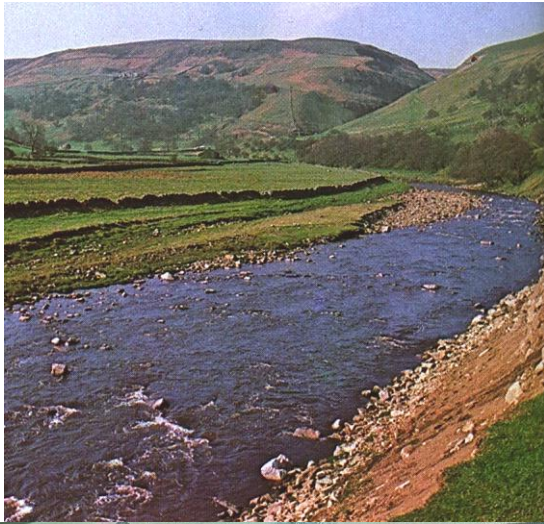
Дорога подарила нам возможность увидеть старинные дома и особняки на выходе из деревни.

Мы медленно подымались к вересковым пустошам. Дома внизу предстали живописной линией, с одной стороны которой дорога, с другой – маленький ручей. От этой картины веяло изяществом и зрелостью времени.

Вид с Крэпнот Холла

Так, ещё немного и мы будем на месте. Туристическая база в Гринтоне – роскошное здание, похожее на маленький замок. Когда-то здесь был охотничий домик полковника Чарльзворта. Постояльцев в Гринтоне гораздо больше, чем в Келде. Просто гуляющие, велосипедисты, одним словом, все, кому не лень было добраться сюда без машины.

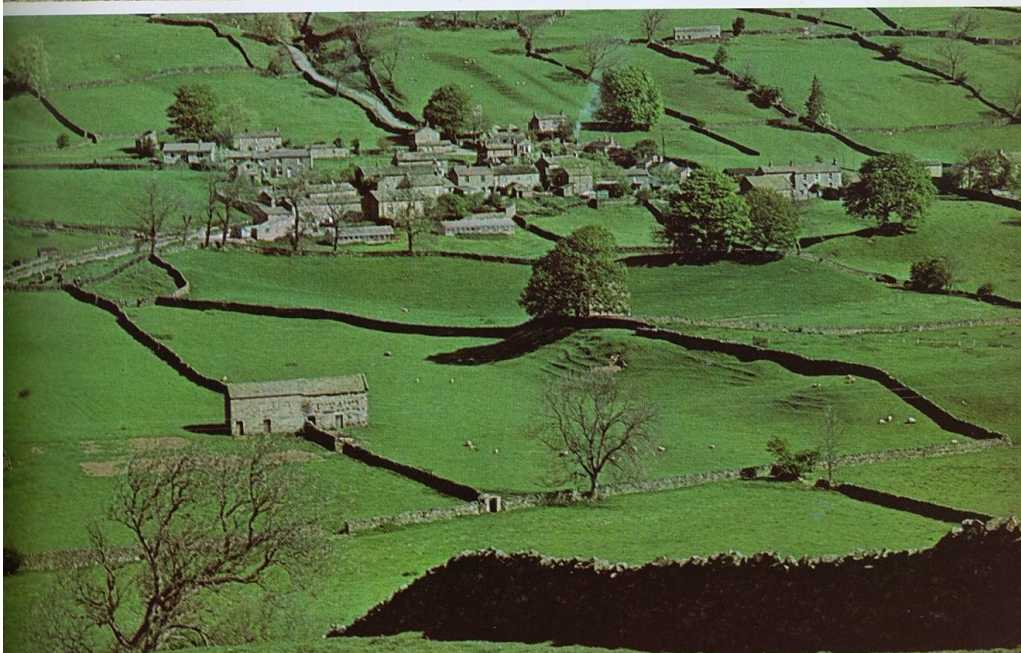

Река Суэйл

В общей комнате после ужина было шумно и весело, множество историй и разговоров. Да, мы все были разные, но тут интересы были общие – от маленького велосипедиста, удивившего всех расстоянием, которое он проехал, до глуховатого профессора с трубкой. Любовь профессора к дикой природе была сродни страсти. В его глазах вспыхивал фанатичный блеск, когда он размахивал своей трубкой: «Вы никогда не были в Тисдейле? Надо, обязательно побывайте. Идите через Кросфел. Я вас умоляю.»

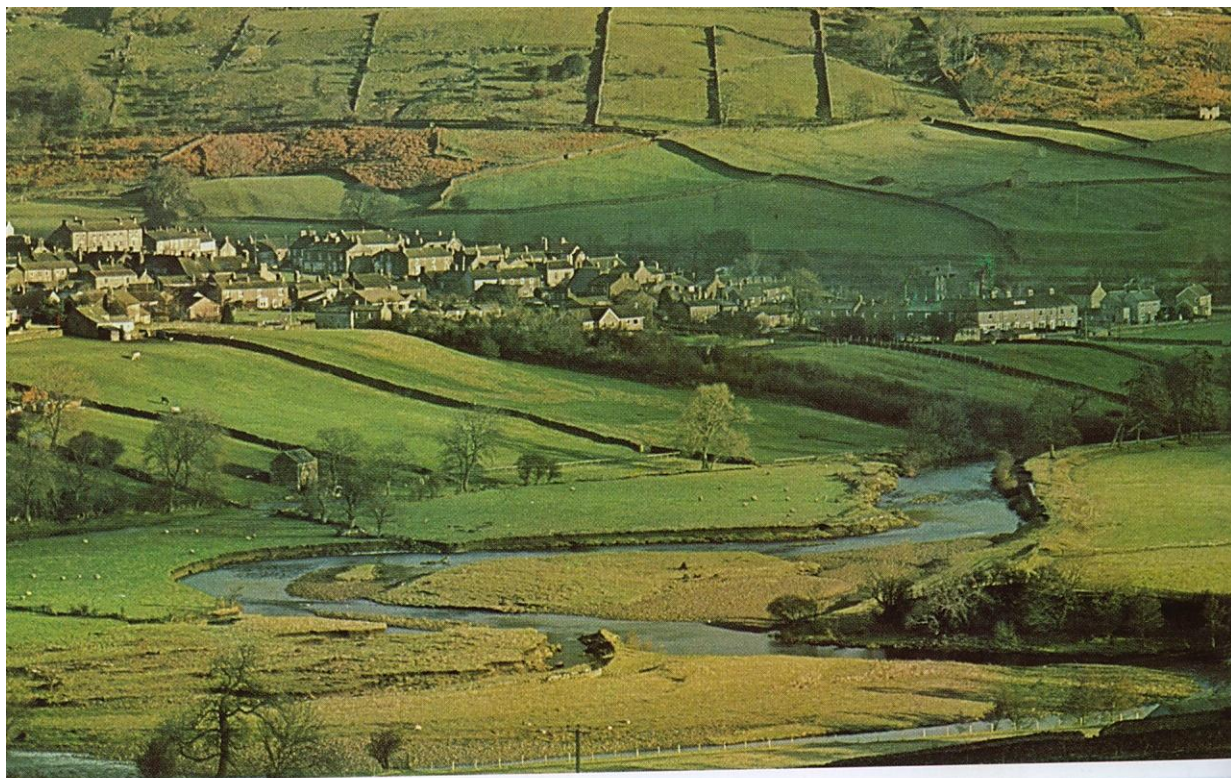

*Крыши
Ганнерсайда*

Хило

Река Суэйл в окрестностях Рита

Холмы

В Гринтоне мы хорошо провели время, однако на следующее утро засобирались домой. Но перед этим мы спустились по дороге в благоухающие заросли вереска и от души там належались, любуясь окружающими пейзажами.

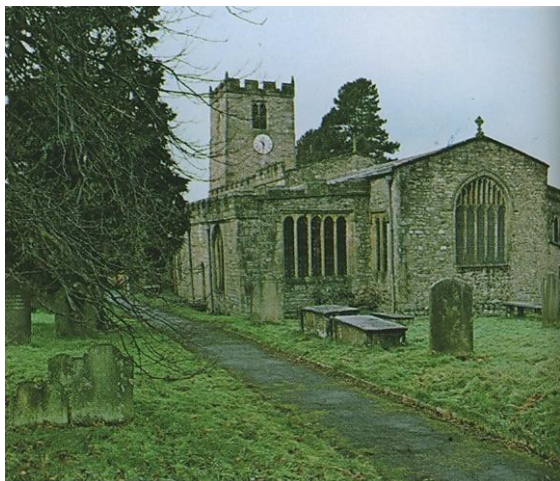
Я всегда останавливаюсь здесь, отсюда виден Рит, дома в окружении холмов наполняют память прекрасными воспоминаниями.

Этим утром отдыхающие по выходным уже уехали, деревня была залита солнечным светом, чуть поодаль возвышалась громада Калвера, в нижней части которого растут деревья, а с вершин почти всё выдувает ветер. И везде тянется узор каменных стенок.

Вариант Скелдейл - Хауса, Рит

Сразу за домами есть две дороги, одна ведёт на вершину холма, другая – в Аркенгартдейл. Больше ста лет назад он назывался Аркилз Гарт, фермеры же всё ещё называют свои поля гартами, однако для меня Аркенгартдейл имеет другое значение – рядом с ним находится Грейт Панчард Гилл, где можно с удовольствием гулять по прекрасным зелёным дорожкам, а если подняться чуть выше по холмам, то перед изумлённым взором предстанут печальные разрушения Стэнмора, при внимательном рассмотрении вдали можно увидеть крошечные автомобили на дороге А66 в Шотландию.

Церковь в Гринтоне

Эта дорога навевает воспоминания о путешествии с несравненным Гранвиллом Беннеттом, когда мы возвращались со встречи ветеринаров в Эпплби. Впрочем, это уже другая история.

Признаться, уходить из Гринтона такому верному поклоннику возлежания в вересковых зарослях, как я, совсем не хотелось. Да и где найдёшь такое естественное упругое ложе,

особенно если вокруг разлит аромат зрелой зелени, в небесах сияет солнце, и прекрасные виды Рита радуют взор.

Пейзажи Рита

База в Гринтоне

Тем не менее, пора было собираться. Некоторым утешением служила мысль о том, что по пути в Лейберн через мостики, потоки и пустоши можно увидеть немало интересного.

В воздушной дали на вершине мы увидели единственное согнутое ветром дерево, как будто символизирующее суровость жизни, но сегодня утром природа холмов словно

улыбалась нам. В моей голове теснились тёплые воспоминания о счастливых часах отдыха, которые я провёл со своей семьёй в здешних местах.

На вершине

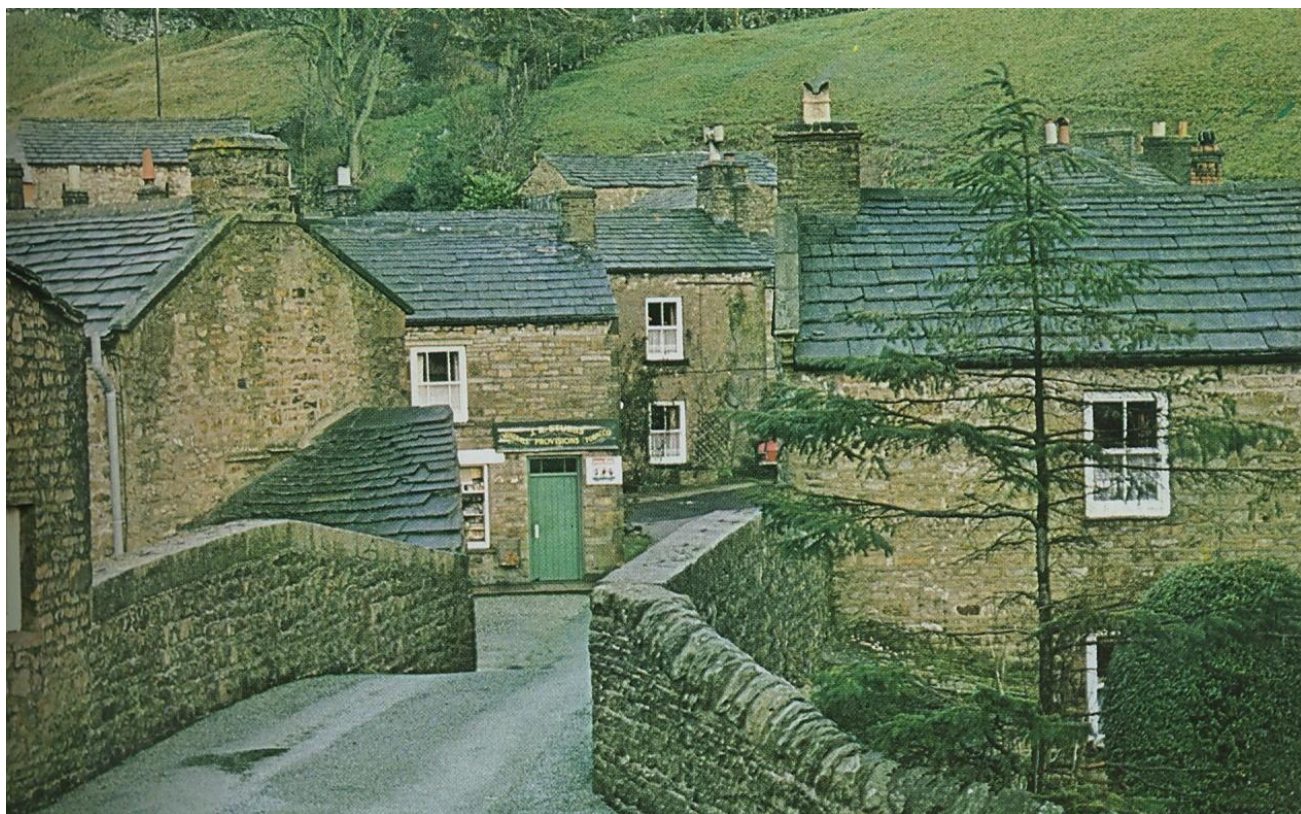
Через несколько километров мы миновали вершину, справа стала подыматься знакомая громада Пенхилла, и нам стало ясно, что волшебный треугольник нашего путешествия замкнулся.

Покидая Суэлдейл, я всегда испытываю чувство какой-то утраты, тем не менее поход-то удался, его события всегда давали нам повод улыбнуться.

Но вот и окраина Лейберна, ко мне же пришло осознание, что я снова вернулся в город начала и конца воспоминаний, связанных с Дейлом.

В первых кадрах сериала «О всех созданиях – больших и малых», Лангтуэйт

В первых кадрах сериала «О всех созданиях — больших и малых»

Баттертьюбс и Хардроу Фос

Одна из замечательных особенностей Пеннин - возможность переходить по вершинам из долины в долину. Есть много дорог и тропинок для таких прогулок, но на мой взгляд, самые лучшие находятся в Баттертьюбс Пасс, что между Уэнслидейлом и Суэйлдейлом.

Баттертьюбс: вид сверху

Высота горы пятьсот с лишним метров, и я хорошо помню тот раз, когда на неё поднялся. Мне говорили, что своё название гора получила благодаря разлому на вершине. По форме он чем-то напоминает бочонок для взбивания масла.

Направляясь к горе, я собирался посмотреть на разлом, будучи на вершине, обнаружил, что там есть ещё немало интересного. Окружающий природный пейзаж воистину вдохновлял.

Свой путь я начал со стороны Суэлдейла, чуть ниже Туэйта, затем направо между каменных стен по извилистой дорожке в горку, изрядно утомившую, приходилось постоянно останавливаться, но ведь можно было любоваться панорамой Суэлдейла.

Налево от меня, за стенами, поля подымались к глубокому ущелью, поэтому пришлось пройти больше двух километров, чтобы увидеть дно ущелья, по которому петлял ручей.

Но сейчас дорога оборвалась, и пока я подымался, ущелье подымалось рядом, соседство ручья приятно разнообразило путь.

У вершины на моём пути в торфянистой почве было несколько ложбин. По незнанию я решил, что это и есть Баттертьюбс, и все волнения были совершенно излишни. Незадолго до этого я сделал кое-какие наблюдения, это подняло мне настроение.

Когда же я наконец добрался до цели, то был совершенно без дыхания, однако увидеть это опасное место стоило. Глубина Баттертьюбс достигает тридцати метров.

Поначалу мне показалось, что этот разлом – творение рук человека, но на самом деле это удивительное творение возникло в результате размывания известняка осадками на протяжении столетий.

С этого места открывается прекрасный вид на Суэлдейл. Здесь берут начало ручейки, из которых начинается Клифф Бек, впадающий в Мюкер Бек, а потом и в Суэйл.

Я обошёл окрестности, глядя на два близлежащих холма – Грейт-Шаннор Фелл, его высота около семисот метров, с одной стороны, и Ловли Сит с другой. Названия холмов имеют норвежские корни. Шаннор означает сторожевой холм. А вот Ловли Сит, другое местное название - Лунасит, происходит, скорее всего, от Луин, или тревога. Возможно, с этого холма сигнализировали о грозящей опасности жителям Туэйта.

Вид на Суэлдейл

В этот первый раз я уходил с большой неохотой, особенно когда открыл для себя приятные особенности этого места. С одной из сторон открывается прекрасный вид на Уэнслидейл. Заросли высокой травы исчезают в тумане, который на вершинах не рассеивается даже днём. Это удивительное зрелище успокаивало меня. Неизменность и величие природы всегда помогали мне отрешиться от забот и волнений повседневности.

Я недавно приехал в Йоркшир, но уже слышал о Хардрои Фос. Как раз сейчас этот тридцатиметровый водопад был совсем недалеко от меня. Нужно пройти меньше километра, и я направился на восток.

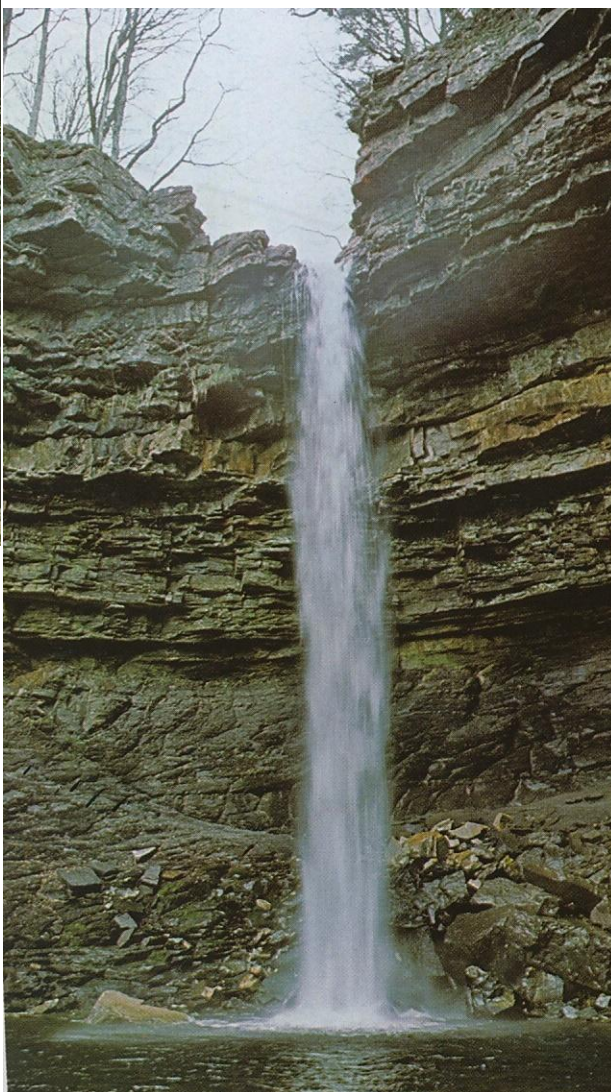
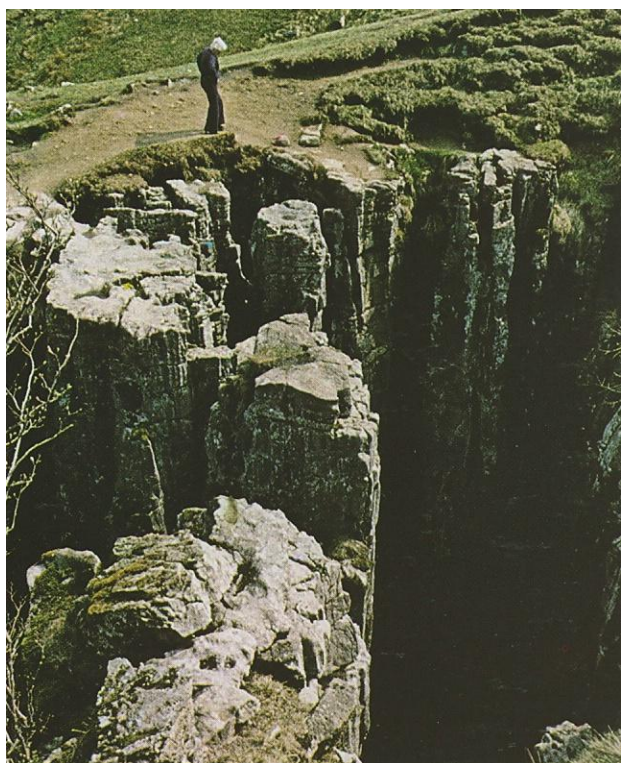
По пути я миновал маленький трактир «Зелёный дракон», за ним начиналось длинное ущелье, заканчивающееся обрывом. В ущелье я увидел остатки сцены, а позже узнал, что в конце девятнадцатого века благодаря акустическим свойствам местности здесь проходил ежегодный конкурс оркестров, приезжавших сюда из разных городков и деревень, собирались сотни слушателей.

Дела дней минувших, я же шёл по траве ущелья к обрыву, с нависающих скал которого обрушивался узкий стремительный поток.

Возможно, у меня слишком впечатлительная натура, но это место Хардроу Скар и этот водопад, показались очень мрачными. Что-то гнетущее чудилось в нависающих скалах, возникали подавленность и боязнь замкнутого пространства. Я бы нисколько не удивился,

если бы вдруг увидел сидящего на краю чертёнка, болтающего ногами и глядящего на меня.

Однако, без сомнения, водопад интересный, ведь можно спуститься вниз и смотреть на падающий поток.

Хардроу Фос

Семеруотер и Биркдейл Тан

Во время работы для Фрэнка Бингэма я часто ездил в Рэйдейл на фермы вокруг озера Семеруотер, так что знал о нём не понаслышке. Ничего особенного с ним не связано, это не Лох Ломонд или Вендермер, однако, выйдя жарким летним днём из душного сарая, приятно увидеть прохладную гладь озера в окружении зелёных холмов.

В озеро впадает река Бэйн

Площадь озера около сорока гектаров, но при разливе она может удвоиться. Зрелище при этом необыкновенное. Однажды я был у озера во время сильнейшего ливня с порывами ветра, оно потеряло свой обычный спокойный вид и было похоже на маленькое море в непогоду, когда сердитые волны с белыми барашками пены непрерывно накатывают на берег, затопляя деревья. Даже овцы, находившиеся за холмом, от страха сбились в дрожащий круг.

Можно совершить замечательную прогулку из Бейнбриджа до Каунтерсетта, по пути обогнуть Семеруотер и через Сталлин Баск вернуться в Бейнбридж. А в солнечную погоду

прогулка ещё лучше – прилечь в траву, любоваться голубой гладью озера и вспоминать связанную с ним легенду.

Она гласит, что на дне лежит целый город. Когда-то бедный странник, обладавший могущественными способностями, пришёл в этот богатый город. Он тщетно искал кров и пищу среди роскошных домов, только в одной лачуге сжалились над ним. Остальной город постигла кара, и он исчез под водой. Жилище бедняков было перенесено на высокий холм и уцелело.

Семеруотер – вид на расстоянии

Этому преданию можно удивляться и не верить, но без сомнения, какие-то события происходили на самом деле. В начале пятидесятых годов в двадцатых числах декабря в воскресный день я, мой сын Джимми и мой друг шли вокруг озера. Стоял крепкий морозец, и чтобы согреться, мы часто переходили на бег, наши ботинки громко стучали по застывшей земле и толстому льду на лужах.

Само озеро было свинцово серым и имело чрезвычайно зловещий вид. При взгляде на него я сразу припоминал легенду. Почему же она возникла?

Некоторые местные старожилы не раз говорили, что под водой они видели какие-то предметы. А исследователи выдвигают версию о древнем поселении, которое стояло на сваях и погрузилось в озёрный ил. Такая версия кажется вполне логичной. Быстро спускались сумерки, я бросил на озеро последний взгляд, и снова мелькнула мысль – всё-таки там что-то есть.

Другое местное озеро - Биркдейл Тан, его мы увидели случайно, когда весенним днём ехали в автомобиле по холму за Келдом по дороге Кирби Стивен. На вершине мы остановились и решили перекусить, любуясь окружающим пейзажем. Признаться, бутерброды от этого были ещё вкуснее. В сторону от дороги местность резко понижается к Грейт След Дейлу, извилистому ручью и громаде Грейт Шаннор Фелла, направо возвышаются Хай Сит и другие вершины, заросшие травой. После лёгкого завтрака мы вышли из машины и решили подняться повыше. Там мы и увидели Биркдейл Тан, небольшое озеро с заросшими травой берегами.

Невыразимым одиночеством веяло от этого малозаметного озера, но в тот день суровость этого пейзажа разнообразили бесчисленные чайки, гнездившиеся вдоль прибрежных камышей. Во многих гнёздах птицы, нисколько не напуганные нашим появлением, сидели на яйцах.

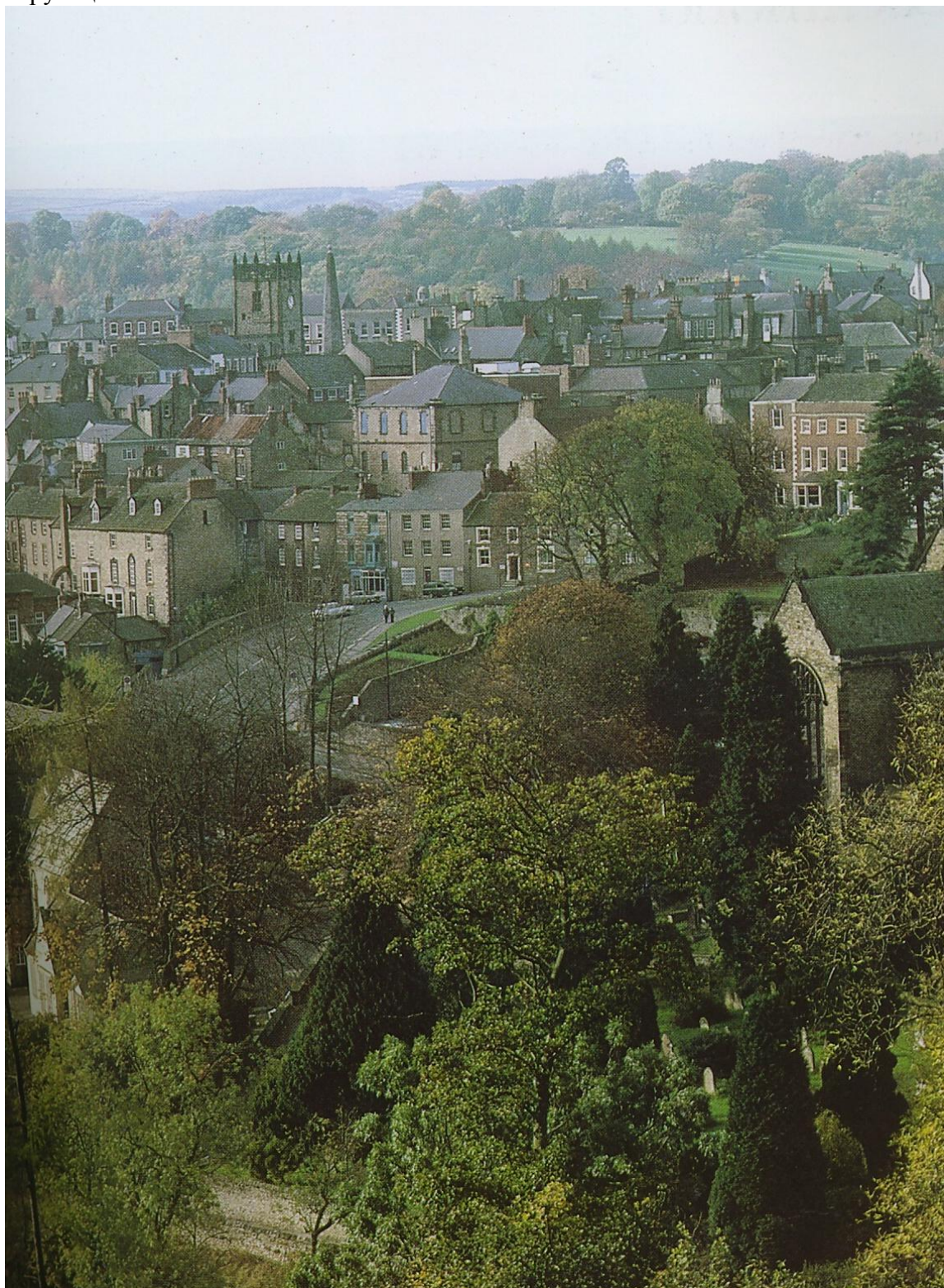
Озеро Биркдейл Тан

Мои дети были очень удивлены тем, что сотни яиц лежали целыми и нетронутыми на голой земле. Впрочем, было это очень давно, и сейчас, вероятно, что-то изменилось.

Ричмонд

Я часто говорю, что Суэлдейл – самая замечательная часть Англии, и по чистейшему совпадению, также полагаю, что Ричмонд, город в его основании, самый романтичный и чарующий в этой местности.

Ричмонд

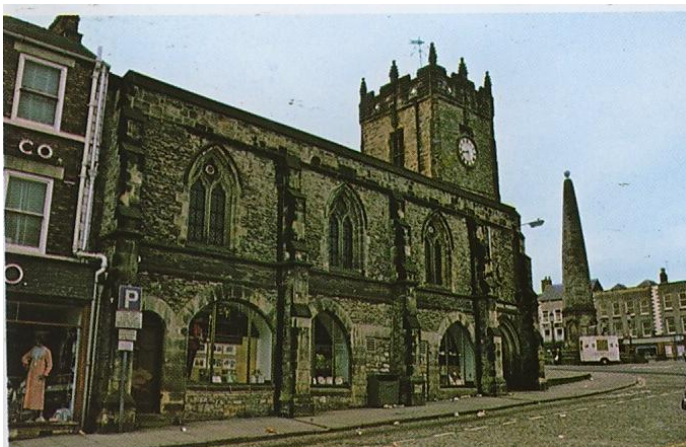

Старинный уличный фонарь

Не нужно прославленной реки и теряющихся в выси холмов, здесь просто есть большая рыночная площадь, высокий замок и удивительная достопримечательность – церковь с магазинами в своих стенах.

Когда я работал на Фрэнка Бингэма, то часто проезжал через Ричмонд и восхищённо смотрел на древнюю церковь, построенную примерно в 1150 году. У неё богатая история.

В середине четырнадцатого века здание лежало в руинах, в шестнадцатом веке здесь был приют для жертв чумы. В своё время здесь были школа, товарный склад, городской совет и суд. Церковь же появилась в 1745 году, причём к тому времени магазины уже были. Ныне здесь военный музей Грин Ховардс.

Церковь с магазинами

Когда я впервые проезжал по городу, то увидел мощёные дороги и тротуары между домами. Эти бесконечные аллеи и улицы расходятся в самых разных направлениях – узкие, широкие, прямые, извилистые. Мой маленький терьер Гектор, которому я посвятил книгу «О всех созданиях – прекрасных и удивительных» бегал по одной из таких аллей, будучи ещё совсем крошечным. Глядя на Гектора, какой-то

старичок изумлённо пробормотал: «Не может быть!»

Замок на берегу Суэйла – наследие норманнов, пейзажи с замком и рекой изображены на множестве рисунков и фотографий.

Кажется немного удивительным, что Ричмонд, этот прекрасный город, находится в Суэлдейле, краю дикой природы. Это обстоятельство даже может поставить в затруднительное положение. Мне нравится история о жителе Ричмонда, который покинул этот мир и отправился на небеса. Святой Пётр у врат спросил его, откуда он.

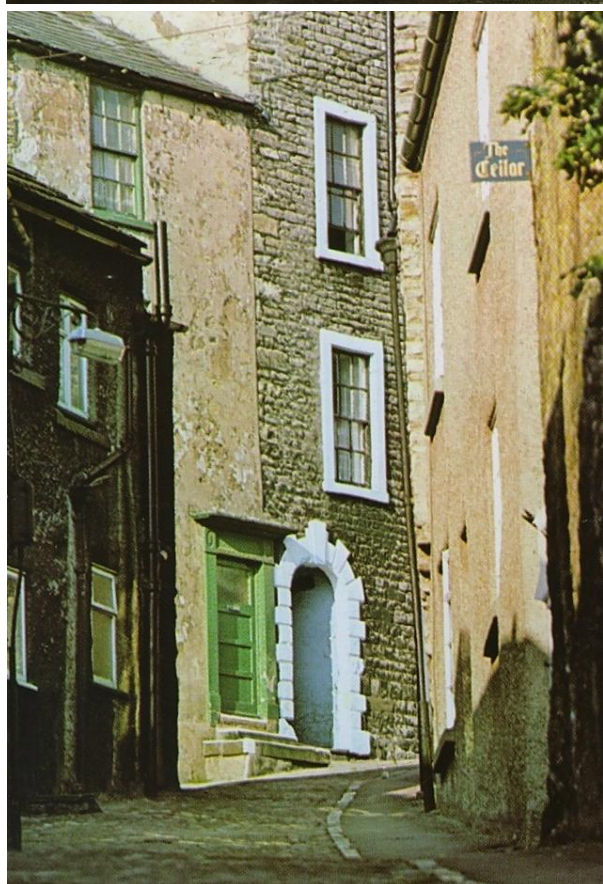
- Из Ричмонда, - ответил новоприбывший.

Святой Пётр грустно покачал головой.

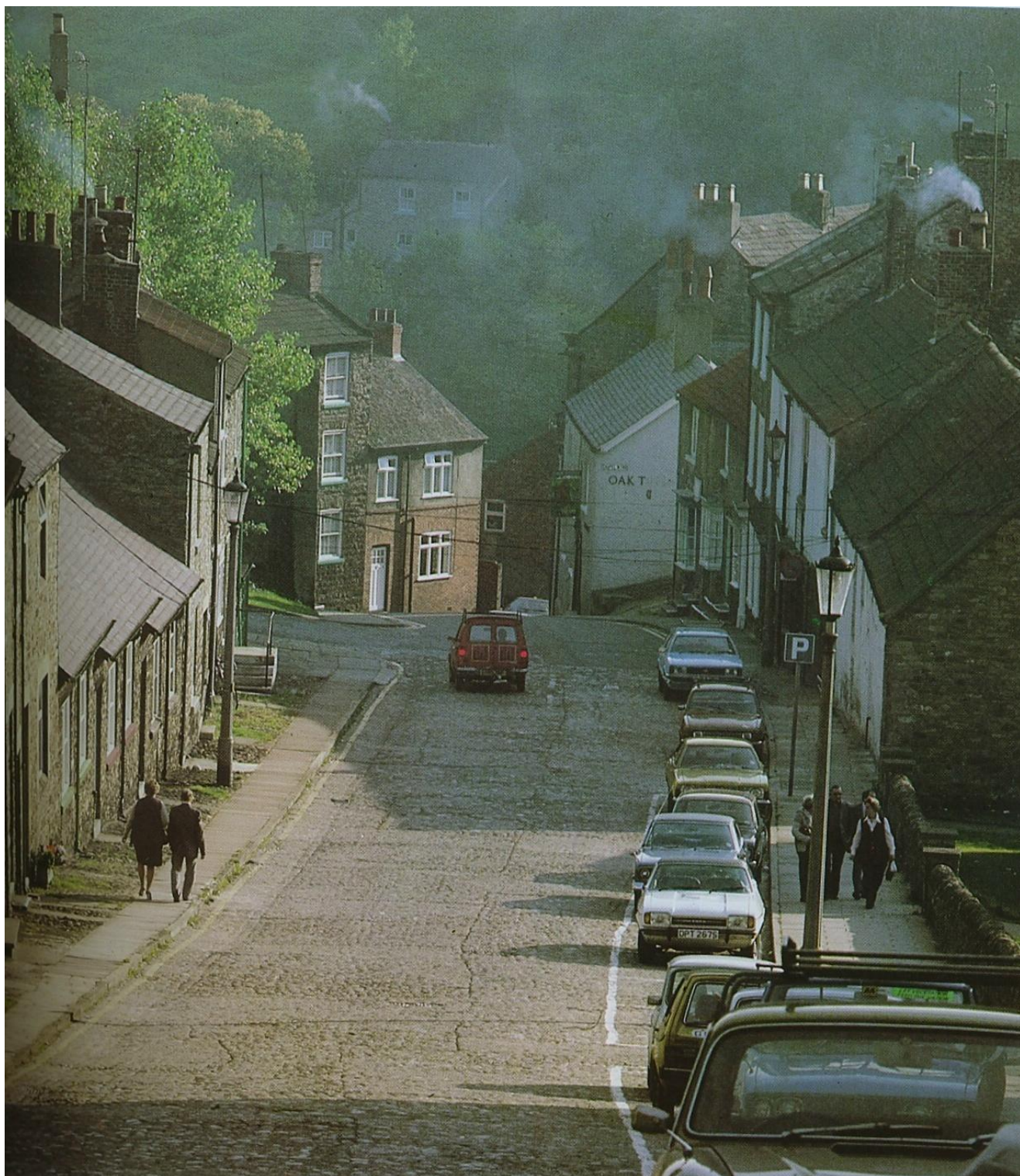
- Ясно, - проговорил он, - вот только я боюсь, что вы будете разочарованы нашим предложением.

Замок на склоне реки

Переулки Ричмонда

Дорога к реке

Вест Уиттон Банк

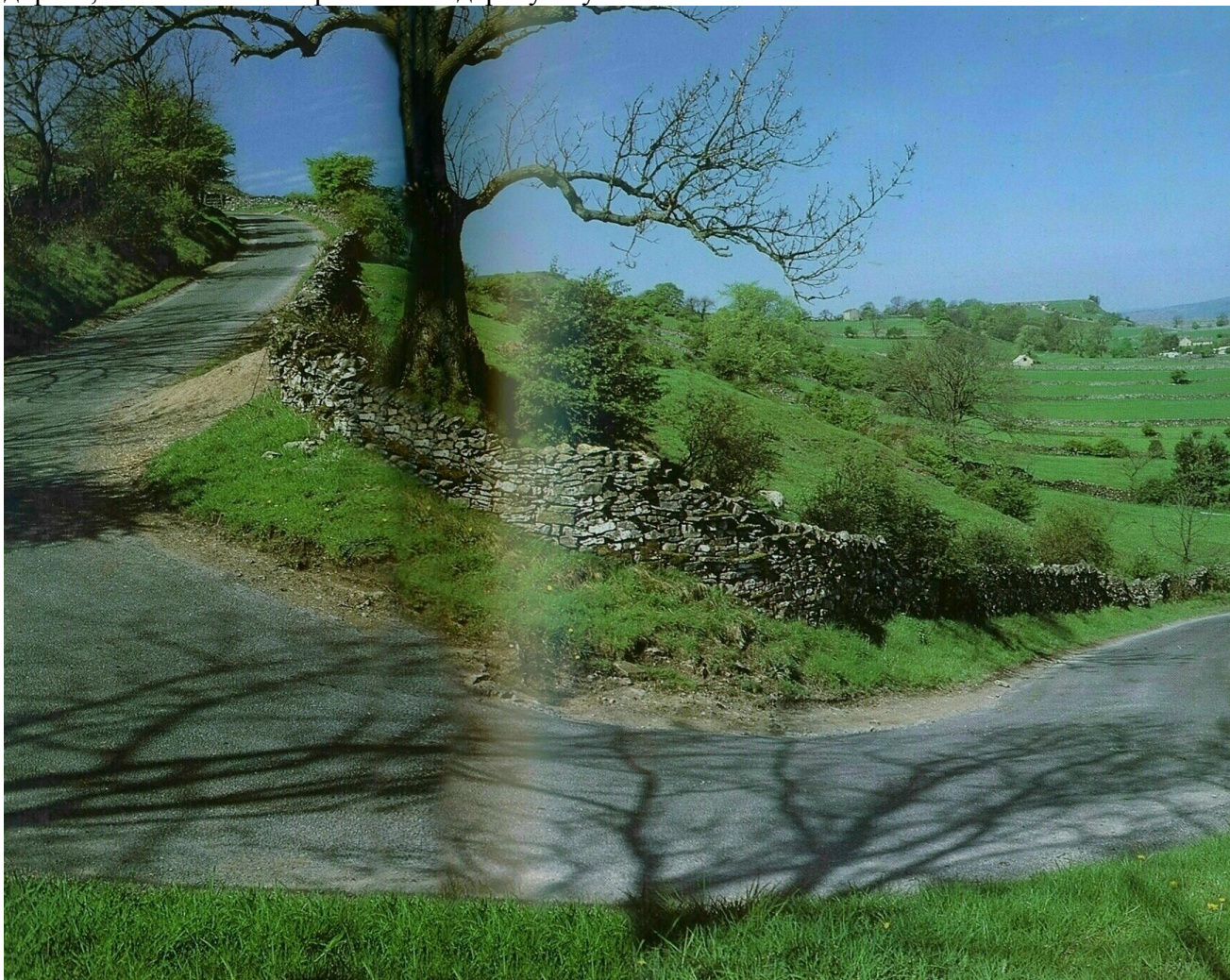
Местные жители называют движение по этой дороге не иначе, как езда через остановки. Для меня же она прочно связана с тем днём, когда я, спускаясь на своём дряхлом автомобильчике с неисправными тормозами, предпочёл врезаться в каменную стенку, чтобы не въехать в поток овец, заполнивший всю дорогу.

Читатели книги «О всех созданиях – больших и малых» наверняка вспомнят эпизод, когда я долго сидел в машине, глядя на ферму старого мистера Робинсона внизу, такую близкую, но этот холм перед ней... а я в машине, которая не тормозит. Выбор был за мной: прямо вниз – и я на месте, или несколько километров в объезд.

В такие минуты я мучительно пытался сделать выбор, нисколько не замечая красоты окружающего пейзажа – безбрежная зелень Уэнслидейла, река Ур, замок Болтон.

В те дни при спуске на бесчисленных дорогах в холмах я включал первую скорость, но и при этом автомобиль набирал поразительную скорость. Этот же холм выделялся в ряду себе подобных крутизной склонов. Я возносил молитвы и отдавался на волю провидения. Без торможения перевернуться можно было проще простого, для меня до сих пор остаётся загадкой, почему этого не случилось.

Даже сейчас, когда у меня есть современная мощная машина и никакие повороты и уклоны уже не страшны, я удивляюсь событиям своей трудной молодости. Сегодня на такой трюк я не решусь и за сто фунтов. А временами мне кажется, что не окажись тех овец на дороге, то влетел бы я прямиком в деревушку Вест Уиттон.

Крутой поворот

Кавердейл

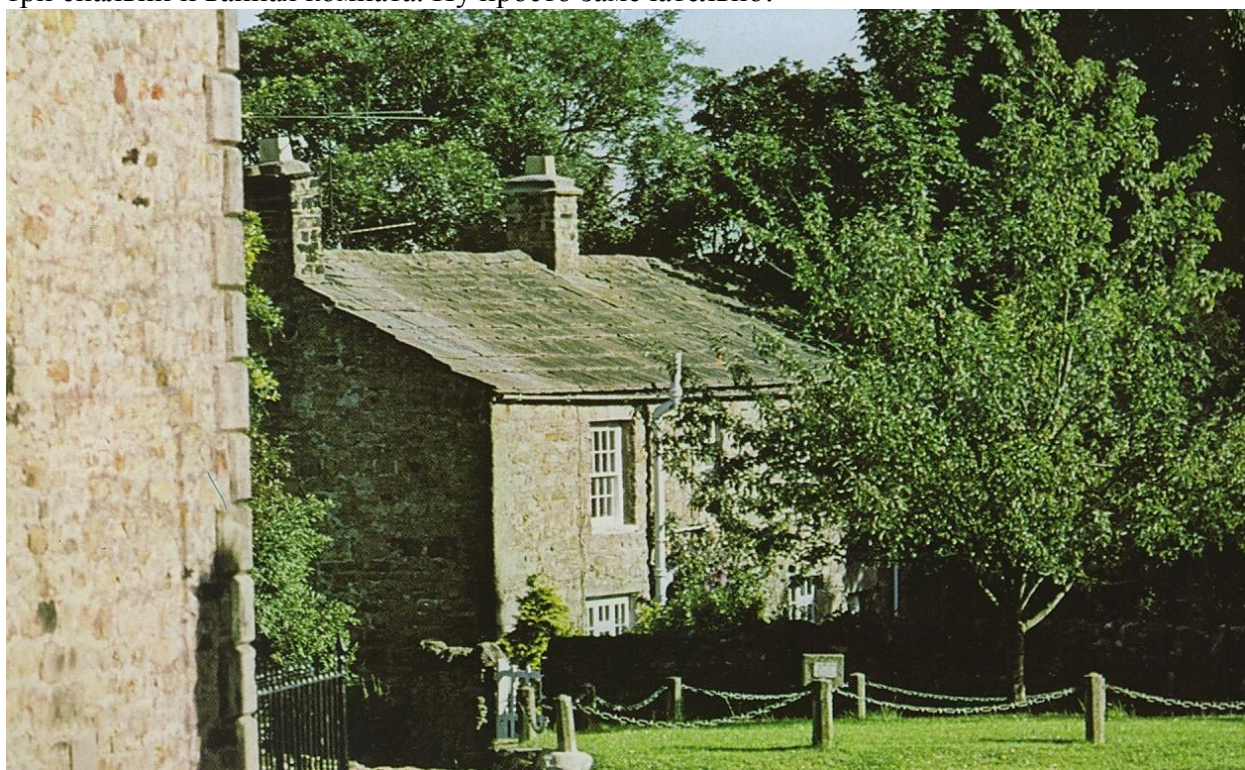
Я рассказывал о Суэлдейле и Уэнслидейле, а ведь есть ещё и Кавердейл, где мы часто путешествовали и отдыхали.

Если быть точнее, речь идёт о маленькой деревушке Вест Скрафтон. «Скрафтон» означает место за лощиной.

Деревушка – просто группа близко стоящих домов, окружённых зеленью. Мы арендовали у доктора Ральфа Дабберли Гранд Коттедж, старинный дом с богатой историей, с одной стороны дома росли деревья, с другой лежал глубокий овраг и ручей. Когда-то дом был частью аббатства Каверхэм, как напоминание о прошлом в кухне и зале расположено роскошное окно, придающее помещению торжественный вид. Звуки из кухни можно услышать на втором этаже.

Ранее мы не были в этом доме, поэтому, входя первый раз, ожидали увидеть типичное сельское жилище, полное сквозняков и промозглости. Естественно, нас охватило изумление при виде того, что всё обстоит с точностью до наоборот. Уютный старый дом с центральным отоплением, большой камин, пламя в котором добавляло тепла в окружающую обстановку. У камина лежала заботливо принесённая груда дров. В комнатах стояла удобная мебель.

На улице был крепкий морозец, но настроение у нас было тёплым. Мы отогрелись у камина и прошлись по дому: прекрасно оборудованная кухня, столовая, а на втором этаже три спальни и ванная комната. Ну просто замечательно!

Гранд Коттедж

Чем можно заняться в холодный октябрьский день в маленькой деревушке? Например, выйти на прогулку и разглядывать каменистую вершину Рува Крэг, понимая, что видишь что-то необыкновенное. Высота Рува Крэг около 450 метров, и надо сказать, что это отличное место для прогулок. Тропинки, ведущие вверх, так и манят. Можно дойти до старых шахтных выработок, а потом вернуться в деревню через ручей, скрытые заводы и водопады которого видят только фермеры и пастухи. В октябре в низменностях клубится туман, я много раз подымался на Рува Крэг с моими собаками, и мы бродили по холмам, кочкам и жёсткой траве, а внизу лежал серый ковер равнины.

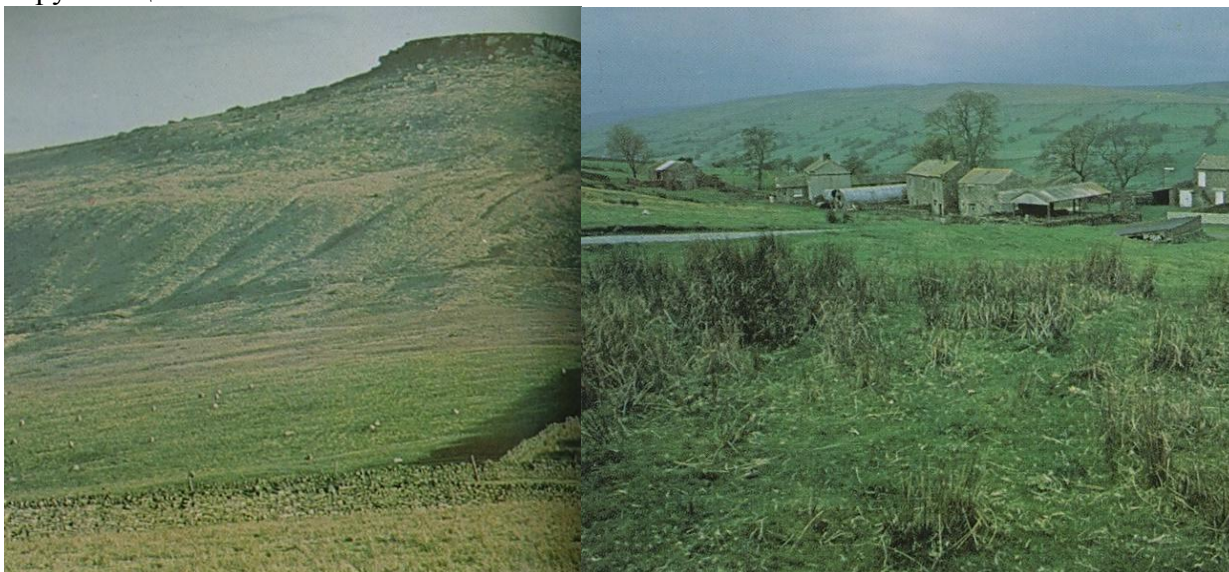

Хорсхаус и Карлтон Мур

Там, внизу, всё могло быть серым и расплывчатым, но здесь, на высоте, окружающий мир состоит из солнца и голубого неба, а тишина и спокойствие буквально окутывают.

Прогулки становились ещё интереснее, когда к нам в гости приезжала дочь Розы с внучкой Эммой. Дорога по холму, ведущая в Суайнсайд, была отличным местом для путешествий с малышкой в коляске. Полагаю, это отличный способ увидеть красоту Пеннин.

Рува Крэг возвышается по одну сторону каменных стенок, и через Грейт Хау, Карл Фелл и Литтл Вернсайд можно добраться до его величественной вершины, по другую же сторону земля идёт вниз ко дну долины, неровные склоны которой поднимаются затем к Пенхиллу и Карлтон Муру. Серая полоса маленькой деревушки Карлтон выделяется на фоне окружающей зелени.

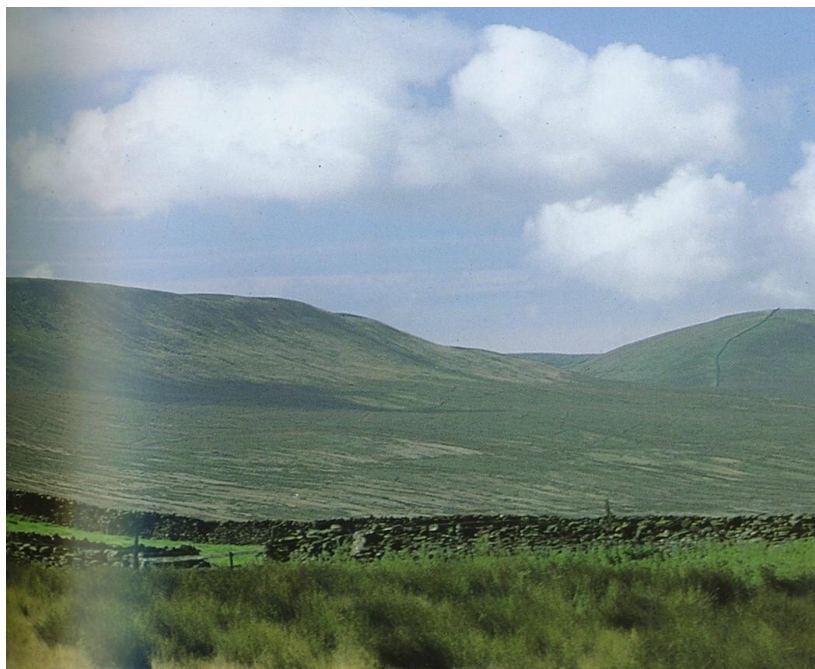

Рува Крэг

Суайнсайд

А вот деревушка Суайнсайд представляет из себя довольно примечательное место: внешне это просто несколько серых каменных домов, стоящих вдоль дороги, которая никуда, собственно, не ведёт. Однако именно здесь родился Адам Лофтус, ставший впоследствии

лорд-канцлером Англии, а его сын стал первым виконтом Лофтусом.

Вест Скрафтон Мур

Если Эммы со мной не было, то можно пройти от Суайнсайда до деревушки Хорсхаус по длинной череде кое-где заросших камышом полей. Разумеется, на пути были каменные стенки, лазы в них были настолько узкими, что я с трудом протискивался. Без сомнения, строители стен создавали их в полной уверенности, что в холмах никогда не будет чрезмерно

упитанных людей.

Кавердейл, вообще-то, место довольно потаённое, и надо хорошенько осмотреться, чтобы понять, что тут есть, ведь выглядит оно вовсе не так заманчиво, как, к примеру, Суэлдейл или Уэнслидейл. Среди отлогих зелёных склонов Миддлхэм Лоу Мур трудно предположить, что это часть уединённой долины, протянувшейся почти на 18 километров между крутыми, голыми холмами в самой, пожалуй, суровой по климату местности Англии.

Это красиво, но это застывшая красота безлесных возвышенностей и невысоких серых домов, исключением разве что можно назвать живописные окрестности Каверхэм Бридж и развалины соседнего аббатства.

Что ещё можно делать в Вест Скрафтоне? Например, Хелен и Роза с удовольствием занимались покупками. Покупками в этих далёких краях? Ничего удивительного. Готовили мы сами себе, поэтому постоянно бывали в продуктовых магазинах, выбор в которых поражал воображение.

Рядом с Хорсхаусом

Великолепный магазин был и в маленьком Карлтоне. Когда я видел удивительное разнообразие товаров, то невольно вспоминал дни молодости, зачастую в бесконечных разъездах удавалось перекусить только бутербродом с ломтиком уэнслидейлского сыра.

В Миддлхэме тоже замечательные магазины, тут, видимо, сказывается влияние Лейберна. Миддлхэм – маленький, продуваемый всеми ветрами городок на склоне холма – может предложить вам все бакалейные товары, домашние пирожные и печенья, вкуснейшие мясопродукты. А мы, например, приобрели здесь одежду отличного качества.

Разумеется, я провёл значительную часть времени в походах по окрестностям Кавердейла, моим верным спутником была топографическая карта. Может показаться, что никаких причин для волнения не было, просто следуй указаниям контурных линий, но здесь, в Кавердейле, я постоянно пребывал именно в этом состоянии. Особенно, если странствия приводили меня на какую-нибудь новую вершину, полную первозданной свежести.

Я вспоминаю один осенний день, когда среди этих бесконечных просторов внезапно осознал, что нахожусь на вершине Англии. Я смотрел на заросший травой Грейт Вернсайт, на склоны, уходящие к Варфдейлу. Бесчисленные столетия прорезали в них глубокие овраги, где невидимые потоки и водопады пенились среди камней.

Здесь, как всегда и везде, подымались и терялись в высоте каменные стенки.

Воздух напоен ароматом вереска, а тишину нарушает лишь далёкое блеяние овец. Кругом ни души – только я да мои собаки.

Здесь берёт своё начало река Кавер, и сейчас, этим октябрьским утром я видел, как, извиваясь и поблёскивая, она прокладывает свой путь вниз, пенится под полукруглыми мостиками между склонами, покрытыми засохшим папоротником и пожелтевшей травой.

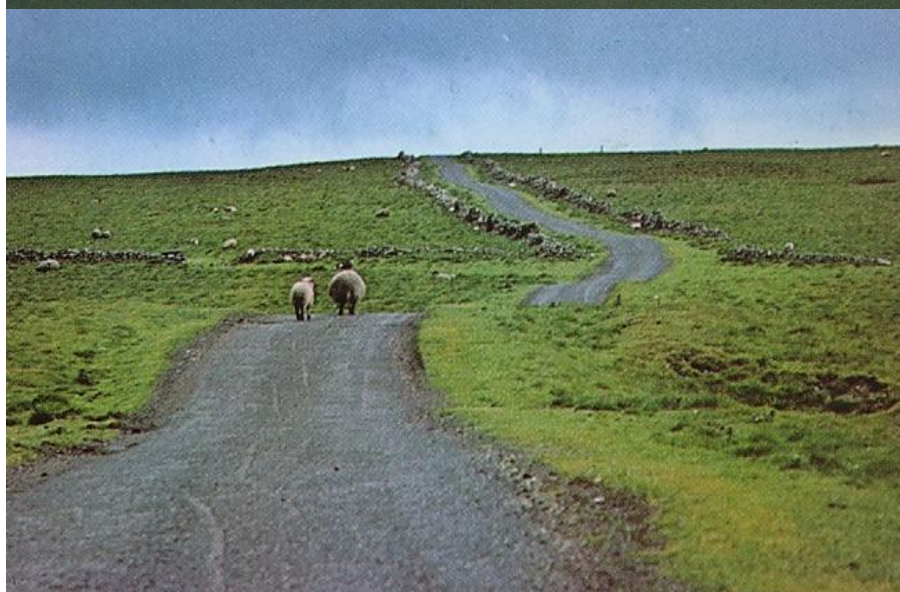
Интересно узнать, что на протяжении нескольких столетий основная дорога, соединявшая Лондон и Ричмонд, проходила по этим безлюдным местам. Согласно дорожной книге Додсли от 1756 года расстояние от Лондона до Миддлхэма 251 целая и три четверти мили, и Спейт описывает участок в 15 миль между Кеттлвилем и Миддлхэмом через Кавердейл как самый неровный, на котором путникам приходится как следует «потрясти костями». Спейт пишет: «Пожалуй, любой путник, волею случая оказавшийся на этой дороге, вспомнит все забытые когда-то дела и решит для себя их обязательно выполнить».

Рядом с Хорсхаусом

Он нисколько не преувеличивает, в самом деле, можно прийти в изумление, представив разбитые земляные дороги тех дней через крутой Парк Раш из Варфдейла и потом вниз по сквернейшей дороге в Кавердейл.

Сейчас я шёл по этой дороге, так как стало смеркаться. Вниз по узкой дороге через Вудейл, Брэдли и Хорсхаус, где вьючных лошадей кормили и давали им отдохнуть. Спускаясь вниз, я представляю, как когда-то давно пассажиры скрипучих карет и повозок с подозрением смотрели на окружающие заросли травы и каменные россыпи.

*Одиночество
вершин*

Было уже поздно, когда я добрался до Вест Скрафтона. В закатном свете над Рува Крэг громоздились облака, а жёлтые окна Гранд Коттеджа сулили уютный вечер возле пылающего камина.

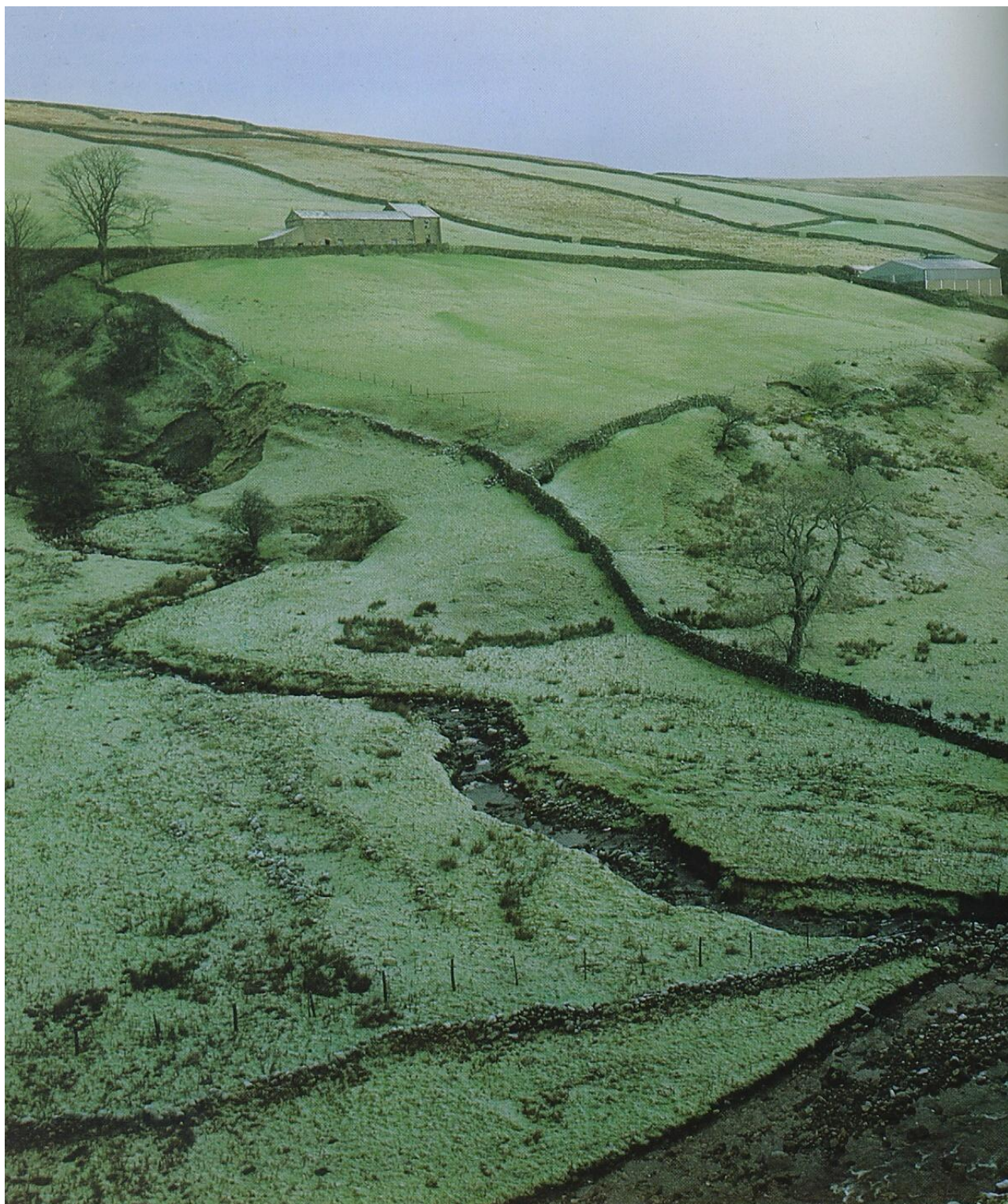
Большинство частей Йоркшира не сильно изменились в течение столетий, но у Кавердейла несколько иная история: сначала здесь жили англосаксы, потом датчане, потом здесь появились норманны, о кровавых битвах норманнов и местных жителей до сих пор напоминают могильные камни. Завоеватели в качестве главного города выбрали Миддлхэм.

Согласно Спейту, название Кавердейл восходит к англо-саксонскому Кофа Дэл, что означает долина глубоких пещер, однако мне более правильной кажется другая теория: Кавер — древнебританское название потока, текущего в глубоком овраге, это больше подходит к данной местности.

Встречаются в Кавердейле и норвежские названия: Брэдли – большой участок леса, расчищенный для обработки почвы, Калдберг – холодный холм. В Калдберге, высоко расположенной деревушке, родился Майлз Кавердейл, епископ Экзетера, его перевод Библии был впервые издан в Англии в 1535 году. В Каверхэме, что за Калдбергом, сходятся две дороги – одна ведёт в Миддлхэм, другая в Вест Уиттон, симпатичную маленькую деревушку, на пути в которую можно увидеть очаровательное феодальное поместье семнадцатого века Брейтуэйт Холл.

Литтл Вернсайд

Река Кавер

Но всё-таки жемчужина всей долины, конечно, Миддлхэм. И для Кавердейла он значит то же, что Ричмонд для Суэлдейла. О Ричмонде можно долго рассказывать, но сравнивать его с Миддлхэмом в плане архитектуры и личных ощущений всё-таки не совсем правильно, ведь они не равны, однако, что касается истории прошлого, то Миддлхэм будет победителем.

В наши дни вокруг города много конюшен со скаковыми лошадьми. И крепкие парни, работающие с ними, только сдержанно улыбнутся, если я скажу им, что Миддлхэм – очаровательное место. По крайней мере, для меня.

Приток реки Кавер

*Склоны Литтл Вернсайда
испещрены водными потоками*

Город не просто богат историей, он буквально насыщен ею. Сначала здесь стоял замок, известный как Северный Виндзор. Его строительство начал в 1170 году Роберт Фиц

Рэндольф, в течение многих лет замком владело могущественное семейство Невиллов, представителем которого был Эрл Варвик, участвовавший в войне Роз. Кажется невероятным, что в столь тихой части Пеннин происходили события, связанные с государственными делами, что здесь проводили роскошные балы, участники которых появлялись в окружении пышных свит. Естественно, здесь побывало множество исторически известных личностей. Невиллы, владельцы Миддлхэма, и Варвик, делатель королей, последние из феодальных баронов, живших воистину с королевской роскошью в этом замке-крепости.

Известно, что на завтрак съедали мясо шести быков, а пиры были обильными и расточительными.

Король Ричард III, женившийся на дочери Варвика леди Анне Невилл, тоже некоторое время жил в замке, а их сын Эдвард, принц Уэльса, родился в круглой башне.

После падения Ричарда в Босуорте, эпоха Плантагенетов завершилась, а в истории Миддлхэма были перелистнуты самые известные страницы.

После Ричарда к власти пришёл Генри Тюдор, к замку своего врага он отнёсся безо всякого почтения, и вскоре на месте замка остались только развалины. Части стен разбирали и уносили, тут возникла своего рода бесплатная каменоломня по добыче обработанного камня. К 1646 году почти всё было кончено.

Из награбленного материала возведена почти половина Миддлхэма, но к счастью кое-что осталось, и до наших дней дошло грустное напоминание о былом величии.

В течение многих лет мы ходили к разрушенному замку, смотрели на зубчатые стены, открытые всем ветрам залы, где проходили королевские приёмы, крошащуюся кладку комнат, где в средние века блистал доспехами королевский двор.

Да, пышность и блеск ушли навсегда, отныне только птицы считали развалины домом для своих гнёзд, но ведь осталось очарование Миддлхэма, и старинные стены – его неотъемлемая часть.

Можно увидеть пиршественный зал, местами сохранился глубокий ров с водой, есть часовня.

Людская власть не вечна, с падением замка из города исчезло почти всё, так или иначе напоминающее о могущественном роде Невиллов.

Вид на Брэдли и Грейт Вернсайд из старого охотничьего домика

Можно ещё много рассказать о Кавердейле, что не лежит явно на страницах истории, ведь большинство людей могут посчитать достойным интереса лишь славное средневековое Миддлхэма. Но для меня прелесть Кавердейла прежде всего заключена в его строгой, чистой красоте.

Когда я думаю об этом, то всегда вспоминаю дикое высокогорье вершин, километры чередующегося разноцветья местности – коричневое, жёлтое, зелёное, где под тростником прячутся тёмные зеркала болот.

Когда сотрудники телевидения приехали снимать эпизоды сериала «О всех созданиях – больших и малых» возле Хорсхауса, я разговаривал с Тедом Родсом, редактором сценария. Он сам был уроженцем юга Англии, и благодаря работе впервые увидел Уэнслидейл и Суэлдейл. Он был очарован увиденным, но здесь, в Кавердейле, казалось, испытывал трепет, обводя взглядом окружающую природу.

- «Знаете, - сказал Тед, - наверное, это самое лучшее место».

Возможно, так оно и есть.

Миддлхэм

Миддлхэм

За городом

Развалины замка

Вершины Кавердейла

Добыча и переработка свинцовосодержащих руд

В своих книгах я рассказываю о зелёных дорожках и тропинках, выющихся по склонам Пеннин. Они словно приглашают совершить прогулку и отдохнуть, шагать по их чуть пружинящей поверхности легко и приятно, особенно в чьей-нибудь компании. Эти маршруты уводят своих поклонников в очаровательную высоту, полную света и ветра. Но вот что странно – в конце приходишь к шахтам по добыче свинцовой руды. Конечно, шахты давно заброшены и не используются, однако я до сих пор помню чувство глубокого удивления, которое охватило меня при первой встрече. Когда я приехал в Йоркшир, то даже и не подозревал, что в здешних краях был один из мировых центров свинцовой промышленности. Разумеется, сейчас с трудом можно представить бурную деятельность в этих местах тишины и одиночества.

Зелёная дорога в Гринтон

Однако, например, в двенадцатом столетии выплавленный в Суэлдейле свинец покрывал крыши аббатств Франции и королевского замка в Виндзоре. Крыши из этого свинца лежат и на многих римских кафедральных соборах.

Всё-таки необыкновенно воспринимать факт, что здесь, в краю сельского хозяйства, металлургическая промышленность возникла, процветала и пришла в упадок, оставив только полуразрушенные воспоминания.

Доподлинно неизвестно, когда стали добывать руду и плавить свинец, но при римлянах это уже было. Так, однажды нашли свинцовую чушку с надписью «Адриан 117-38». Многие исследователи полагают, что начало деятельности восходит к бронзовому веку. И когда шахтёры последних столетий находили следы деятельности своих предшественников, то обычно говорили, что здесь были работяги – краткое и точное определение тех людей, которые так же когда-то работали под землёй.

Руду везли к плавильням, полученный металл развозили по потребителям.

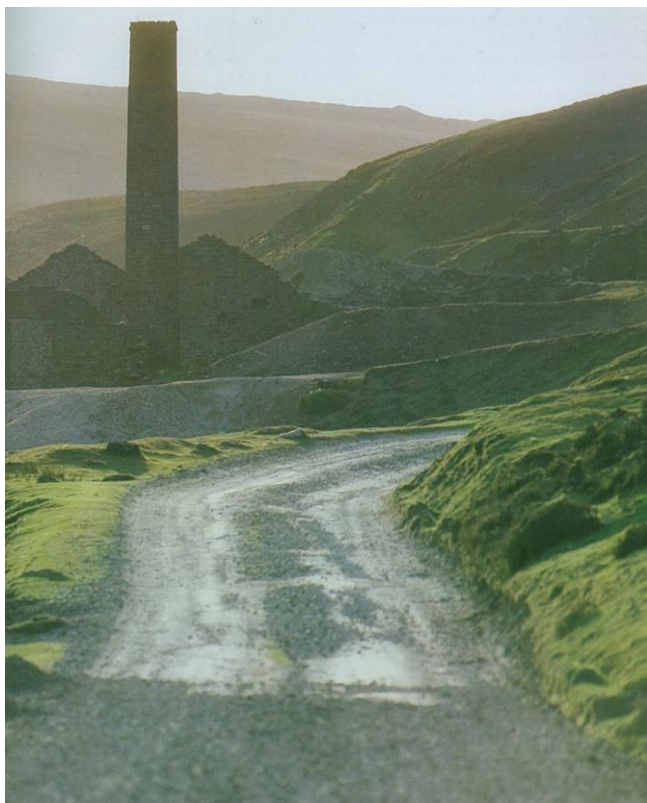
Меня всегда удивляли глубокие промоины на склонах холмов. Позже я узнал, что образовались они в результате добычи руды – потоками воды размывали склон для обнажения рудного пласта. Потом на смену пришли шахтные уровни.

На пике развития ежегодно производилось пять – шесть тысяч тонн свинца.

Но почему потом пришёл упадок и деятельность прекратилась? Конкуренция. Добыча и переработка свинцовой руды в других частях света оказались более выгодными. В Испании, например, руды богаче, условия добычи легче, к тому же выше содержание сопутствующего серебра.

Кризис ударил по промышленности примерно в 1830 году, и многие семьи были вынуждены переехать в Дурхэм для работы в угольных шахтах. Другие перебрались в Ланкашир, там были ткацкие фабрики. В 1865 году всё завершилось окончательно.

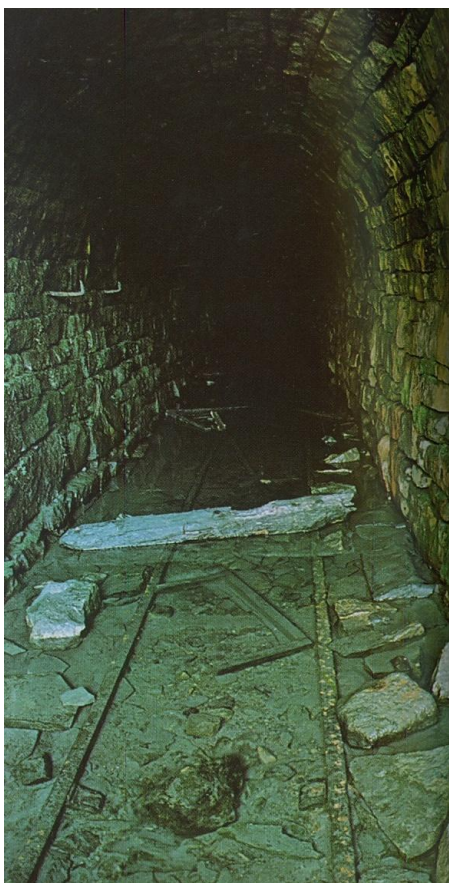
Во время бесконечных разъездов по вызовам в редкие минуты отдыха я часто подходил к зияющим проёмам шахт и уровней, таким чёрным и грозным в противоположность окружающей зелени, свободе и чистому воздуху. И я всегда думал, насколько отличается моя жизнь от жизни тех, кто был вынужден каждый день спускаться на многометровую глубину прочь от света.

Олд Ганг Майнз

Грустно читать имена на надгробиях деревенского кладбища, большинству едва миновало сорок лет, их сводили в могилу свинцовое отравление, заболевания лёгких, ревматизм.

У этих людей была трудная жизнь. Часто до работы надо было идти десять – двенадцать километров. Заработная плата была мизерной. На столе были только овсянка и чёрный хлеб, белый считался роскошью. Работа в шахте была наполнена величайшим риском. Как гласит история, смена шахтёров погибла в опускавшейся клетке из-за того, что последний вошедший не отряхнул снег со своих башмаков. В процессе спуска на образовавшейся воде они внезапно потеряли опору, и клетку uncontrollably понесло вниз.

Безмолвие в Ганнерсайд Гилле

Суровость быта и работы горняков казались мне невыносимыми. Я представлял себе их жизнь глубоко несчастной. И всё же... всё же... Говорят, что старики, ещё помнившие самих шахтёров, рассказывали, как группы тяжело бредущих в холмы на работу мужчин часто шли с песней. Может, большинство из них надеялось на удачу, словно золотоискатель, всё время мечтающий наткнуться на богатое место. Возможно, они гордились своим знанием подземного мира лабиринтов из выработок.

Те давние шахтёрские дни всегда интересовали меня и моего сына Джимми, который прочёл много книг, рассказывающих об этом. Пожалуй, самым нашим любимым из подобных мест является Олд Ганг Майнз возле Ганнерсайд Гилла, там находятся одни из самых старых и производительных шахт. Но я всегда строго предупреждал маленького Джимми держаться подальше от этих тёмных опасных мест с осыпающимися стенами и сводами.

Да, на протяжении столетий шахты были частью жизни для множества людей, сильных духом и волей, и всегда становится грустно, когда что-то безвозвратно уходит. Но всё-таки хорошо, что шахты закрыты. Впрочем,

остались многочисленные развалины шахтных строений и плавильных печей, отвалы породы и глубокие размывы на склонах холмов.

*Уровень шахты Сэра
Френсиса*

Надо сказать, что не все шахтёры покинули родные места после развала промышленности. Многие остались и обзавелись маленьким хозяйством из нескольких коров и овец. Овцы были суэлдейльской породы, небольшие и выносливые, именно такие и могли выжить в здешнем суровом климате высоких холмов, в чём-то они были похожи на своих хозяев.

В наши дни ведущая отрасль – сельское хозяйство, разведение крупного рогатого скота и овцеводство. Трудно даже представить, что всё было иначе. Но реликвии прошлого наполняют нас уважением к жившим здесь людям. Каждый раз, ступая по зелёным тропинкам в холмах, мы с благодарностью и теплотой

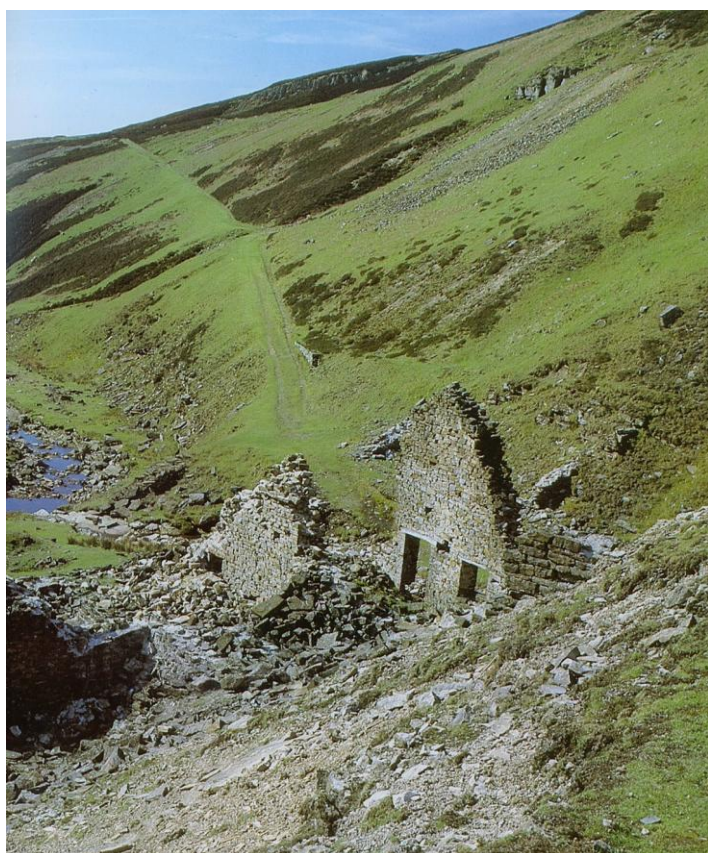
вспоминаем шахтёров, оставивших за собой эти пути.

Плавильное производство в Гринтоне

Отвалы породы рядом с Олд Ганг Майнз

Развалины плавильного производства в Блейктуэйте

Заснеженные дороги

Не люблю искушать судьбу, но надеюсь, что из-за моего рассказа эти долгие изматывающие зимы не вернуться. Впрочем, мои более молодые коллеги смотрят на меня удивлённо, когда я говорю о воистину арктических условиях, в которых мы были вынуждены работать каждый год и не видели в этом ничего особенного.

Машина в сугробе – обычное дело для зимы

Обычно снег начинал идти в ноябре, продолжалось это до декабря, но в 1947 году, самом тяжёлом за всю мою практику, снегопады продолжались до конца января.

И если снег начинал падать, то продолжалось это неограниченно долго. Как говаривали в таких случаях фермеры – настоящий завал.

Кисдон Хилл

Из-за снегопадов нарушался привычный порядок и уклад нашей жизни менялся на долгое время. После работы снегоуборочных машин дороги появлялись вновь, но ездить по ним было трудно, так как тогда соль ещё не использовали. Потом всё хорошенько подмораживало, дорога превращалась в стекло, ехать со скоростью больше 20 километров в час и пользоваться тормозами мы не решались, с горок просто беспомощно скользили, надеясь на лучшее. Затем снова начиналась снежная буря, и всё повторялось сначала. Для меня, уроженца Глазго, это было невероятно. Я решил, что Йоркшир – самое снежное место, какое мне известно.

Задувавший ветер наметал из снега изумительной красоты сугробы, превращая всё вокруг в белую волшебную страну. Однако, полагаю, не все сельские ветеринары согласятся с таким

мнением.

Разумеется, дороги были не везде, и пару – другую сотен метров до фермы приходилось идти пешком, часто фермеры просто не успевали убирать снег.

Мюкер

Но упрямых фермеров старой закалки было невозможно ничем удивить. В книге «О всех созданиях — больших и малых» мистер Клейтон весьма спокойно отнёсся к моим сомнениям по поводу возможности добраться до его фермы: «Дорога? Дорога-то в порядке, езжайте спокойненько». На деле дорога была плотно засыпана снегом от стенки до стенки, и я легко мог погибнуть в бушевавшей метели. Однако на взгляд мистера Клейтона это был «обычный день».

Обязательной частью нашего снаряжения была лопата, без неё выезжать не стоило. Каждый день мы расчищали дороги для проезда, но ведь это не всегда помогало. Машина скользила назад, и всё тут. В Суэлдейле возле Гринтона есть маленькая крутая дорога, ведущая во Фремингтон.

Снегоуборочная техника возле Ганнерсайда

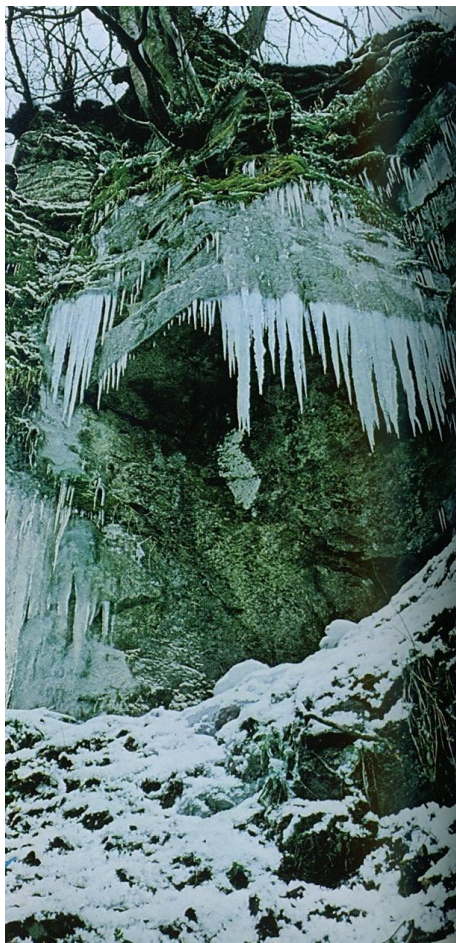
Однажды я весь день провёл на ней, расчищал, пытался въехать и ничего не получалось. В итоге с приближением ночи дорога была расчищена с верху до низу. И всё время я думал, что где-то меня очень ждёт фермер. Тогда же я постоянно задавал себе вопрос, почему в ветеринарном колледже об этом ничего не рассказывают.

Снега было столько и прибывал он с такой регулярностью, что кое-где приходилось становиться на лыжи. Я старался завершить работу до темноты, чтобы успеть сделать бодрящий спуск по склонам.

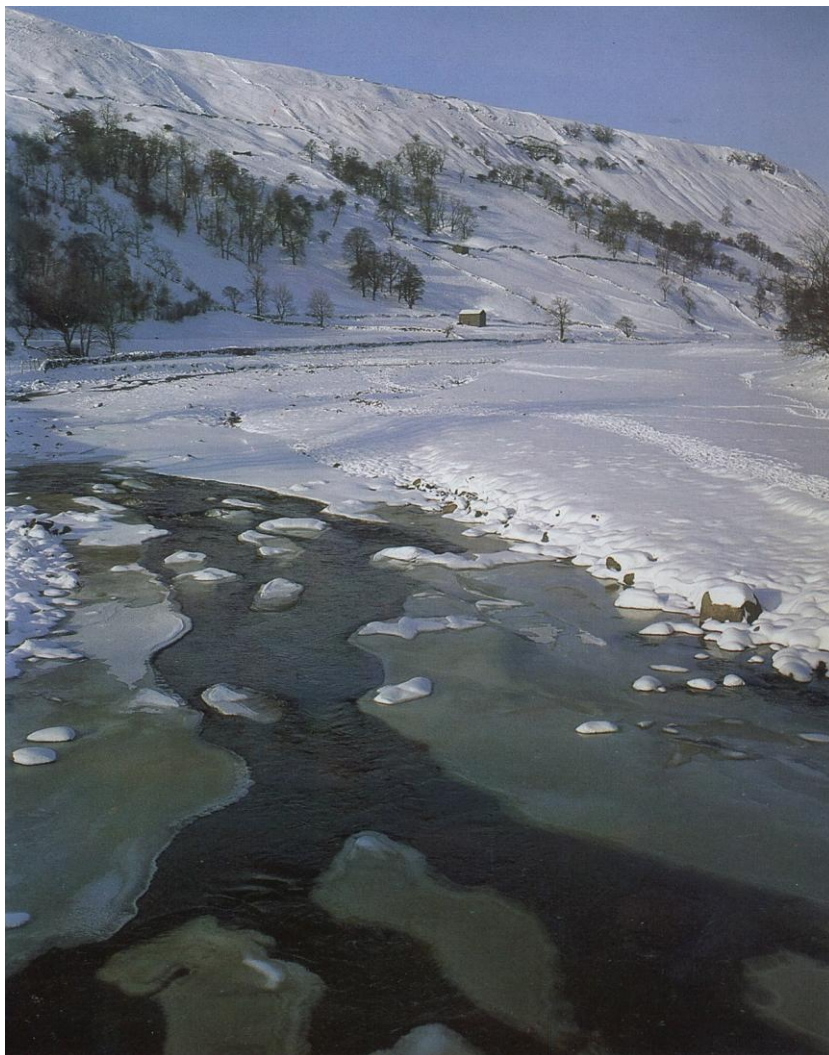
С лыжами я хорошо познакомился в 1947 году, когда вертолёты сбрасывали хлеб для удалённых ферм высоко в холмах. Вот к большинству из тех ферм и приходилось идти на лыжах, неся на спине рюкзак с необходимыми лекарствами и принадлежностями. Если всё проходило нормально, то есть я добрался и осмотрел животное, то нужно было спешить дальше.

Молодой ветеринар самоотверженно устремляется через белую пустыню на помощь своим пациентам. И в общем-то всё было неплохо, пока не шёл снег. Несколько раз я попадал в метель, вот тогда приходилось поволноваться, ведь исчезало всякое представление

о местонахождении и дальнейшем пути. Впрочем, от лыж я отказался после одного изматывающе нервного и опасного вызова.

Замёрзшая река Суэйл

Как ни странно, эти зимы, когда снег местами достигал макушек телеграфных столбов, казалось, не причиняли фермерам особого вреда.

Я вспоминаю мистера Стоукилла. Это был хозяин маленькой фермы, ему было уже за семьдесят лет, но всю работу он делал сам. При встрече с ним я испытал чувство стыда. Дул резкий злой ветер, нёсший снег и стужу, а на мистере Стоукилле были надеты рубашка без воротника, жилет и старенький плащ. Я сам был в пальто, шарф намотан по глаза, а ведь мне всего двадцать четыре года, тем не менее приходилось поёживаться, с изумлением глядя на всё происходящее.

Когда он перестал сгребать навоз и посмотрел на меня, я уже подпрыгивал и размахивал руками, стараясь согреться.

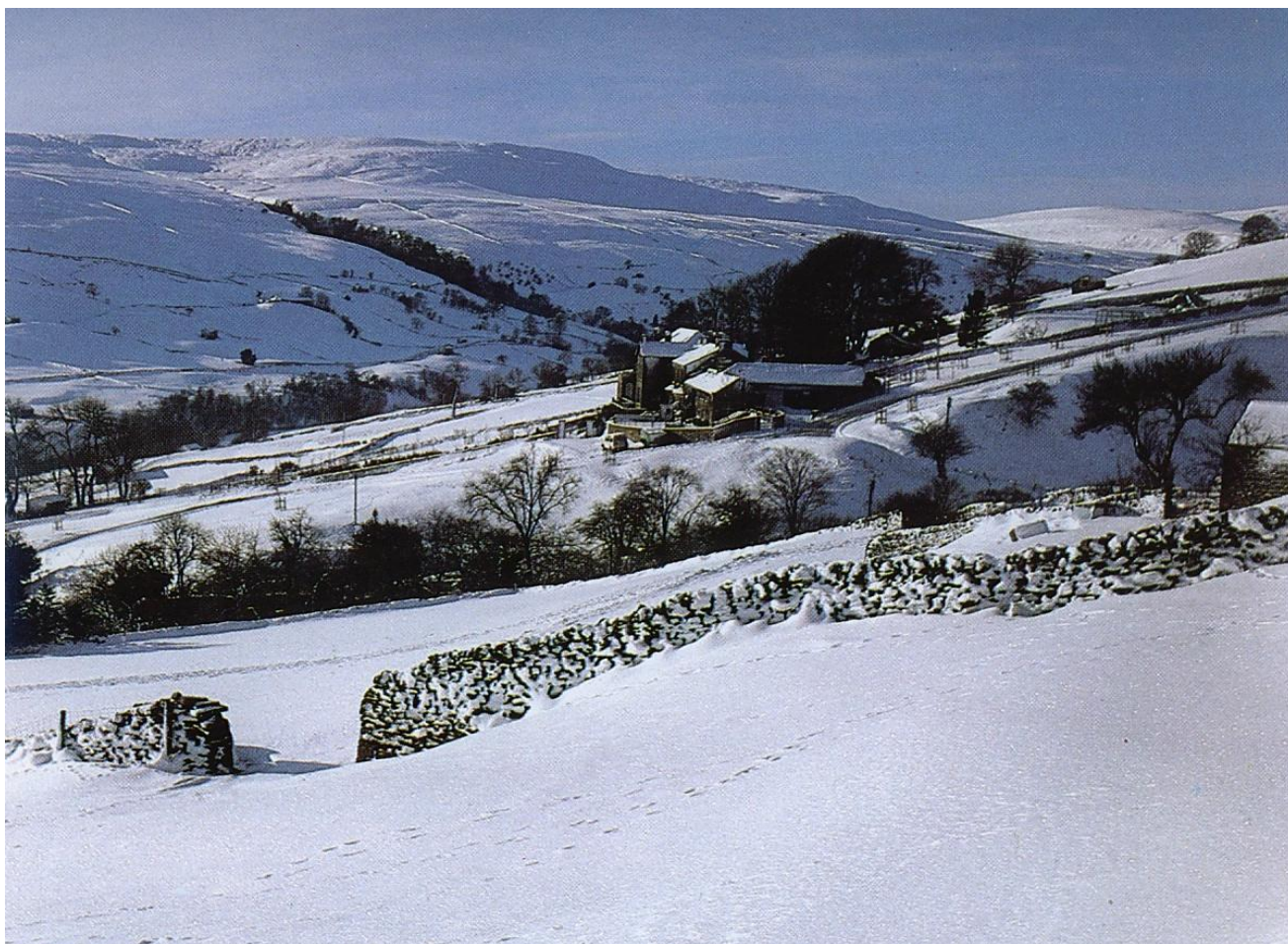
Мистер Стоукилл оглянулся, словно только сейчас заметил непогоду, обронил: «Ага, что-то сегодня утром задувает».

Старые йоркширские фермеры были людьми крепкой закалки в отличие от меня, родившегося и выросшего в городе. В тот день мистер Стоукилл преподал мне несколько уроков, как не прилагая усилий подняться по глубокому снегу на высокий холм.

Один из моих пациентов находился в сарае, а сарай стоял так высоко и далеко, что казалось невозможным добраться до него по снегу почти метровой глубины.

Я только улыбнулся, когда узнал, что сейчас туда мы и направимся, стал говорить, что мы не сможем, но фермер не обратил на мои возражения никакого внимания. Он оседлал маленькую крепкую лошадку, сказал: «Держись за хвост, парень».

Я выполнил сказанное, и без промедления мы вознеслись на вершину. Похоже, только так можно было попасть туда.

Снег и солнце. Суэйлдейл

Синоптики утверждают, что есть погодные циклы, и мягкие зимы последних двадцати – тридцати лет могут внушить чувство ошибочного спокойствия. Однако если вернутся долгие месяцы снежных метелей и морозов, то я уверен, что мои фермеры – клиенты просто выглянут на улицу и скажут: «Ну вот, обычный день».

Зима – тяжёлое время для животных

Деревенские клубы

Это старое строение, заколоченное и неиспользуемое, имеет заброшенный вид, но вот именно в такие места все желающие могли прийти на танцы. Хелен и я тоже ходили на танцы в подобные клубы.

Кстати сказать, в одно такое заведение однажды направились мы с Тристаном, захватив Конни и Бренду. В ту кошмарную ночь мы сильно перебрали со спиртным. Пришедшая туда случайно Хелен лицезрела меня в самом скверном виде.

Большинство таких клубов снесены, новые здания построены из кирпича, но в мои времена все они были деревянными. Местные жители постоянно приглядывали за клубами, поддерживали в должном состоянии. Да, когда-то деревенское сообщество было гораздо дружнее, сплоченнее, нежели сейчас.

Когда я смотрю на фотографию, в моей памяти всплывают яркие картины: вот танцуют девушки в нарядных платьях и парни в своих лучших костюмах, но обычно в тяжёлых ботинках. Чуть в сторонке есть возвышение, там сидят музыканты, из инструментов пианино, скрипка или аккордеон. По особым случаям есть саксофон, труба, барабаны, все присутствующие в вечерних костюмах.

В другом конце комнаты находятся столы, там хлопочут женщины, они готовят бутерброды, расставляют кувшины с молоком, тарелки с домашними пирогами и бисквитами с щедрым слоем крема.

Становится грустно, что множество таких клубов исчезло. Когда я проезжаю мимо по вызову, то представляю себе то время и словно слышу смех, звуки шагов, мелодии тридцатых годов.

Здание с забитыми окнами и дверями – грустное зрелище

Тирск и Соуэрби

Тирск, на мой взгляд, счастливый город. Мощёная булыжником площадь и чёткие линии крыш на фоне длинной гряды Хамблтона добавляют очарования в общую картину.

А ведь есть ещё множество магазинов с улыбающимися продавцами и несколько великолепных гостиниц с приветливыми хозяевами.

Рыночная площадь в Тирске, замощённая булыжником

Тирск – оживлённый город, особенно в рыночные дни, и на первый взгляд даже и не догадаешься, что ему очень много лет.

Треше, Треш, Треусиг, Триск, Уисге – как только ни называли город за его историю. Специалисты не видят в этих словах ничего особенного, но мне кажется, что названия города

исключительно интересны, ведь в Англии нет иных мест с похожими именами. Вспоминаю, что когда услышал впервые «Тирск», мне послышалось шотландское звучание.

Рыночный день

В кадастровой книге с земельной описью Англии, произведённой Вильгельмом Завоевателем в 1086 году, город появляется как Треше, неправильное произношение Трусск. Очевидно, что в основе лежат кельтские корни, видоизменение от Треуссиг, что означает «место у воды». Возможно, город возник во времена кельтов с плетёных и обмазанных глиной хижин на восточном берегу местной маленькой речки Кодбек. Коед – древнее британское название для дерева, однако есть некоторое сомнение, что Кодбек, где мои дети плавали на лодке и ловили голянов, когда-то прокладывал свой путь в густых лесах.

Также из кадастровой книги можно узнать, что были

землевладельцы Орм и Тор, у одного на современный лад было 384 гектара земли и 576 гектаров у другого.

Старые дворики Тирска

Благодаря положению город был центром долины Моубрей, в средневековье рядом с Тирском проходили два важных пути, на востоке – дорога из Йорка в Ярм, на западе – из Топклиффа в Норталлертон и затем в Шотландию.

Вскоре после норманнского вторжения власть над Тирском и прилегающими землями была дарована феодальному владельцу, звали его Роберт де Моубрей. Примерно в конце одиннадцатого века Моубреи возвели замок, известный ныне как замок Гарт.

Строительство замка привлекло сюда множество ремесленников и купцов, многие из них здесь поселились. В те же времена возникла рыночная площадь, сегодня, спустя столетия, на этом месте стоят оживлённо торгующие по понедельникам палатки.

К сожалению, от замка не осталось никаких следов. Моубреи выступали против короля Генри II, когда король одержал победу, то в числе прочего повелел разрушить замок в Тирске. Есть предположение, что это грандиозное строение было деревянным, а потому обратилось в пепел.

Люди выгуливают своих собак, где когда-то стоял замок, дети играют в канавках с водой. Это были окружавшие замок рвы. Более никаких напоминаний о феодальной крепости, наполненной помпезной роскошью.

Современный Тирск – чрезвычайно оживлённое место. Очень интересна булыжная рыночная площадь, правда, иногда там столько продавцов, покупателей и машин, что древние камни совершенно закрыты. Несколько лет назад возникла нехорошая идея сделать

новое покрытие – камни убрать, потом положить бетон или асфальт. К счастью, разум возобладал, площадь решили реконструировать, так как кое-где камни стали проседать и проваливаться, их аккуратно сняли, сделали новую жёсткую основу, затем всё вернули на место. Надеюсь, на несколько столетий этого хватит.

Флэттс

Церковь в Соуэрби

Улица в Соуэрби

Я упоминал про гостиницы и магазины. Две наиболее известные из них это «Три бочки» и «Золотое руно». Первое здание «Трёх бочек» было построено в восемнадцатом веке как приданое для семейства Белл, в нём из центра коридора подымается замечательная лестница. Владелец Тирска вошёл в семью Беллов в 1723 году и майор Питер Белл в настоящее время является сквайром.

«Золотое руно» также построено в начале восемнадцатого века и в своё время было самым известным каретным сараем между Йорком и Дарлингтоном.

Холмс – самый чарующий район Тирска, прогулявшись под ивами у кромки воды, можно добраться в Норби, самую северную часть города. В последнее время Холмс претерпел множество изменений. Красочный старый Норби из старого кирпича и узкие аллеи постепенно уступают место современным особнякам. Но лично для меня самым большим потрясением стало известие о том, что разобраны мельницы, до них можно было дойти из центра Холмса. Больше не крутятся в воде мельничные колёса и большие камни не размалывают зерно.

*Каменный мост над
Кодбеком*

В первые годы после нашей свадьбы Хелен работала секретарём на мельнице. Съезжая вниз по Миллгейт, я часто видел её, склонившейся над столом. В моей памяти она всегда носит красный свитер.

Город состоит из нового Тирска на западном берегу Кодбека и старого Тирска на восточном.

Район Сент Джеймс Грин находится в старой

части, и некоторые дома имеют весьма почтенный возраст. Согласно историческим записям название происходит от того, что здесь стояла часовня Святого Джеймса. К сожалению, кроме упоминания в документах фактических свидетельств не осталось. По-видимому, здание было разрушено очень давно.

В ходе проводившихся раскопок нашли человеческие кости, так появилось предположение, что здесь было и кладбище. Также расчистили две мощёные дорожки, которые, возможно вели в часовню. Эта часть города, Грин, как её обычно называют, связана у меня с тёплыми воспоминаниями. Ведь тут находится частная лечебница «Солнечный склон», где появились мои дети.

В 1768 году некоторые умные головы решили, что для увеличения в городе товарооборота и торговли неплохо бы сделать Кодбек судоходной рекой от Тирска до Суэйла, по крайней мере. В Соуэрби построили плотину и верфь. Но увы, от идеи потом отказались. Зато Тристан и я взяли за обыкновение фантазировать, представляя Тирск большим морским портом.

Тирск плавно переходит в Соуэрби, так что их часто считают за одно целое, но всё-таки Соуэрби – отдельный округ, у него свои черты, характер, красота. Здесь есть замечательная липовая аллея, интересные дома. Но самое важное – там находится место отдыха Флэттс, для Тирска и Соуэрби оно значит то же самое, что Стрэй для Харрогита. Флэттс – это зелёные просторы из травы и цветов, там нет автомобилей, люди свободно гуляют, где хотят, с детьми и домашними животными, идут проторенными дорожками по берегу реки.

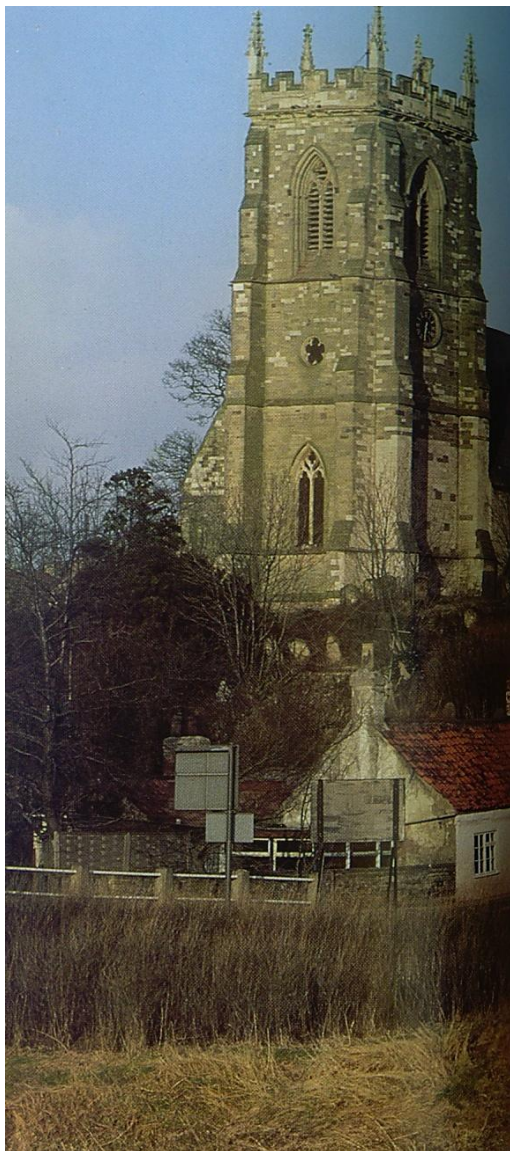
Я гулял там множество раз со своими детьми, а компанию нам составляли собаки. Мне известно, как выглядит Флэттс в разные времена года: когда земля скована морозом под глубоким снегом или когда она превращается в волнующееся жёлтое море лютиков, аромат их и цветущих деревьев наполняет воздух благоуханием.

На отдыхе перед Вами открывается прекрасный вид Тирска, над крышами возвышается квадратная башня церкви, на западе лежит Соуэрби, на востоке склоны и вершины Хамблтона.

Река Кодбек течёт через Флэттс, тропинки по берегам словно приглашают путников, на отмелях мелькают стремительные рыбки, в просветах между деревьями видны холмы, солнечный свет открытых мест сменяется тенью под раскидистыми ивами, согнувшимися от возраста, их ветви почти касаются тёмной воды.

Одну из своих книг я посвятил своим собакам – лабрадору Дэну и джек-рассел-терьеру Гектору. В возрасте пяти лет Гектор полностью потерял зрение, но до самой смерти в четырнадцать лет он беззаботно носился по Флэттсу, так хорошо он знал эту территорию.

Сейчас моим спутником остался только Дэн, и мы ходим на прогулки, как это делали каждый день на протяжении многих лет. В своём возрасте я не могу похвастаться атлетичным телосложением, но одна мысль частенько меня посещает: может быть, я – чемпион Флэттса по пройденному пути?

В деревушке Топклифф

Полагаю, это лучше всех знает леди, дом которой стоит рядом с этим местом. Однажды мы встретились, когда я открывал маленькую калитку на входе, как привык делать в течение нескольких десятилетий. Она улыбнулась, глядя на тропинку, ведущую к мосту: «Ну уж вы точно знаете, куда идти».

Есть в Соуэрби и другие достопримечательности. Церковь Святого Освальда построена в двенадцатом веке. Позже она подверглась полной реставрации, однако при этом старались сохранить первоначальный стиль архитектуры норманнов.

В старой части Соуэрби есть старый каменный мост через Кодбек, домов за ним уже нет, там начинаются земли фермеров, поэтому мост ещё называют «окраиной мира».

Тут же недалеко расположен холм, известный как «хороший пудинг». Этому прозвищу он обязан своей формой, напоминая и в самом деле яблоко, запечённое в тесте.

Высота холма около пяти метров, это любимое место детей Тирска. Разумеется, холм окружён тайнами и легендами.

Когда выпадает снег, склоны превращаются в отличную горку для любителей кататься на санках. Для Джимми и Розы, когда они только стали ходить, взобраться на

пятиметровую высоту было сродни покорению Эвереста. Но до чего приятно ползать, достичь цели и сидеть вдвоём на вершине, с чувством выполненного долга смотреть на реку, деревню и дальние холмы.

Местная ребятня считает «пудинговый холм» сказочным, из поколения в поколение передаётся такое поверье: нужно обежать вокруг холма девять раз, затем на вершине воткнуть ножик и прижать ухо к земле в надежде услышать, как дребезжащий голос рассказывает волшебную историю.

Лично мне этот холм напоминает небольшое захоронение, проведя небольшое исследование, я в этом убедился. В 1855 году здесь проводили раскопки, работами руководила леди Франкленд Расселл, и вот, на глубине менее пяти метров обнаружили необычайно большой скелет.

Похоже, он принадлежал воину, его руки и ноги были скрещены, по-видимому, хоронили с мечом в руке и щитом на груди, однако от меча осталась только рукоять и остов от щита.

Всего нашли три скелета, множество костей и осколки глиняной посуды, челюсти кабана, рога оленя, зубы лошади, кости коровы и других животных.

Так что вполне возможно, что холм – могильный курган англианских поселенцев начала шестого века нашей эры, судя по оказанным почестям это военный вождь и его приближённые.

В тихом Соуэрби многое напоминает о давней истории. Рядом с деревушкой пролегает часть дороги, построенной ещё римлянами, из упоминавшейся кадастровой книги можно узнать, что у Орма из Тирска было в Соуэрби девяносто шесть гектаров земли.

Каждый день, когда я работал с Фрэнком Бингэмом и ездил по его практике в Лейберн, я проезжал гостиницу в пяти километрах от Тирска. Называлась она «Базби Ступ». Тридцать лет назад хозяином гостиницы был мистер Ингэм, и я частенько по пути домой заезжал к нему опрокинуть кружку пива. Как-то раз он поведал мне, откуда пошло это название.

В местечке Кирби Виске на ферме Данноти Холл, где мне доводилось лечить коров, в семнадцатом веке жил богатый торговец монетами Даниэль Оти, у него была дочь. Один человек по имени Базби посватался к ней, женился, а затем стал и деловым партнёром Даниэля. Однажды ночью во время сильной ссоры личная неприязнь возобладала над деньгами, Базби убил отца своей жены. Естественно, его схватили, судили и казнили, тело оставили висеть в цепях на виселице у дороги. Вот с тех пор идёт название Базби Ступ.

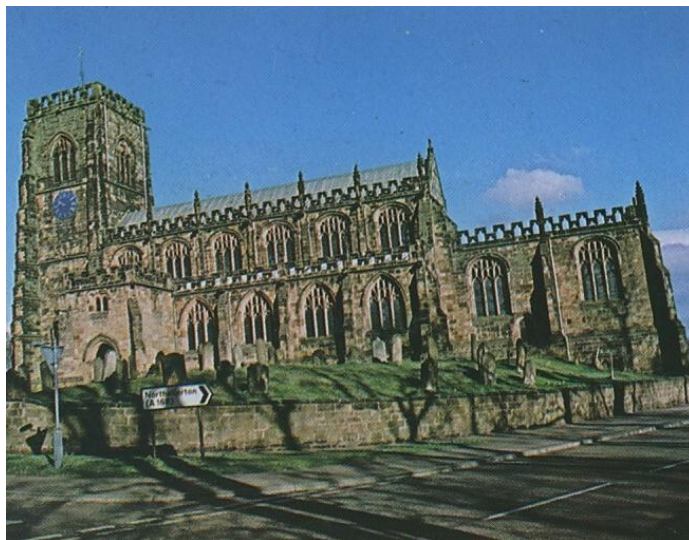
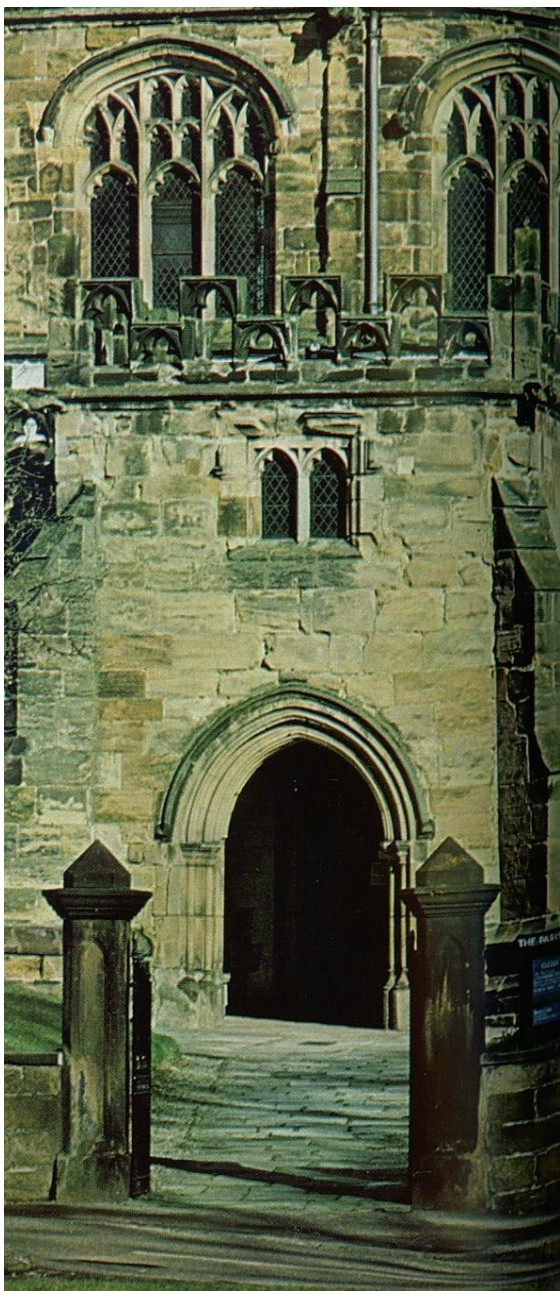
Дальше по дороге лежит тихая деревушка Топклифф, она прячет своё очаровательное прошлое, спокойно возвышаясь над Суэйлом. На протяжении столетий Топклифф был родовым поместьем могущественного семейства Перси и местом отдыха английских королей. Некоронованное семейство Перси на протяжении восьмисот лет владело обширными землями, в феодальном поместье проводили пышные рыцарские турниры и состязания. Для меня Топклифф ассоциируется с началом нашей истории, древними бритами и друидами.

Есть много интересного в окрестных деревушках, но когда я думаю о Тирске и Соуэрби, то неизменно возвращаюсь к книге времён Вильгельма Завоевателя, к своим добрым знакомцам Орму и Тору, так поразившим моё воображение. Кто они были, как выглядели сотни лет назад? Где именно были их земли, каких домашних животных они держали, чем болели животные и как их лечили? Может, хоть в те дни у ветеринаров было меньше работы.

Церковь Тирска

На фотографии изображён вход, через который Хелен и я вошли в церковь утром в день нашей свадьбы.

Церковь в Тирске

Когда я впервые увидел церковь Тирска, она показалась мне больше похожей на маленький кафедральный собор благодаря своему стилю и изяществу. Покровительница церкви – святая Мария Магдалина, некоторые говорят – Дева Мария. Возможно, эта церковь – самая красивая из всех близлежащих благодаря чётким архитектурным линиям, зубчатая башня высотой двадцать четыре метра видна отовсюду в городе.

Построена церковь более пятисот лет назад, и в течение столетий первое, что видел гость города, это большая квадратная башня, возвышающаяся над прилегающими домами.

Так же дело обстоит и сегодня, и когда я на вызовах разъезжаю по окрестным холмам и вижу знакомую картину, то всегда вспоминаю холодное ноябрьское утро, когда Хелен и я вышли на солнечный мороз.

Нас сочетал браком каноник Янг, в моей памяти – пожилой мужчина, дрожащий от холода. Думаю, он был очень рад, когда церемония завершилась, впрочем, как и я. Мы вышли из церкви и попали в мир солнечного сияния. Верно гласит старая поговорка: «Даже солнце светит только для счастливых людей».

Медовый месяц

Некоторые мои читатели с трудом верят, что Хелен и я провели наш медовый месяц в повседневной работе. Мы делали туберкулиновые пробы, казалось, что это никогда не кончится, к тому же денег, чтобы провести медовый месяц в отдыхе и путешествиях, попросту не было.

И всё же, и всё же, замечательное это было время. Я ставил прививки коровам, делал измерения на коже, сообщал результат Хелен, а она их записывала. На время медового месяца мы поселились в гостинице «Пшеничный сноп» в Карперби.

В такое позднее время мы и не ожидали, что нас накормят, однако хозяйка мисси

Килбурн и её племянница Глэдис приготовили великолепное угощение. Так продолжалось всё время, пока мы там жили, эти замечательные женщины кормили нас, словно особ королевской крови, щедро уставляя стол разными блюдами воистину с йоркширским гостеприимством.

«Пшеничный сноп»

Вкуснейшие завтраки из домашней ветчины и свежих яиц, обильные обеды с ростбифом и пудингами, а потом яблочные пироги, утопающие в креме. Всегда на столе был вкуснейший уэнслидейлский сыр.

Из нашей комнаты мы видели крыши старых деревенских домов, построенных по берегам у протекающей здесь реки Ур, вид был великолепный, полагаю, что мы не смогли бы найти ничего похожего ни в каком свадебном путешествии.

Следдейл

Хелен и я ездили от фермы к ферме, наслаждаясь близостью друг друга и природой здешних мест, всё вместе это создавало непередаваемое чувство радости бытия.

Вспоминаю мистера Баттерфилда из Меллерби. Он был изумлён, когда узнал, что именно так мы проводим наш медовый месяц, и потом с задумчивой

полуулыбкой смотрел на наши переходы из сарая в сарай на его ферме.

Приятные моменты случились в деревушке Гейл, в этом очаровательном месте стремительный ручей буквально перехлёстывает через камни. Так вот, во вторник утром, накануне свадьбы, я завтракал на ферме мистера Аллена после проверки его стада. Его супруга миссис Аллен снова по привычке начала надо мной подшучивать, укоряя тем, что я до сих пор не женат. Она не поверила, когда узнала от меня, что свадебная церемония назначена на завтра.

- Вы же в среду приедете ставить вторую прививку.

- Конечно, - я кивнул головой, - и со мной будет моя жена.

- Так вы что же, медовый месяц не будете устраивать? - изумлённо спросила миссис Аллен.

- Верно, - беззаботно ответил я, - так что ждите нас.

Это был замечательный ход. Уезжая с фермы, я заметил, что миссис Аллен находится в сильнейшем волнении. Все её сомнения разрешились в среду, когда она увидела Хелен и приняла со всем радушием.

Да и весь остальной день удался на славу. Ферма Алленов вытянулась вверх почти до самого Отершо, там, где начинается самый суровый Йоркшир, но холмы под солнцем словно улыбались нам. Здесь, на высоте, воздух был особенно прозрачен и свеж.

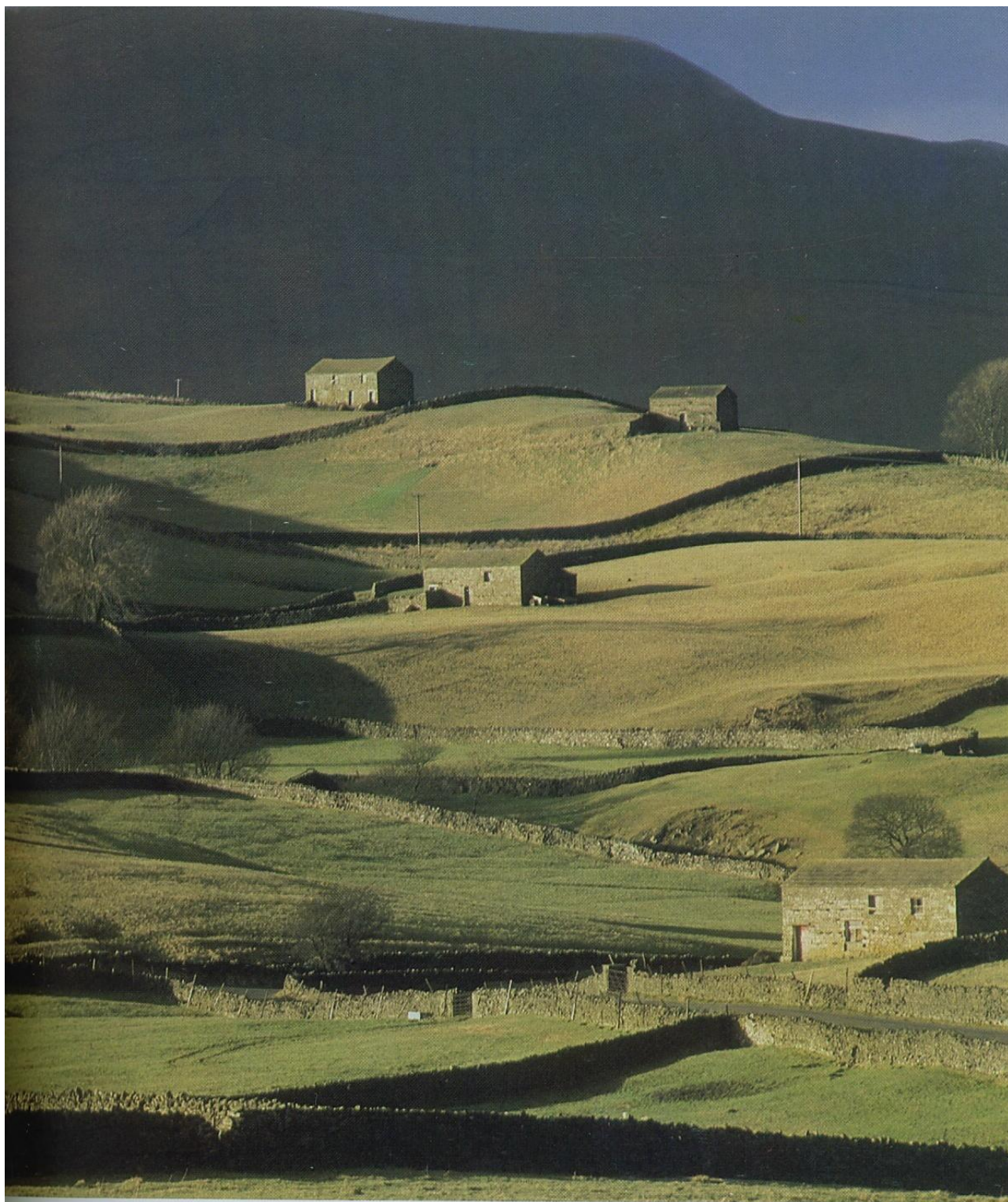
Гейл

Значительная часть стада находилась тут же в нескольких каменных сараях, раскиданных по склонам. Но некоторые животные были на открытом воздухе и всё время порывались умчаться вниз. Таких на бегу ловили сыновья Алленов, двое крепких ребят. Такого я больше нигде не видел и с изумлением до сих пор вспоминаю несокрушимую силу и ловкость братьев, родившихся и выросших

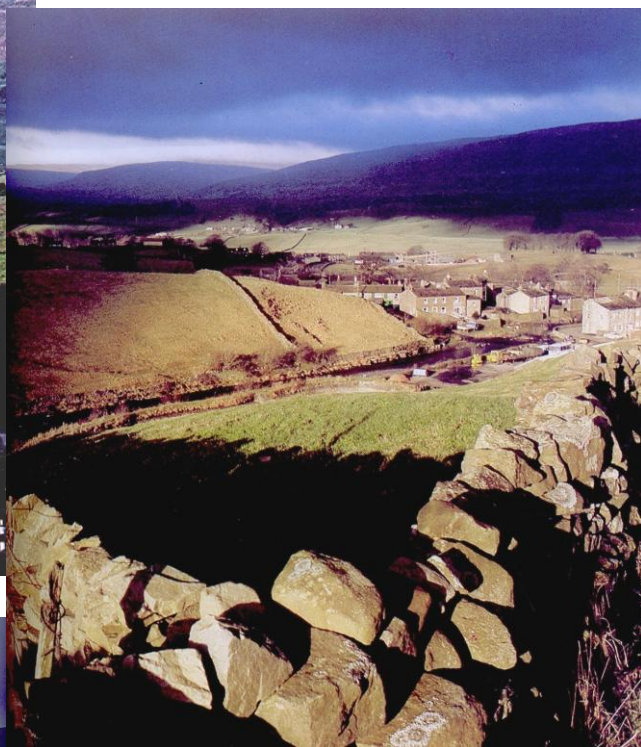
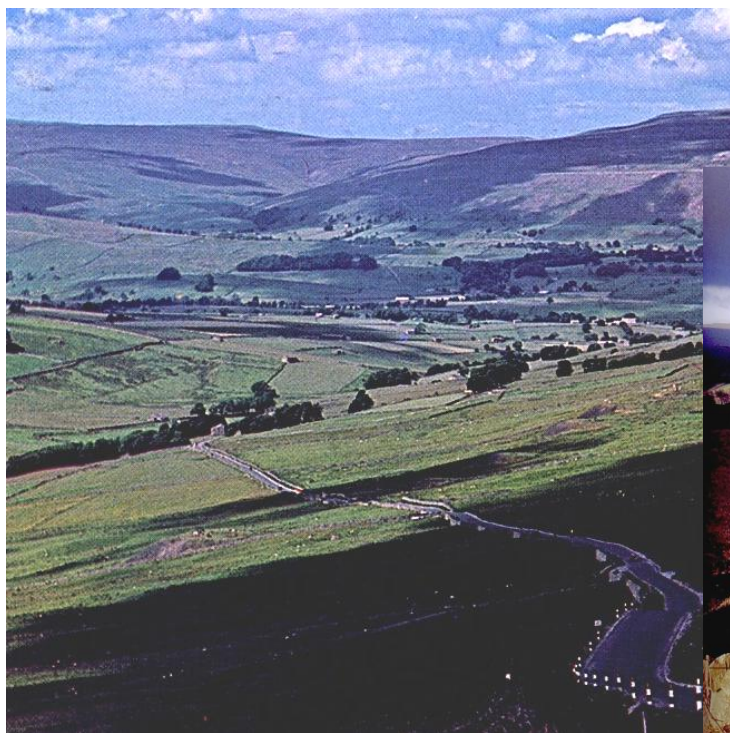
в холмах.

Мост через Дюрли Бек, протекающий в Гейле

В окрестностях Гейла

*Гейл на расстоянии, в окрестностях
Гейла*

*Холмы над Отершо, самой суровой
частью Йоркшира*

Частная лечебница «Солнечный склон»

Через эту жёлтую дверь я торопливо вошёл ночью, когда родился мой сын. В книге «О всех созданиях – мудрых и замечательных» я рассказывал, как всё произошло. Когда Хелен попала в роддом, я служил в военно-воздушных силах Британии. И я немедленно поспешил к ней, даже и не догадываясь, что стану отцом, пока еду в автобусе.

Розмари и Джимми

Хелен и Джимми были на втором этаже, и моя жена с ностальгией вспоминает проведённое там время. В те дни родившим женщинам после родов прописывали на две недели постельный режим, поэтому Хелен заявляет, что эти две недели были лучшим праздником в её жизни.

Сестра Белл, названная в книге Браун, была мастерицей в родильных делах и делах кулинарных. Так вышло, что для Хелен бурное и хлопотное течение жизни было нарушено двумя неделями, когда совершенно ничего не надо было делать да к тому же со строгой регулярностью кормили вкуснейшими блюдами.

Ещё раз всё повторилось, когда на свет появилась моя дочь Роза, причём в той же самой комнате. Это произошло через четыре года после рождения Джимми в мирное время. Уж в этот раз я познал все тревоги и страхи, которые в первый раз меня не коснулись. Мы были в Харрогите в наши свободные полдня, сидели на киносеансе, когда Хелен начала испытывать лёгкую боль. Мы поспешили к автомобилю, чтобы скорее вернуться домой. Потом была бессонная ночь, полная ожиданий, переходящих временами в панику, а ближе к шести утра Хелен сказала, что больше нет времени ждать – маленькая Роза вот-вот родится.

Ничего не соображая от волнения, я сумел отвезти Хелен к сестре Белл. Первым, кого я увидел, внезапно войдя в дом, был Клифф, муж сестры Белл, он завтракал. Думаю, что именно здесь самые беспокойные мужчины города сталкивались с неколебимым спокойствием. Клифф, милый мужчина, всегда улыбался и был спокоен. Он работал водителем грузовика на местного подрядчика, успев за многие годы насмотреться на этой кухне на самых разных мужей.

Перед Клиффом стояла полная тарелка, он поднял голову и посмотрел на тяжело подымавшуюся по лестнице Хелен: «Сегодня, Джим, важное утро».

Было девятое мая, солнечный восход обещал хороший день, но я ничего не замечал.

«Да-да, Клифф», - рассеянно ответил я, напряжённо прислушиваясь ко всему, что происходило этажом выше.

Из лежавшей груды вкусностей он поддел вилкой сосиску и разрезал. Рядом в стороне уже стояла пустая тарелка, своей очереди дожидались хлеб и мармелад. Клифф был очень крупный мужчина, но подозреваю, что от недоедания он никогда не страдал.

Прожевав, он снова мне улыбнулся: «Не переживай, парень, всё будет хорошо».

Так и вышло, на часах было одиннадцать утра. После нескольких часов блуждания по комнате и попыток читать газету вверх ногами, я бросился к телефону.

Это был доктор Аддисон. «Сестрёнка для Джимми», - сообщил мне раскатистый голос счастливую весть.

Увы, нет больше этого маленького роддома. Горячо любимая всеми сестра Белл покинула наше маленькое общество, и в доме с жёлтой дверью живёт один Клифф. Он был преданным и любящим мужем, ему очень плохо без жены, но он по-прежнему улыбается.

Сад и окно во двор

Хелен, машущая полотенцем, вот что я видел в верхнем окне перед тем, как уехать на вызовы. Каждое утро по пути в гараж я останавливался на длинной садовой дорожке, чтобы оглянуться и помахать в ответ. За верхним окном находилась наша кухня – скамеечка, маленькая газовая плита, стол, стул и кресло, всё стояло на голом полу.

Рядом с кухней находилась жилая комната, весьма скромно обставленная, из её окна было видно крыши домов и зелёные холмы.

Мы поселились там после свадьбы и никогда не были более счастливыми. Сидя на скамеечке, мы смотрели на старый сад, ограждённый высокими кирпичными стенами, на высокие вязы с гнёздами грачей на вершинах.

Скелдейл Хаус

В те далёкие дни глициния закрывала почти всю заднюю стену дома, наполняя ароматом комнаты через открытые окна. Но лет тридцать назад её срезали до высоты около метра, чтобы открыть стену и провести ремонт старой кирпичной кладки, сегодня глициния растёт вновь, обещая прежнее великолепие.

Вдоль южной стены росли фруктовые деревья, из-за ремонта их тоже пришлось спилить, теперь там растут отличные помидоры.

Большая застеклённая дверь на первом этаже ведёт в приёмную, но раньше там была комната, где Зигфрид, Тристан и я провели немало счастливых часов. После войны Хелен и я восемь лет жили в Скелдейл Хаусе, эта комната была нашей гостиной, летом мы выходили в солнечный сад.

Это были трудные, но счастливые восемь лет. Зигфрид женился и переехал, но дом остался рабочим центром нашей практики, сюда звонили

фермеры, сюда приводили на приём наших пациентов. Но самое главное – здесь жила моя семья, здесь росли мои дети.

Выше я рассказывал, как день обычно начинался. Если не происходило чего-то необычного, то заканчивался он так: я ставил машину в гараж, думая, что на сегодня всё завершилось, по крайней мере, надеялся на это, шёл домой. Сквозь застеклённую дверь падал свет, рассеивая окружающую темноту. Я знал, что меня там ждут Хелен, Джимми и Роза, у каждого наверняка есть своя история перед сном. Это было самым лучшим успокоением после трудного дня.

А вот сад за прошедшие годы изменился не очень сильно. Печально только, что великолепная акация на лужайке упала ненастной ночью из-за порывов ветра.

С акацией у меня связаны счастливые воспоминания. В день, когда я приехал, чтобы стать помощником Зигфрида Фарнона, так вышло, что я уснул под ней.

Я прождал Зигфрида несколько часов, и меня начали одолевать тяжёлые сомнения, тем более что экономка миссис Холл меня совершенно не ждала и даже не слышала обо мне. В те дни найти работу было чрезвычайно трудно, поэтому приглашение на собеседование выглядело невероятной удачей для новичка вроде меня. Однако выходило, что я всё неправильно понял.

Сад

Пытаясь побороть нараставшую тревогу, я вышел в сад, залитый солнцем. Здесь царила гармония жаркого лета, так разительно отличавшаяся от уныния в душе и сумбурных мыслей в голове, опустил на заросшую лужайку и незаметно погрузился в сон.

Тогда я ещё ничего не знал об удивительной забывчивости и рассеянности Зигфрида, иначе бы так сильно не волновался.

Слава Богу, когда чуть позже я открыл глаза, на меня смотрел Зигфрид, казалось, ничуть не удивлённый. У меня с души спала тяжесть, когда я увидел его. Он мне понравился, а до этого я почти влюбился в старый дом.

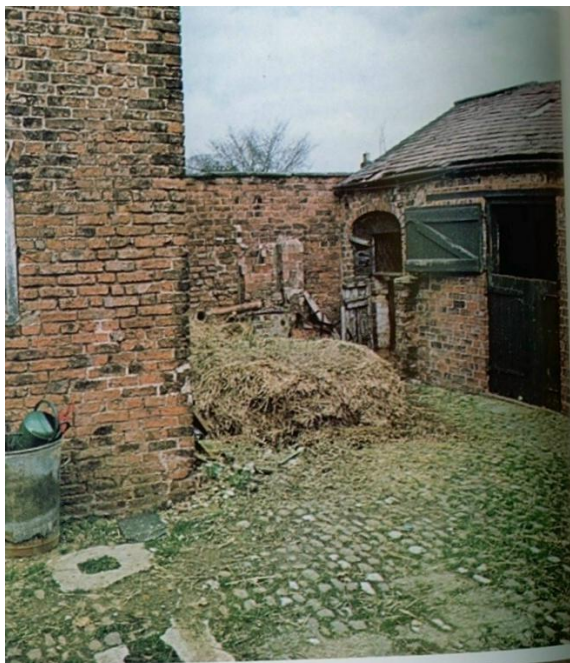
Спилены высокие вязы, но легко можно представить шум, создаваемый грачами, когда они гнездились.

Конечно, Хелен и я уже давно не живём в старом доме, однако по-прежнему там находится наша приёмная. Мысленно я возвращаюсь к минувшим годам и снова вижу, как мне машут полотенцем в верхнем окне.

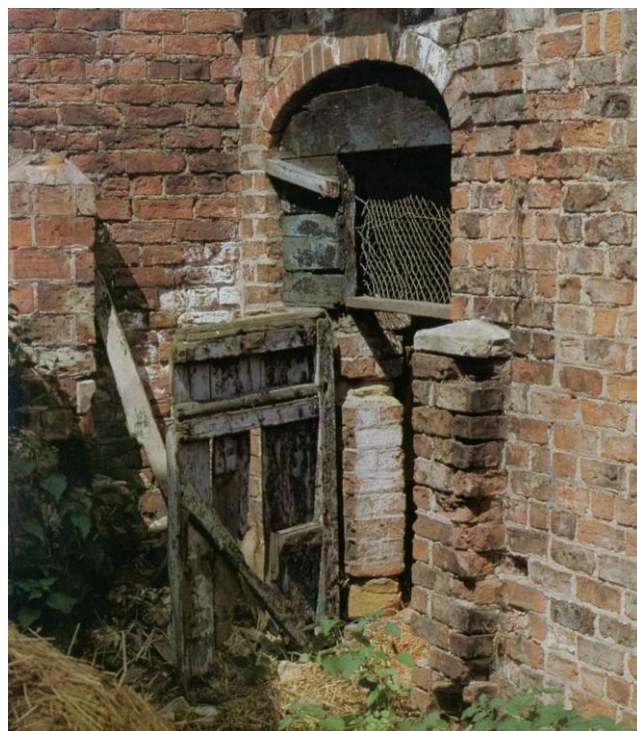

Свинарник и хозяйственный двор

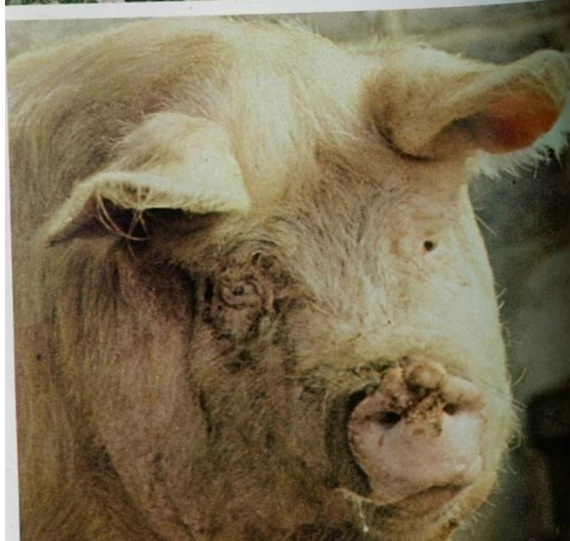
Читатели наверняка вспомнят, как свиньи уронили Тристана и вырвались на свободу. Свинарник в углу был исходным местом для сумасшедшего галопа по загону, потом через открытую калитку они попали в переулок, там же было рукой подать до рынка. Когда-то владельцем дома был старый доктор, он ездил на вызовы в экипаже, запряжённом лошадьми, в те времена в загоне царил полный порядок.

Старый двор

Свинарник

Как рассказывал старик Бордман, не было травы между булыжниками, в седельном помещении висели начищенные сбруя и упряжь, конюшню и стойла тщательно чистили и мыли каждый день. Но всё это осталось в прошлом и сейчас хозяйственные постройки используют от случая к случаю, если, например, нужно оставить какое-либо крупное животное на лечение.

До сих пор во дворе видны основания массивных брёвен, к которым Зигфрид и я привязывали ломовых лошадей во время процедур. Стоит во дворе и кормушка, ныне совершенно неиспользуемая. Отдельно стоит сказать о старом кирпичном котле для приготовления похлёбки. Эта штукавина всячески сопротивлялась любым усилиям Тристана что-то в ней сделать, но у старика Бордмана буквально через несколько минут котёл начинал побулькивать, выпуская из-под крышки ароматы приготавливаемого варева.

Всё же лучше всего я запомнил день, когда свиньи совершили побег и внезапно появились на многолюдном рынке среди множества палаток. Кстати, в тот же день из стойла ушла кобыла Зигфрида, её обнаружили в саду викария, когда она обедала желтофиоли.

В те далёкие времена почти все держали свиней, но мне кажется, только подопечные Тристана отправились за покупками в рыночный день.

Вид с вершины Саттон Бэнк

За сорок лет ветеринарной практики я бывал на этом месте при самой разной погоде. В своих книгах я часто писал про минутный отдых между бесконечными вызовами, когда можно остановить машину и прогуляться со своими собаками по тропинкам на склонах холмов, наслаждаясь свежим ветром и великолепной панорамой.

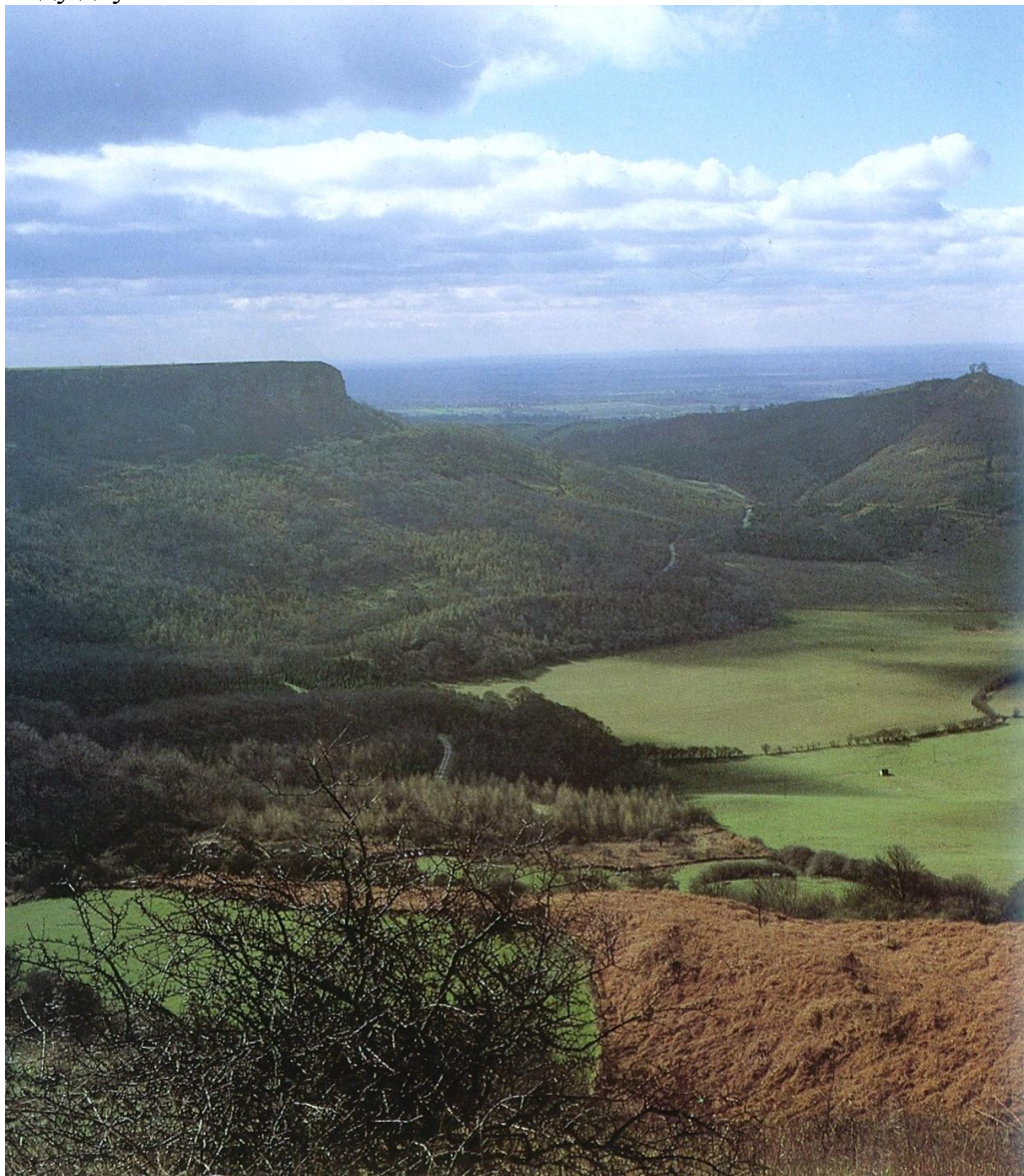

Вид с вершины

Говорят, отсюда можно увидеть поезд сообщением Йорк – Дарлингтон. Не знаю, никогда не пытался этого делать. Зато совершенно уверен, что здесь открывается изумительный обзор громадной равнины, вытянувшейся между Пеннинами и холмами Хамблтон.

Направо лежит озеро Гормайр, за ним начинается длинная плодородная равнина, расчерченная фермами, полями и деревьями, словно шахматная доска. Понемногу на западе равнина подымается к Пеннинам.

Конечно же, восприятие этого места сильно зависит от погоды, здесь один день непохож на другой. Морозным утром или после ночного ветра вам кажется, что можно дотянуться и прикоснуться к вершине Пенхилла. В такие дни равнина напоминает узенькую долину между двумя холмами.

Вид на Ролстон Скар и Худ Хилл

Если опускается туман, то возникает ощущение, что внизу лежит мягкая вата, разделённая верхушками деревьев. В молочной пелене обитатели деревень и ферм передвигаются наощупь, а здесь на вершине в чистой синеве небес сияет солнце.

Когда мои дети были маленькими, мы часто играли в мягкой траве, но увы, на смену ей пришли асфальт и кирпич – тут построены две автостоянки и развлекательный центр. Мне грустно от этого, хотя и понимаю, что жителям промышленных районов тоже бы хотелось сюда приехать и насладиться красотой.

Пусть всё меняется, но это лучший вид в Англии.

Старая гуртовая дорога

Из всех маршрутов для прогулок этот, пожалуй, самый любимый. На высоте около тридцати метров дорога идёт с краю холма. Мы много раз ходили по ней из Олдстеда до Осмотерли, минуя Стипл Кросс, Блэк Хамблтон и Слэйп Стоунз.

Дорога

Узнал я об этой дороге, когда мои ребята были совсем маленькими, меня заинтересовала широкая дорога между каменными стенками, уходящая на верх холма, где она плавно сужается до узкой тропинки в вереске. Всю дорогу перед нами разворачивался завораживающий вид Пеннин и Йоркской равнины на западе, на востоке же простирались бескрайние вересковые пустоши Северного Йорка.

Поначалу мы не знали ничего из истории этой дороги, просто хорошее место, где можно пройтись. Но с годами нам стало открываться её прошлое.

Вид с дороги

В окрестностях есть небольшие холмы и множество могильных курганов. Ещё римляне использовали эту дорогу, а шотландцы преследовали по ней армию Эдварда Второго, битва произошла в местечке «шотландский угол», что у Олстеда. Но лично мне, как ветеринару, гораздо интереснее было представить бесчисленные стада, которые гуртовщики гнали из Шотландии на рынки юга.

Мы даже совершили маленькое открытие, правда, для самих себя. Однажды в воскресное утро мы подымались по Кервик Банку, что причудливо вьётся к вершине Хамблтона.

Поворачивая на север, мы заметили развалины дома. Джимми и Роза немедленно вскарабкались на серые камни.

«Папа, смотри, - закричал Джимми, - а тут пещера».

Виды с дороги

Я подошёл поближе посмотреть, это был большой погреб, здесь когда-то стоял Лимекилн Хаус.

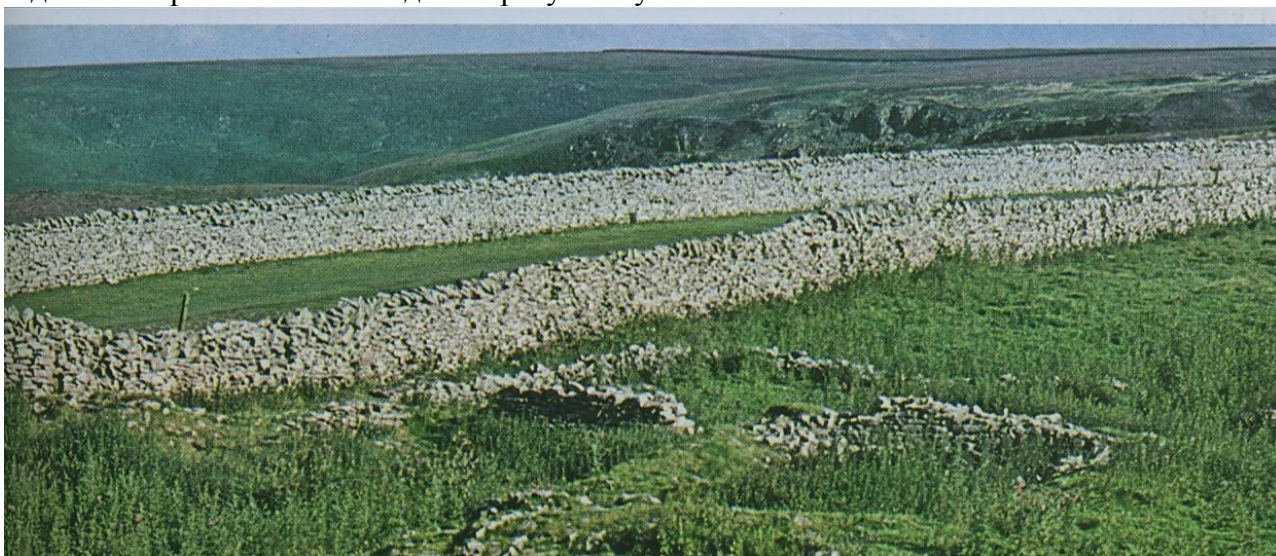
В наши дни от него осталось гораздо меньше, чем при первой встрече, тем не менее легко представить, что окружало этот дом — сзади уходящий вверх холм, на север — вересковая громада Блэк Хамблтона, из окна открывается вид на равнину.

В Лимекилн Хаусе могли отдохнуть, найти кров и пищу гуртовщики, перегонявшие скот. Ещё в первый раз мы увидели, что отчётливо сохранились только границы большого загона для животных, где их оставляли на ночь. К счастью, мне удалось узнать историю этой гостиницы из первых рук.

Её поведал мне Люк Кендалл из Наб Фарм, что в Кепвике. Так вот, его дед был хозяином этого заведения. Однажды ночью во время проливного дождя в дверь нетерпеливо постучали. Пришельцы шумной толпой ввалились в мир света, тепла и еды. Началась пирушка, каждый раз это было испытанием хозяина на спокойствие и терпение, приходилось следить за порядком и постоянно ходить в погреб, который мы и обнаружили, чтобы наполнить пивом кувшины.

Мистер Кендалл припомнил случай, когда терпение у дедушки всё-таки кончилось. Было уже два часа ночи, хозяин буквально валился с ног от усталости, глаза закрывались сами собой, а в комнате было полно народу, всю веселящегося, конец этому даже не предвиделся. Тогда он принял неожиданное решение. Сходил в погреб и принёс два больших кувшина, поставил их на стол. И хотя вокруг гремела песня, обратился к окружающим: «Ладно, ребята, желаю хорошо повеселиться. Вы уж сами о себе позаботьтесь. А я иду спать».

Это одно из воспоминаний о старой гуртовой дороге, по которой когда-то ходили римляне, гуртовщики, стада животных, а теперь и я сам, моя семья, мои собаки. Я часто задаюсь вопросом – есть ли где-то прогулки лучше?

Остатки Лимекилн Хаус

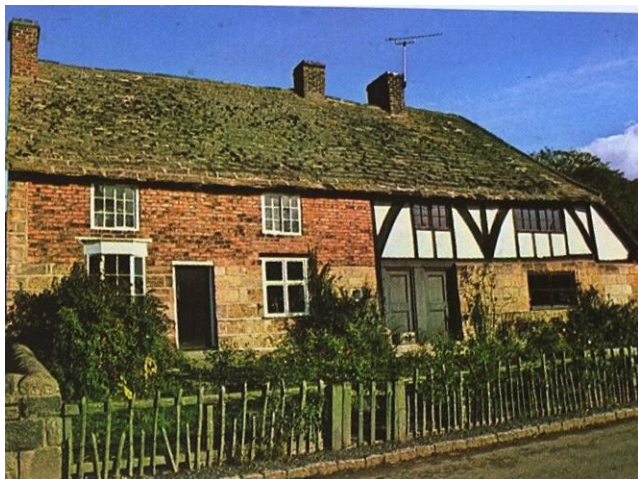

Килбурн

Как-то раз к нам зашёл Роберт Томпсон, чтобы посоветоваться со мной насчёт своей собаки. Хелен проводила его в столовую, когда я вошёл туда, то обнаружил, что нашего клиента кое-что очень заинтересовало.

Он восхищённо разглядывал буфет из морёного дуба, доставшийся нам по наследству от матери Хелен.

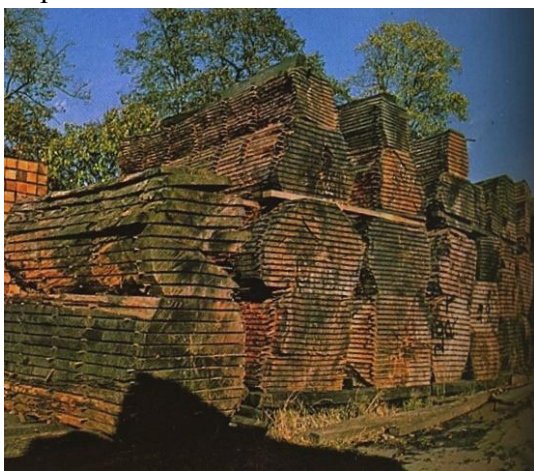
Чуть склонившись, он проводил рукой по поверхности. «Замечательно, замечательно», – бормотал он, буквально расцветая, увидев увлечение и страсть своей жизни – дуб.

Для меня Роберт Томпсон в первую очередь был владельцем собаки, но для других это был всемирно известный мастер, резчик по дереву.

Дом Роберта Томпсона

Он родился в маленькой деревушке у Белой Лошади. Свою трудовую жизнь Роберт начал в качестве мастера по изготовлению колёс. Однажды к нему обратился с просьбой приходской священник отец Невилл, нужно было сделать из дуба крест, трапезные столы и другие предметы церковного обихода. Готовые вещи поразили заказчика, он посоветовал молодому мастеру заняться созданием мебели из этого благородного дерева.

Заготовленная древесина дуба

Роберт внял совету, начало легенде было положено. В поисках символа выполненной работы он обдумывал выражение «Беден, как церковная мышь» и выбрал мышь как фирменный знак. Мышь олицетворяла качество изделия, множество людей со всего мира посетили тихую деревушку, где жил мастер. Он использовал только дуб, выдержанный и высушенный в течение нескольких лет, делал всё вручную старинными инструментами вроде скобеля.

Есть в Килбурне и другое знаковое животное – Белая Лошадь. Житель деревни Томас Тэйлор, переехавший с юга, знал, что в Беркшире, в Уффингтоне есть Белая Лошадь. Поверхность близлежащего Ролстон Скар показалась ему подходящей для аналогичного творения.

Белая Лошадь Килбурна была создана в 1857 году. Мастерами выступили директор местной школы и тридцать добровольцев – помощников. Размер Лошади впечатляет: 94 метра в длину и 68 метров в высоту. Для поддержания в должном состоянии её подбеливают и скалывают меловую основу.

Окончание работ ознаменовалось праздником. Зажарили двух волов, выпили около пятисот литров пива. И такое веселье было вполне оправданным. Лошадь вышла на славу, с равнины Йорка её видно за много километров.

Содержать Белую Лошадь помогают доходы от ежегодно проводимого в Килбурне праздника, его устраивают во вторую неделю июля. Он начинается в субботу со спортивных

соревнований, а заканчивается во вторник театрализованным представлением «Господин мэр» и «Госпожа мэр». Мужчины во время спектакля переодеваются в женскую одежду, ловят женщин и пытаются их поцеловать.

Белая Лошадь

Я часто проезжаю через Килбурн, это место пробуждает много воспоминаний. Когда Хелен и я поженились, а было это почти сорок лет назад, нам очень понравилась мебель Томпсона. Мы начали с малого и купили свинку-копилку, со временем приобрели кофейный столик и пару пепельниц. Потом появился Джимми и монеты из копилки пошли на кровать, так что большего тогда мы себе позволить не могли.

Старый мастер умер в 1955 году, его внуки Картрайты продолжили дело. Хелен и я были в числе многочисленных желающих приобрести любимые предметы из дуба с резной волнистой поверхностью и знаменитой мышкой.

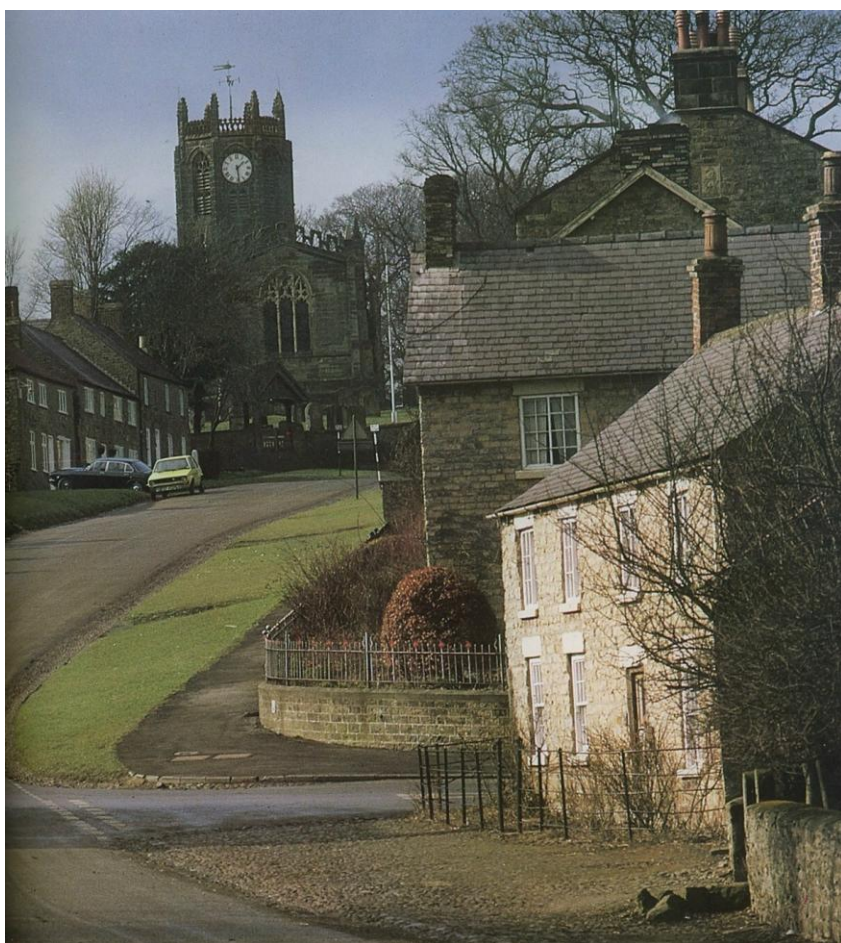
Коксуолд и аббатство Байлэнд

В трёх с небольшим километрах от Килбурна находится деревушка Коксуолд, место довольно известное. Старые дома уютно расположились на склоне холма, от этой картины веет изяществом прошедших времён, здесь есть замечательная гостиница «Фауконберг Армз». Однако Коксуолд прославился не только этим.

Коксуолд

Почти у вершины холма возвышается красивейшая церковь с необычной восьмиугольной башней. Если прогуляться от церкви в северном направлении метров на девяносто, то на противоположной стороне дороги вы увидите старинное здание Шэнди Холл, семь лет тут жил Лоуренс Штерн, остроумный человек и замечательный писатель, в Коксуолде он был приходским священником.

Шэнди Холл

Из писем Штерна можно понять, что нигде он не был так счастлив, как в Коксуолде. Да и отчего тут не быть счастливым, если вокруг такое очарование, от дома веет миром и спокойствием, теплом и надёжностью старого кирпича.

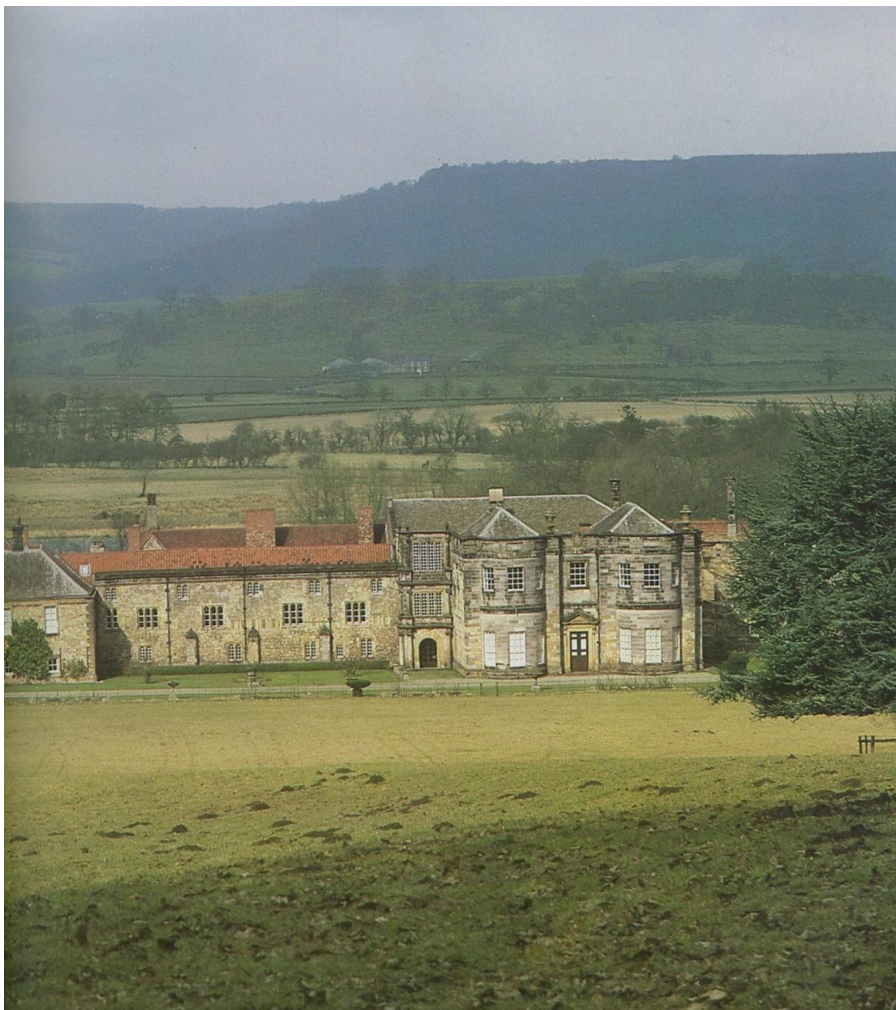
Лоуренс Штерн – автор произведений «Тристрам Шэнди», «Сентиментальное путешествие», «Дневник Элизы». Но лично мне Шэнди Холл последние тридцать лет известен только как фермерский дом.

Мистер Чарльз Смедли, его владелец, был одним из наших клиентов, поэтому я лечил его животных, принимал у них роды, вместе с мистером и миссис Смедли мы выпили множество чашек

чая на кухне.

В старом доме сделали капитальный ремонт и создали музей Лоуренса Штерна. Произошло это в 1972 году, посетить музей можно по средам или в иное время по договорённости. В экспозиции представлены личные вещи писателя.

Меня радует, что Шэнди Холл остаётся жилым домом. Сейчас там проживает чета Монкмэнов, эта семейная пара – инициаторы проекта, это правильно – наполнить старый дом человеческим теплом. Мистер Смедли переехал в дом поменьше и продолжает трудиться, хотя ему восемьдесят восемь лет.

Монастырь Ньюбург

Через километр с небольшим к югу находится монастырь Ньюбург, там есть безмятежное озеро. Монастырь построили в 1145 году августинцы, все годы, что я живу в Йоркшире, слышу доводы за то, что в Ньюбурге покоится прах Оливера Кромвеля.

Какое-то время монастырь был домом для Мэри, третьей дочери Кромвеля. Мэри стала супругой внука лорда Фауконберга. Когда враги Кромвеля выволокли его тело из Вестминстерского аббатства, чтобы повесить и потом обезглавить в Тайберне, оно два дня пролежало в Холборне в гостинице «Красный лев».

Многие уверены, что там и произошла подмена, и тело Кромвеля замуровано в стенах Ньюбурга.

Загадка не разрешена и поныне, впрочем, никто из семейства Вомбвеллов, владеющих этими землями и поместьем с 1825 года, так и не предпринял попыток что-либо узнать, и непохоже, что в будущем что-то изменится.

Тем не менее местные жители убеждены твёрдо – Кромвель лежит здесь.

Рядом с Коксуолдом лежат величественные руины аббатства Байлэнд. От восточных ветров их заботливо прикрывает склон холма над деревушкой Васс. Построившие это аббатство цистерцианцы первоначально жили в деревне Олд Байлэнд, в её западной части до сих пор можно увидеть развалины их построек.

Строительство аббатства Байлэнд, возможно, было вызвано двумя причинами: монахи стремились создать более защищённое положение и им было неприятно слушать колокольный звон из аббатства Риво в деревне, что находилась пониже.

Полагаю, есть немного истины в обоих предположениях, однако легко можно представить, как монахи на продуваемом всеми ветрами холме слушают чужой колокольный звон и невольно сравнивают свои тяготы с жизнью уютно устроившейся братии в Риво.

Как бы там ни было, новый монастырь был построен в более удобном месте. Эдвард II находился здесь, когда шотландцы напали на его войска. В результате битвы Эдварда вынудили бежать в Йорк.

Развалины аббатства Байлэнд

Харрогит

Мои знакомые читатели без труда поняли, что выдуманный Бротон – это Харрогит.

Каждую неделю у меня было полдня отдыха. Разумеется, если сельский ветеринар решит провести эти долгожданные полдня дома, то они ничем не будут отличаться от работы. Обязательно появятся клиенты, а ваш предполагаемый коротенький выходной превратится в повседневный труд.

Королевские ванны

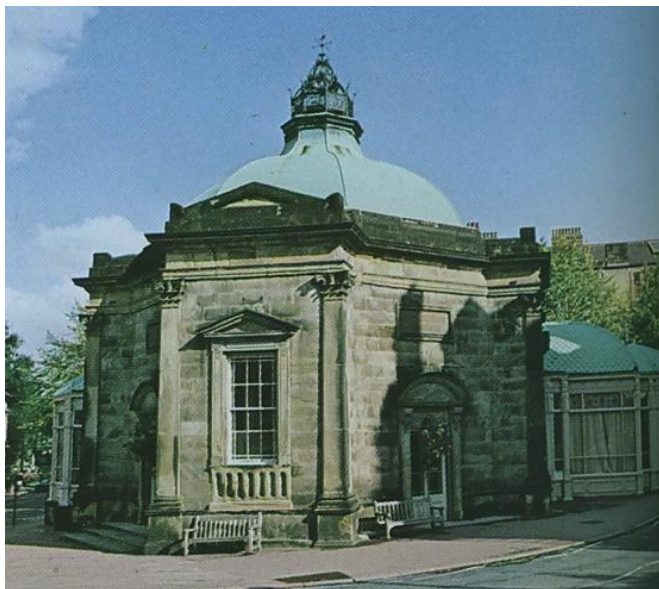
Уезжать надо обязательно подальше, мы выбрали для этого Харрогит.

Я люблю свою работу, но она чрезвычайно напряжённая, и когда Хелен и я бродили по улицам любимого города, нас охватывало непередаваемое ощущение радости и свободы. Даже сейчас, когда я приезжаю в Харрогит, с меня словно спадают тяготы и усталость.

Может быть, так действует чарующая атмосфера викторианства, которая буквально витает над городом, первоначально здесь был курорт с минеральными водами, сюда ехали со всей страны страждущие «принять воды», побродить в садах и послушать оркестры.

Этим водам приписывают буквально волшебное воздействие, особенно из источников Святого Джона и Тевит.

Миллионы лет назад в результате геологических сдвигов появилось около восьмидесяти родников, преимущественно серо - и железосодержащих. Эти сокровища природы были открыты в семнадцатом веке и немедленно прославились тем, что могли лечить заболевания мочевого пузыря и почек, эпилепсию, желтуху, избавить от глистов. Желаящие принимали ванны для исцеления от кожных болезней.

Насосная станция

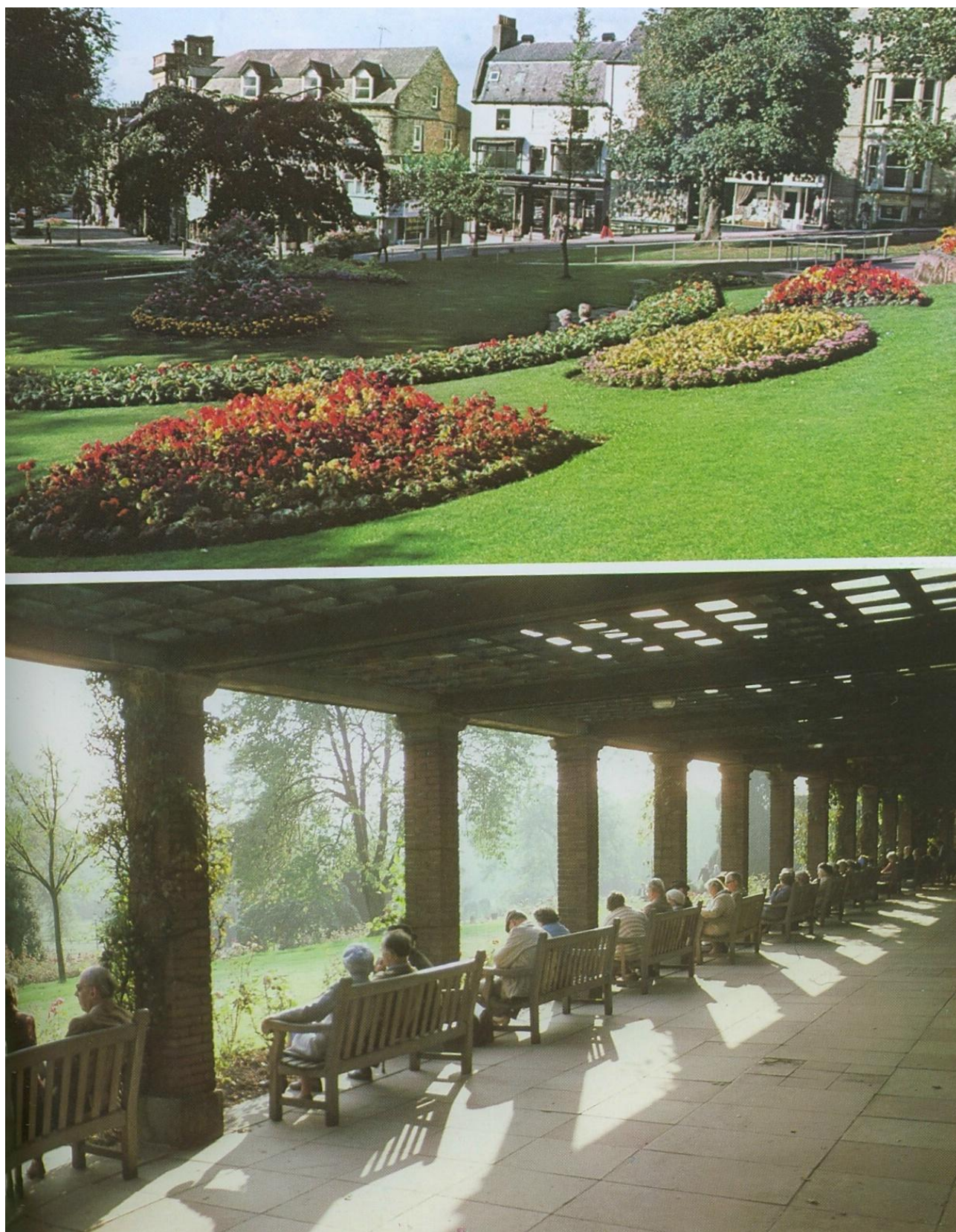
Курорт становился всё более известным, пик популярности пришёлся на конец девятнадцатого – начало двадцатого века. Были построены водолечебницы, например, «Королевские ванны» предлагали около сорока видов водных процедур, в том числе от ревматизма, невралгии седалищного нерва, подагры и прочих недугов.

Лично я думаю, что большинство клиентов этих лечебниц были очень богаты и в результате своего образа жизни

постоянно переедали и слишком много пили.

Городские сады

Городские сады

Состоятельные викторианцы неумоимо поглощали копчёную рыбу, разнообразные мясопродукты, яйца. Обильные завтраки сменялись обедами, а между ними были ещё закуски. Всё это заливалось пивом, вином и алкоголем покрепче. Естественно, Харрогит стал своеобразным спасением для уставших организмов.

Стрэй, цветочный ковёр

Мы гуляли с Хелен по городу, любуясь красивыми зданиями, изумлённо глядя на мужчин в цилиндрах и фраках, женщин в длинных платьях, почти метущих путь. Солнечным днём мы частенько останавливались присесть у старых оркестровых эстрад, вновь насладиться буквально окутывающей Харрогит атмосферой викторианства.

Возможно, одной из причин, почему этот город смог подарить нам отдых, является Стрэй – полоса зелёного газона, засаженного цветами, он известен ещё как «Двести акров». В восемнадцатом веке происходило огораживание общинных земель, но это место оставили

общим. Теперь Стрэй - одна из достопримечательностей Харрогита, дарящая городу аромат и свежесть зелени и цветов.

Одной из радостей короткого выходного была встреча с Джин и Гордоном Рэ. Гордон был ветеринаром в Боробридже, и подобно мне, тоже хотел ненадолго отдохнуть от грязи, резиновых сапог и трезвонящего телефона. Нам было интересно поговорить друг с другом, обсудить прошедшую неделю, поделиться успехами и неудачами в работе.

Наша первая встреча получилась немного необычной. Хелен и я пили чай в кафе «У Бетти». Из-за соседнего столика поднялся крепко сложенный мужчина и обратился ко мне, причём с таким же сильным шотландским акцентом, как и у меня.

- Вы Джордж Дональдсон? – спросил незнакомец.
- Нет, - удивлённо ответил я, - а почему вы об этом спрашиваете?
- Просто вы на него очень похожи. Он учился со мной в школе в Страталане.
- Ага, - говорю я, - из школы я знаю одного парня, это Гордон Рэ из Боробриджа.
- Замечательно, - сказал мой собеседник, - он перед вами.

Разумеется, тут же завязался разговор, в котором я упомянул, что слышал много о Гордоне, так было положено начало долгой дружбе.

В течение тридцати лет мы вчетвером встречались в Харрогите, всегда стараясь хоть чуть-чуть растянуть драгоценные полдня. Сначала обед в кафе «У Бетти» или «Стэндингс», затем поход по магазинам, затем киносеанс в одном из четырёх кинотеатров, заключительный штрих – в ресторане «У Луи» мы снова собирались, чтобы поужинать. Возможно, такая плотная программа была вызвана тем, что все мы прекрасно знали – впереди трудная рабочая неделя.

Грустно осознавать, но Гордон, весёлый силач, талантливый художник и натуралист, нас покинул, и теперь нас только трое. Однако по-прежнему Джин, Хелен и я каждую неделю ездим в Харрогит, город удивительной красоты и наших воспоминаний.

Конечно же, многое в нём изменилось. Сюда приезжают на отдых в выходные и праздники. Водолечебницы остались в тридцатых годах, тому есть несколько причин. Прогресс в медицине позволил лечить болезни проще и эффективней, без употребления неприятной на вкус воды, экономический кризис, да и просто все состоятельные граждане осознали, что можно есть поменьше и применять разумные диеты.

В 1939 году всё завершилось окончательно, как музей осталась насосная станция у серосодержащего источника.

Неизменно прекрасными из года в год остаются цветы, для нас ранняя весна – замечательная пора, Стрэй превращается в яркий ковёр из крокусов. Когда мы едем из Нейсборо, буйство красок является самым лучшим вестником ухода зимы.

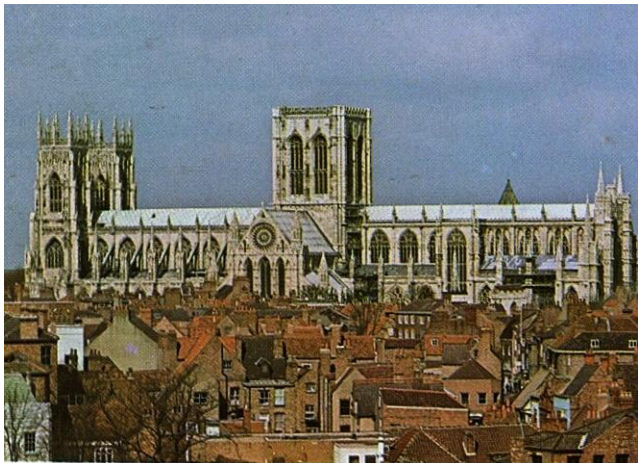
Для множества людей Харрогит имеет множество значений, но для меня и Хелен этот, продуваемый всеми йоркширскими ветрами город на холме, несёт радость еженедельного краткого отдыха.

Йорк

Если с Хамблтона у Ролстон Скар хорошенько присмотреться в южном направлении, то вдали, примерно в 45 километрах, можно увидеть башни кафедрального собора Йорка.

За минувшие пять столетий вид на собор не сильно изменился, только в семнадцатом веке рядом была деревянная часовня.

Кафедральный собор

Ещё до свадьбы и некоторое время после Хелен и я ездили в Йорк на выходные полдня, если бы мы не встретили Джин и Гордона Рэ из Боробриджа, что рядом с Харрогитом, Йорк мог вполне стать местом еженедельного краткого отдыха. В этом городе Хелен купила свадебное платье.

С этим городом у нас связано множество счастливых событий, мы любим ездить в Йорк, пожалуй, как и множество людей со всего мира.

Йорк

Можно часами бродить по старинным улицам, в этом мы изрядно преуспели, каждый раз открывая что-то новое, а можно просто смотреть на речные суда.

Если Харрогит ассоциируется с эпохой викторианства, то история Йорка уходит несравненно дальше: эпоха римлян, средневековье, элегантность Тюдоров. Город был основан в 71 году нашей эры и изначально был северной столицей Римской Британии.

Хамберт Вольф в своей поэме написал о Лондоне так: «Йорк был уже столицей, когда у вас ещё имени не было».

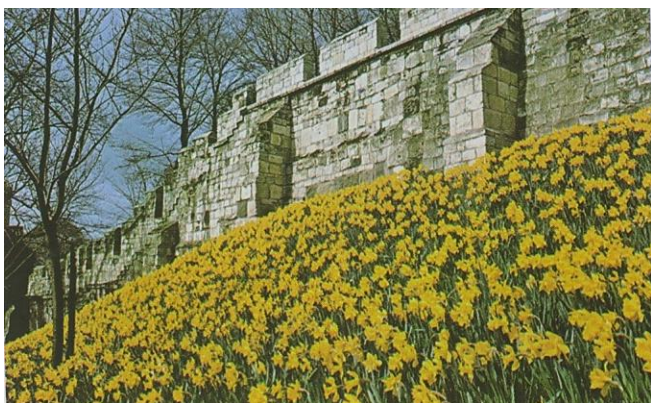
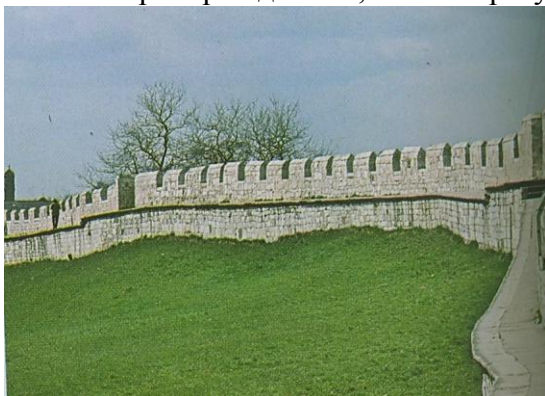
Находясь в городе, непривычно осознавать,

что когда-то по этим улицам шли римские легионы. В те времена город называли Эборакум, сотни лет спустя, уже после вторжения норманнов, он был второй столицей Англии.

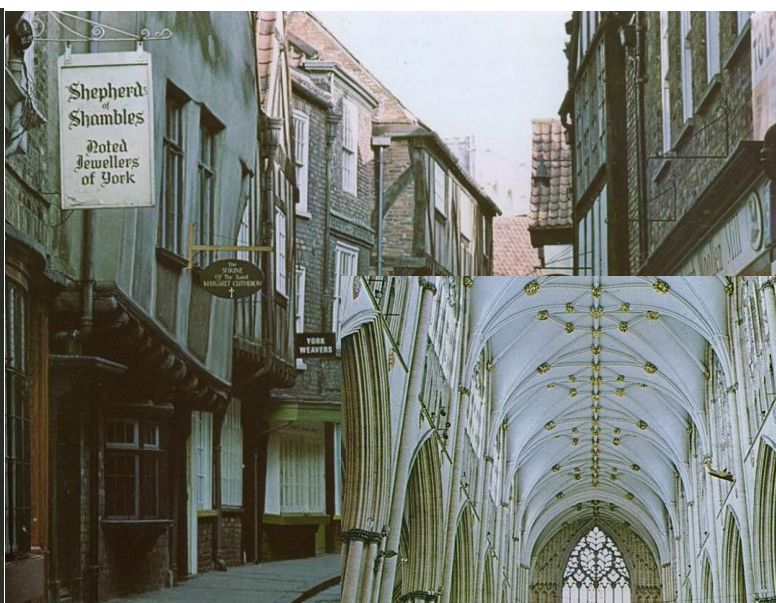
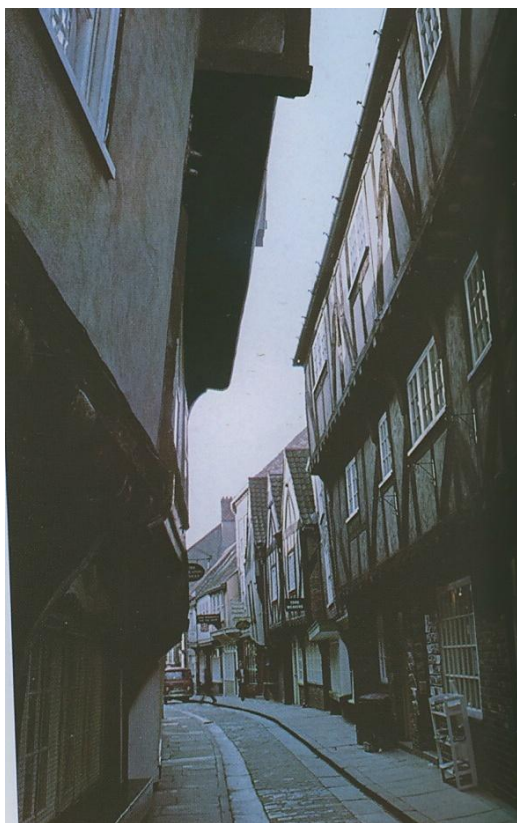
История Йорка – это его гордость. Несравненный собор, городские стены, ворота. Я прекрасно помню изумление, охватившее меня, когда Хелен повела по причудливым

улочкам наподобие Шамблс, там кажется, что высунувшись из окна, можно пожать друг другу руки, такие улочки узкие, а Глэдхолл, развалины аббатства Святой Марии, башня Клиффорд, купеческий дом, дворцовый музей, можно долго перечислять достопримечательности.

Йорк – рай для тех, кто интересуется историей и событиями прошедших времён.

Городские стены

Шамблс

Переулок у собора

Здание колледжа Святого Уильяма в стиле Тюдоров

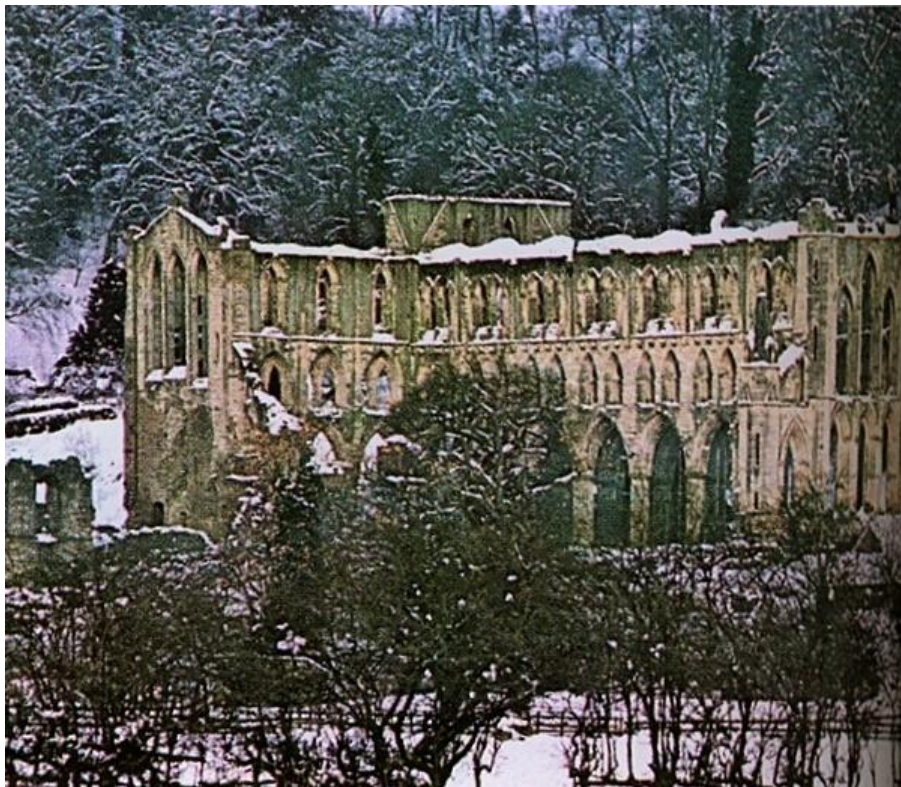
Собор

Аббатство Риво

Эти места возвращают меня в те времена, когда я только познакомился с Хелен. Неудачный поход в ресторан, точно такое же посещение кинотеатра. После всего этого Хелен предложила просто погулять по окрестностям.

И мы прошлись до аббатства Риво, выйдя из деревушки Скаутон, направились вниз к

длинной лесистой долине, там миновали две фермы, а затем узкая дорожка вывела нас к мостику через реку Рэ. Потом поворот налево и впереди путь вдоль петляющей речушки. Я никогда не забуду чувство потрясения, охватившего меня, когда деревья расступились и я впервые увидел аббатство. «Россыпь камней, парадная стоящих колонн, ну что там может быть ещё, - думал я до этого». Однако картина превзошла все ожидания.

Риво

Уходящие ввысь проёмы величественных арок буквально лишили меня дара речи, оставшийся путь до аббатства я проделал со всё возрастающим чувством нереальности происходящего.

Разумеется, Хелен видела всё это раньше много раз, но ни словом об этом не обмолвилась, так что сюрприз вышел на славу.

Возможно, из-за того, что красивая девушка показала мне эту историческую реликвию, именно Риво запечатлелось в моей памяти как самое примечательное в череде себе подобных, ведь Йоркшир богат развалинами такого рода. Цистерцианцы построили это здание в 1132 году почти в сердце холмов в замечательном месте.

На одном из близлежащих склонов есть терраса, заросшая невысокой травой. Хелен и я направились к двум небольшим храмам, стоявшим чуть в отдалении. Но всё время наши взгляды возвращались к величественному строению внизу.

Потом мы спустились и обошли церковь, основание которой густо заросло травой. Пол внутри был замощён плитами, мы попытались их сдвинуть. Да, тяжёлое наследие прошедших славных столетий.

Деревушка Риво – словно картинка: дома с соломенными крышами, каменные стенки сухой кладки, всё это часть сурового Йоркшира и пышности средневековья.

Напоследок мы ещё раз посмотрели на аббатство, уютно спрятанное в холмах, защищавших одновременно от пронизывающих ветров с востока и севера. Монахи строили очень хорошо, и Риво тому отличный пример.

С тех пор я ходил к этому месту много раз с детьми и их друзьями, нашими гостями. Конечно, в Йоркшире много мест, которые я могу с радостью показать, но на первом месте, безусловно, аббатство Риво. К нему я водил с особой гордостью, словно сам когда-то принимал участие в его строительстве.

Риво

Появление ягнят

Одна из любимых моих картин – овцы с новорождёнными ягнятами на зелёном ковре пастбищ. Йоркшир во всём великолепии.

Сбившиеся в маленькие группы семьи из мамаш и ягнят – результат тяжёлой работы и тщательного ухода. Время окота, несомненно, наиболее суматошное и беспокойное в году для фермеров и ветеринаров. Иногда фермеры не могут нормально поспать в течение шести недель. Недолго вздремнуть в кресле – всё, что можно себе позволить. Мало того, что работы очень много, так ведь есть и иные проблемы с овцами – заражение крови при беременности, минеральная недостаточность, выпадение органов, перечислять можно долго. В таких случаях действовать надо быстро, ведь роды могут вот-вот начаться. Естественно, фермерам приходится довольно туго, к тому же надо обязательно проследить за новорождёнными, особенно если они появились ночью в мороз и снег, без материнского молока гибель неминуема.

Слабеньких ягнят фермеры уносят домой в тепло, чтобы они могли окрепнуть.

Пора появления ягнят напоминает волну, накрывающую ветеринара с головой,

когда у него и так работы непочатый край, ведь весной все животные истощены после долгой зимы, а потому особенно уязвимы для всяческих болезней.

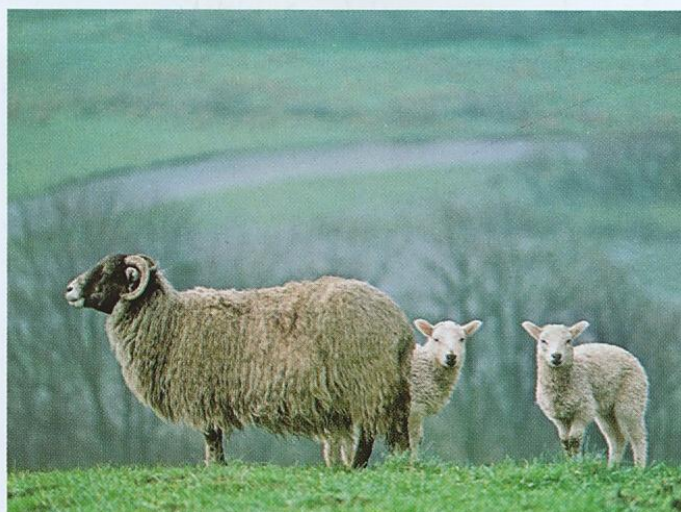
Разумеется, ветеринаров вызывают только в тяжёлых случаях, когда фермер видит, что сам не справится. И не всегда бывает, что эта работа на час, а в тридцатые годы, что описаны в моих книгах, вообще считалось обыкновенным делом находиться в открытом поле на режущем ветру под проливным дождём.

Бывает такое и сейчас, однако нынешние фермеры всё же стараются перевести проблемных животных в сарай, где ветеринар может заняться работой, сняв верхнюю одежду, а соломенные тюки надёжно защищают от ветра.

Конечно, всё это – тяжёлая часть моей работы, но, наверное, самая благодарная. Принимать удивительно симпатичных крошек всегда дарило мне большую радость, всегда завораживало зрелище, когда мать озабоченно блеет в поисках потомства, а к ней спешат ягнята на подгибающихся от слабости ножках.

Время появления ягнят имеет и другое символичное значение. Это вестник того, что суровая долгая зима на исходе. Весьма разнообразны доносящиеся из загонов и с пастбищ звуки. Низкое довольное блеяние, когда мать вылизывает своё потомство, громкое и сердитое, когда она считает, что её семейству грозит опасность, сюда же вплетаются тоненькие крики самих ягнят.

Звуки овец, звуки весны.

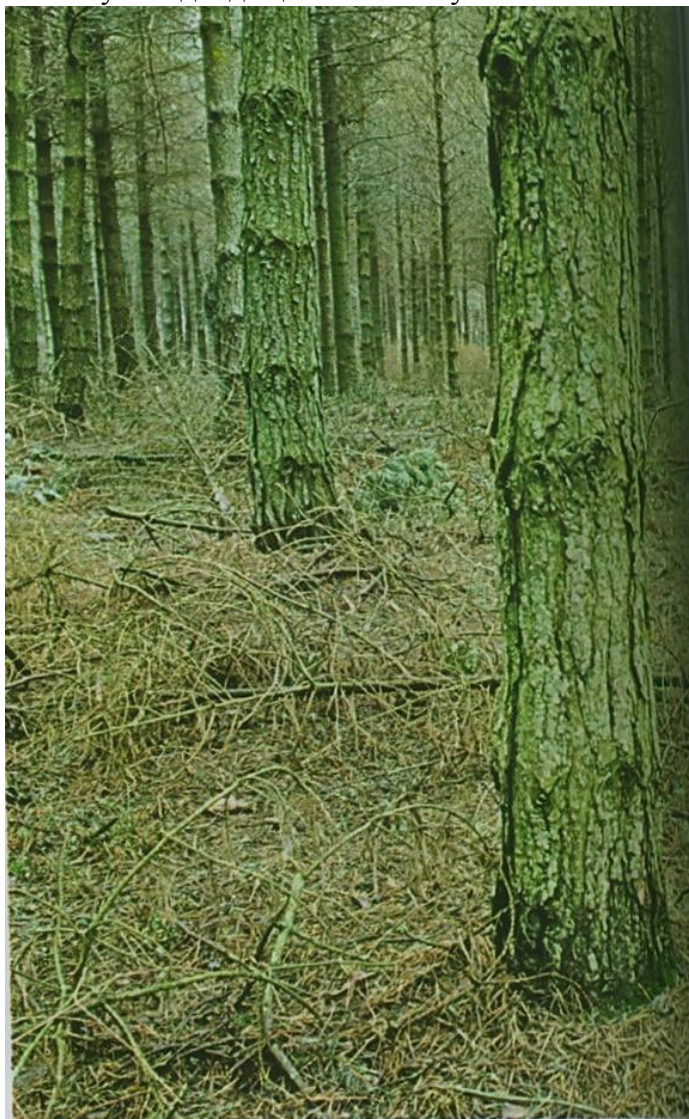

В холмах во время окота

Лесные дороги

В своих книгах я часто рассказывал, как вместо перерыва «на чай» я останавливал машину в подходящем месте и гулял с собаками.

В Йоркшире найти такое место очень просто, ведь тропинок и путей множество, с удовольствием можно пройти хоть километр, а то и все десять. Правда, эту идиллию легко может испортить северо-восточный ветер, частый гость в здешних местах. Фермеры зовут его «ленивым», так как он вас не обдувает, а без задержек продувает напрямую.

Разумеется, особой радости от такого отдыха не испытываешь, и тут на помощь приходят лесные дороги, полные скрытого очарования. В любое время они манят пройти, вдыхая сосновый аромат и наблюдая что-нибудь интересное между тёмными стволами, что уж говорить про погоду, когда неистовствует ветер, и даже самый заядлый любитель бродить на природе хорошенько задумается, делать это сегодня или нет.

Вот почему я останавливаю машину на заросшей травой обочине и иду под сень леса со своими ребятами и домашними питомцами.

Здесь вы надёжно укрыты на километры вокруг, воздух напоен ароматом леса, ветер же шумит где-то вверху в ветвях. Этот уединённый мир полон красоты: мягкий ковёр опавшей хвои устилает землю между деревьями, золотистые пятна солнца там, где оно сумело пробиться сквозь завесу веток, среди тёмных вечнозелёных елей тепло бронзовеют лиственницы.

В безветренные дни здесь тихо. Тогда становится слышно журчание маленького ручья, он начал прокладывать свой извилистый путь задолго до появления нынешних деревьев. Ручей почти незаметен, однако каждому готов приоткрыть свою тайну. Каждому, кто любит лес.

В лесу

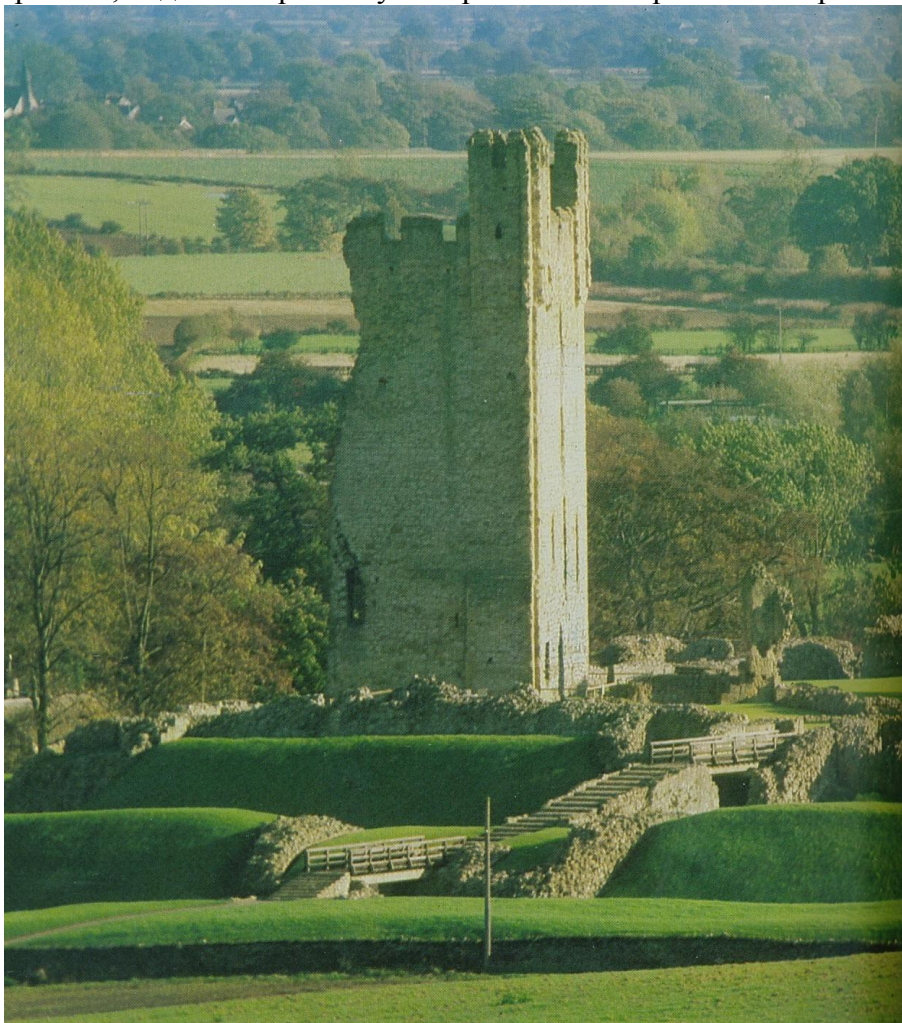
Пустоши Северного Йорка и восточное побережье

Одна из удивительных особенностей моего Йоркшира – быстрая смена картин, это легко проверить, если начать путь в глухих уединённых Пеннинах, плавно спуститься на плодородную равнину шириной около 50 километров, каждая пядь которой любовно возделана, там множество деревень, затем перед вами внезапно вырастает громада Хамблтона, крутой подъём на высоту около 360 метров через Саттон Бэнк снова приводит к каменным стенкам и пустошам.

Фарндейл

От обилия красок к скудости окружающего пейзажа – этот удивительный переход происходит за минуты, словно перенося путника в другой мир. Однажды зимней ночью, будучи на вызове, я остановил машину у вершины Саттон Бэнк и смотрел, как идёт ливень, а на самой вершине уже падал снег. В другой раз, тоже ночью, я был буквально вырван из полусонных мыслей, когда в свете фар внезапно появился олень с большими ветвистыми рогами, видение перемахнуло через капот и скрылось во мраке.

Замок Хелмсли

По этой дороге, ведущей в Скарборо и на побережье, я ездил множество раз, как по работе, так и в свободное время для удовольствия. Пожалуй, самыми запоминающимися стали воскресные поездки летом с семьёй на побережье Северного моря, ведь в пути можно просто остановиться и пройтись по бесчисленным тропинкам среди вереска.

Здесь раскинулись пустоши Северного Йорка, удивительная земля широких равнин и глубоких оврагов, объявленная в 1952 году национальным парком от Хамблтона до скалистых обрывов на побережье.

Одной из памятных стала поездка, когда

Хелен и я отправились на съёмки фильма по мотивам книги «О всех созданиях – больших и малых». Для меня это было грандиозное событие, ведь до этого не приходилось бывать на съёмочной площадке и встречаться с актёрами, среди которых было несколько знаменитостей.

Брансдейл

Всегда, когда мы подымались на вершину гряды и держали путь на Скарборо, меня охватывало чувство бескрайнего простора. Широким полукругом раскинулись километры пустоши и пахотных земель. В августе и сентябре земля становится пурпурной от цветущего вереска, перемежающегося золотыми прямоугольниками спелой пшеницы.

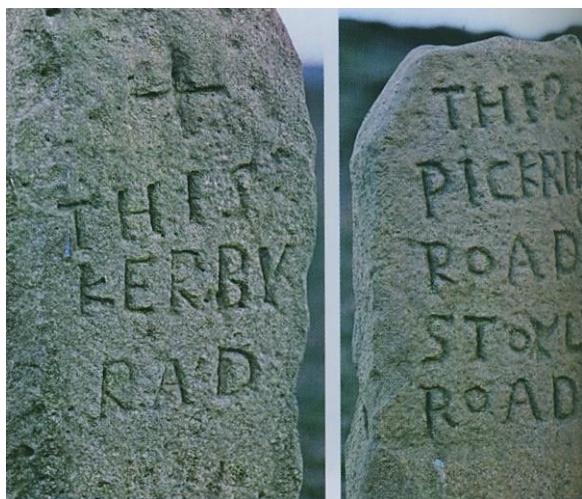
Дорога плавно идёт под уклон, приводя в Хелмсли, очаровательный городок, уютно обустроившийся в ложбине среди пустошей. Развалины замка Хелмсли вызывают у меня множество тёплых воспоминаний, ведь там любили играть мои дети, когда были маленькими. Особый интерес у них вызывал глубокий ров вокруг замка, ныне сухой, но интригующе заросший травой. В Хелмсли берёт начало второй по протяжённости в Англии маршрут для пеших прогулок, протянувшийся до городка Фили на берегу Северного моря.

Радлэнд Ригг

Миновав Хелмсли, через Карлтон мы проехали в Брэнсдейл, куда давно хотели заглянуть.

После этого наш путь лежал по дороге Гилламур, так мы добрались до Радлэнд Ригг, хорошо знакомого нам места, где мы часто бывали с детьми. Золотисто-жёлтая тропинка вьётся среди вереска, поднимаясь вверх до

полуразрушенной железнодорожной насыпи, на машине по ней ездить уже нельзя, а вот для пешеходов есть отличная возможность побродить.

Дорожные указатели расстояния и направления

Мы оставили машину и пошли в северном направлении на продуваемую ветрами вершину, откуда весь мир представляется волнующимся океаном вереска. С нашего места равнина простиралась на 50-60 километров, сливаясь с горизонтом.

Здесь всё наполнено свободой и свежестью вечного ветра, то острого и резкого, то мягкого и веющего, наролненного в зависимости от времени года ароматом цветущего вереска.

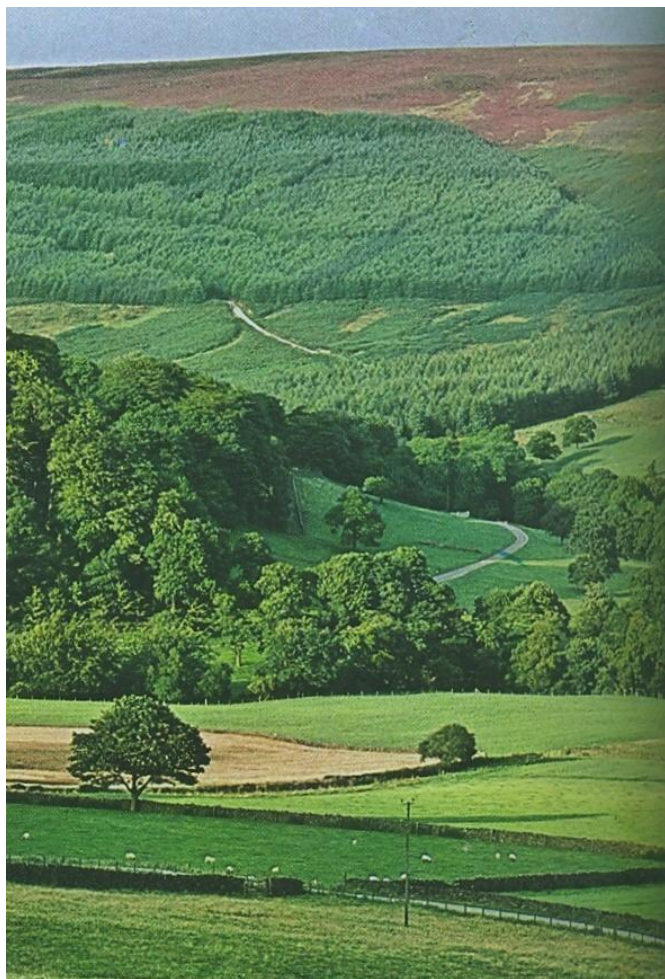
Мне кажется, именно здесь можно познать истинную красоту пустошей благодаря расстояниям и окружающему вереску.

Эта часть Йоркшира отличается от Пеннин на западе, у неё собственная волшебная аура. Ведь вокруг простирается не просто бескрайняя равнина, присмотревшись, вы обязательно увидите бесчисленные овраги и ложбины.

Находясь здесь, на Радлэнд Ригг, с одной стороны видно Брансдейл и Фарндейл с другой. Во время прогулки вы найдёте своеобразные дорожные знаки – старые камни с надписями, они указывают направление и расстояние.

Ну что же, пора в путь. Спускаться к машине гораздо легче, и вот мы едем в Хаттон – Ле – Холл, это уютнейшая деревушка, туристы об этом прекрасно знают, там всегда обилие приезжих.

Мы застали съёмки эпизода, когда у клайдсдейлской лошади нужно было выпустить гной из копыта. Об этом написано в книге «О всех созданиях – больших и малых». Когда я смотрел на актёров, то мысленно перенёсся в тот первый день, когда приехал в Дарроуби и встретил Зигфрида.

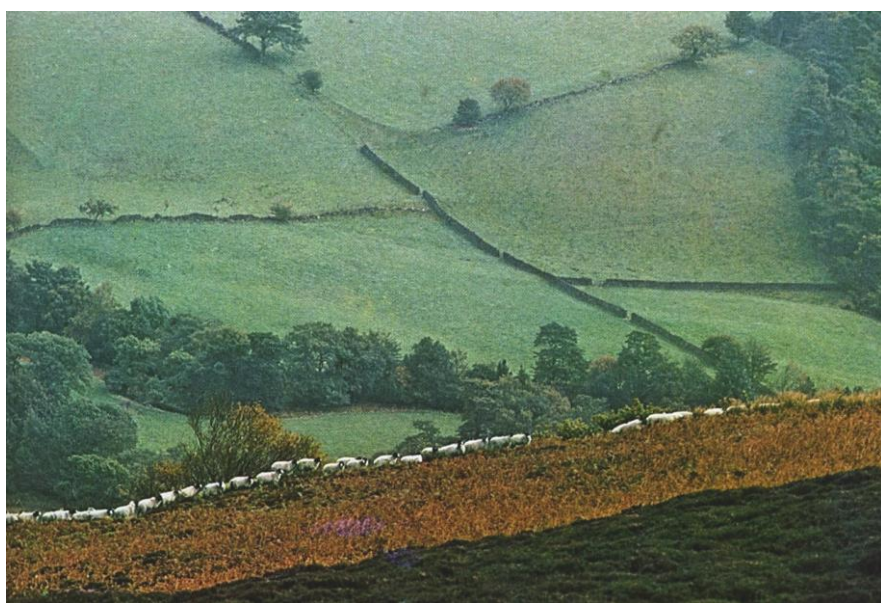
Брансдейл

Энтони Хопкинс и Саймон Вард ехали в живописном автомобиле тридцатых годов, на них была одежда тех замечательных времён. Я смотрел, как фермер выводит лошадь, Саймон Вард садится на корточки и приподымает ей ногу, именно так и происходило много лет назад.

Люди часто спрашивают меня, что я испытываю, когда вижу воссозданные картины прошлого. Однако, странное дело, более волнующим, нежели разворачивающееся действие, оказались слова, произносимые актёрами. У обоих прекрасные голоса, и мне трудно передать тот эффект, который оказывали на меня их реплики.

Я знал, что нам предстоит встреча с участниками фильма. Это повергало меня в сильное волнение. Кроме того, удивление вызвало то обстоятельство, что сцену переснимали почти дюжину раз. Как мне объяснили позже, таковы особенности съёмочного процесса. Наконец режиссёр отвёл меня и Хелен на площадку, знаменательный момент настал.

Овцы на склоне

Саймон Вард, сыгравший в сериале роль меня, как-то признался, что был совершенно ошеломлён в ожидании встречи со мной, что весьма удивительно. Для человека, прославившегося ролью Уинстона Черчилля, это

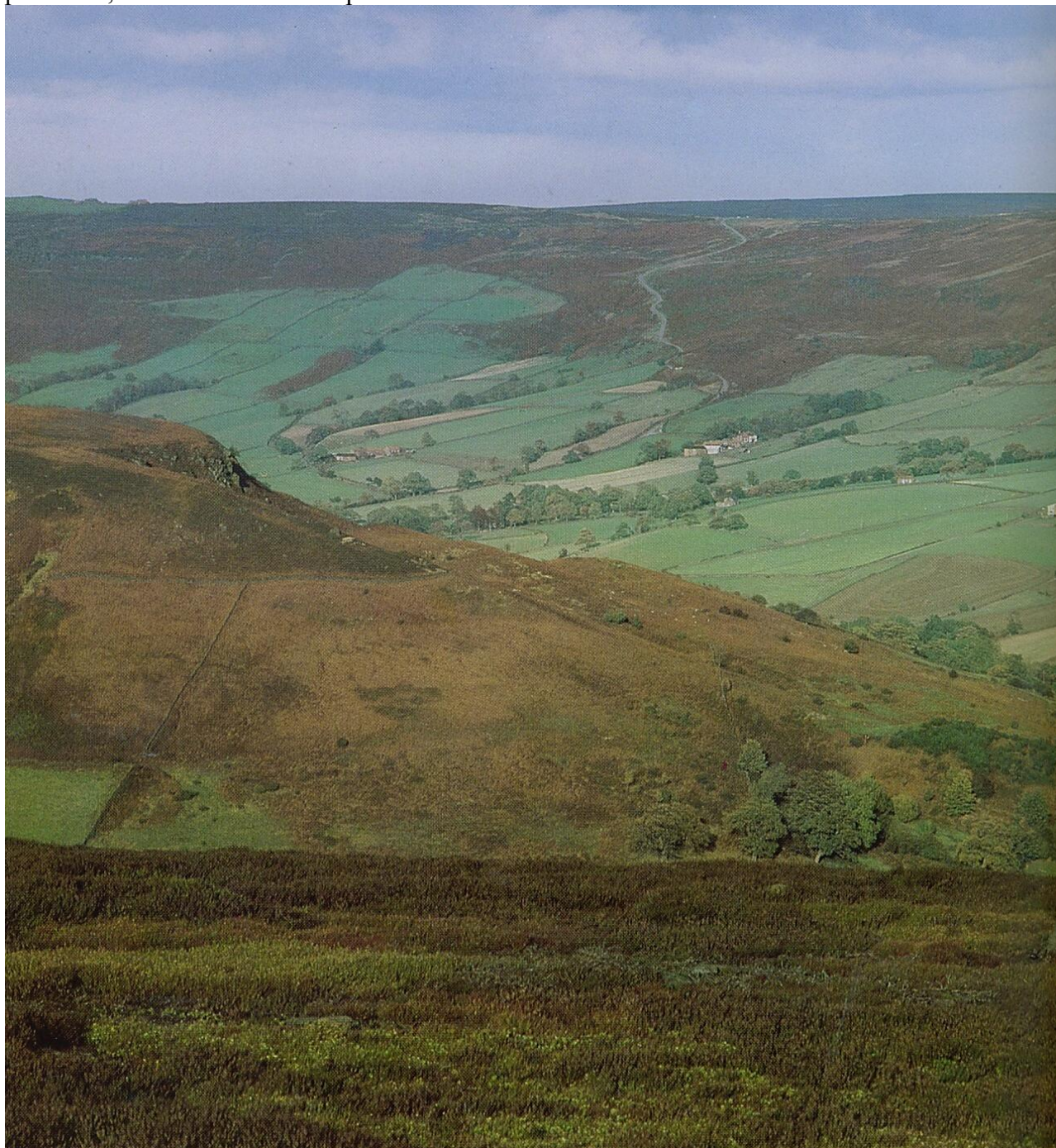
казалось чрезвычайно необычным. Полагаю, роль малоизвестного сельского ветеринара с ней и сравнивать не стоит.

Осень в Фарндейле

Однако все взаимные неловкости почти сразу же исчезли. Актёры оказались дружелюбнейшими людьми, в перерывах между бесконечными репетициями они общались с

нами и выглядели расслабленными, такое поведение меня чрезвычайно изумляло, ведь буквально через несколько минут они занимали свои места на съёмочной площадке, снова работали, снова жили своими ролями.

Восточный Фарндейл

Так было положено начало крепкой дружбе. Много раз Хелен и я, Зигфрид и Тристан со своими жёнами приезжали в места съёмок. Особенно меня заинтриговала передвижная столовая, обеспечивавшая группу разнообразнейшей едой в этих удалённых местах.

База съёмочной группы находилась в Пикеринге в гостинице «Лес и долина». Отличное место, где можно подкрепиться на пути в Скарборо. Именно там и прошли несколько замечательных вечеров с актёрами. Центром общества был обаятельнейший американец Дуэйн Боги, и на душе становится тепло при воспоминании о тех прекрасных

событиях, когда мы, три ветеринара в жизни, вдоволь навеселились в компании двойников на экране. Помимо Саймона и Тони с нами была Лиза Харроу, исполнительница роли Хелен, и начинающий молодой актёр Брайан Штернер, ему досталась роль Тристана.

Восточный Фарндейл

Именно в Пикеринге находится первый прототип Склдейл Хауса, показанный в фильме.

Но я возвращаюсь к первому дню в Фарндейле. После обеда мы решили ещё раз осмотреть любимые места перед тем, как возвращаться домой. Мы проехали заросший папоротником Спаунтон Мур, за которым снова начиналось море вереска, миновали знаменитый Роуздейл Чимни Бэнк с его

трёхуровневым уклоном, ведущим в деревушку Роуздейл Эбби.

«Лес и долина»

Склдейл Хаус: первый образ

Название своё она обрела благодаря цистерцианцам, они построили здесь в 1190 году женский монастырь. Роуздейл Эбби находится в окружении вспаханных полей, деревьев и холмов.

Архитектура этого места несколько отличается от соседних населённых пунктов.

Чимни Бэнк связан у меня с определёнными событиями. Одно время в нашей ветеринарной практике работал в качестве помощника Тони Келли, энтузиаст автомобильных гонок. И однажды он всё-таки уговорил меня участвовать в подобных мероприятиях, а именно – читать путь по карте и говорить, куда ехать.

Я прекрасно помню то воскресенье, когда мы носились по холмам, а я с выпученными глазами и стиснутыми зубами вжался в кресло. Ну что ж, быть проводником пришлось совсем недолго, так как Тони начал уставать от моей склонности указывать путь в лес или на тупиковую дорогу у какой-нибудь фермы. От моих услуг он благоразумно отказался.

На этом холме до 1972 года стоял отличный ориентир – труба, напоминание о металлургическом прошлом.

Ныне остатки этого прошлого, подобно шахтам в Пеннинах, совершенно заброшены и забыты. Хелен и я стояли у развалин обжиговой печи. Рядом пролегал полуразрушенный путь, здесь когда-то была железнодорожная ветка, по ней возили руду в Миддлсборо и Консетт. Но вид отсюда открывается грандиозный, видно даже Файлингдейл Мур с «гигантскими

шариками для пинг-понга», это часть военных сооружений, радарная установка системы раннего обнаружения.

Роуздейл Эбби

По выходным в Роуздейл Эбби

Саймон Вард на время съёмок со своей женой Александрой поселились в Ластингэме, поэтому и мы на пути домой свернули, чтобы заехать в эту симпатичную деревушку.

Ластингэм, подобно многим, закрыт от ветра окружающими холмами, удобные крепкие дома мирно соседствуют с окружающей природой. Для меня вполне объяснимо, отчего чете Вардов так понравилось это место и Йоркшир в целом. Саймон часто говорил мне, что всерьёз задумывался оставить актёрское ремесло и стать ветеринаром.

Развалины обжиговых печей

Остатки железной дороги

Здесь монастырь был построен в 654 году, разрушен датчанами в 866 году. В 1078 году сюда пришли монахи из Уитби и возвели новый на прежнем месте. Потом они проделали долгий путь к йоркской равнине и основали там аббатство Святой Марии.

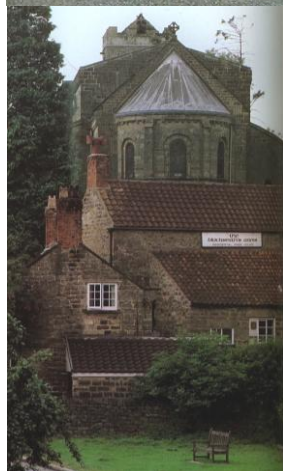
Возможно, более всего Ластингэм известен своим склепом. Хелен и я словно шагнули в прошлое, когда пришли к древним надгробиям у церкви. В Британии нет склепа, похожего на этот, он стоит здесь неизменным около тысячи лет. Побывав на кладбище, начинаешь ещё больше ценить жизнь.

Ну что же, этот день незаметно подошёл к своему завершению. Пустоши

Северного Йорка подарили мне множество таких насыщенных и интересных дней.

Вид с холма, вдали видны военные сооружения

Ластингэм

На родине капитана Кука

Я помню, когда мы решили показать детям места, связанные с жизнью капитана Кука. Он сам был родом из Йоркшира, северо – восточной его части. Кук был сыном чернорабочего с фермы и мог повторить его судьбу, но он стал всемирно известным мореплавателем и исследователем. Этот факт неизменно захватывает моё воображение. Его маршруты и открытия простираются от Тихого океана до Арктики, хотя его трудовая жизнь точно так же началась на ферме, потом он был помощником хозяина бакалейной лавки.

Дорога привела нас к монастырю картузианцев Маунт Грэйс на лесистых склонах Кливленд Хиллз, монастырь был основан в 1398 году. О его существовании я узнал, когда

приезжал лечить собак в великолепном доме по соседству и коров на близлежащей ферме.

Грейт Эйтон и река Левен

Далее на пути находится Стокли, дома различных эпох и стилей придают этому месту неповторимое очарование. Но вот и Мартон, здесь в 1728 году родился Кук. Тогда Мартон был маленькой деревушкой, как когда-то и Миддлсборо, однако в наши дни город разросся, и Мартон стал одним из его пригородов. Поэтому неудивительно, что исчез домик из двух комнат с соломенной крышей, где появился Джеймс.

В 1736 году семья переехала в Грейт Эйтон, там прошло отрочество Джеймса. Фермер, у

которого работал отец, заметил смывленного мальчугана и решил помочь ему с образованием.

Наш путь лежит в Грейт Эйтон, это место примечательно тем, что там вдоль дороги течёт река. Мы вчетвером не замедлили прогуляться по берегу широкого потока. Подобно большинству любителей истории, мы бы с удовольствием посетили дом капитана. Но увы, в 1934 году дом перевезли в Австралию и установили в Мельбурне. Это довольно грустно, однако получилась своеобразная нить, связующая со страной и континентом, который исследовал капитан.

На нас произвёл глубокое впечатление памятник великому человеку, установленный на Исби Мур. Высота памятника 24 метра, его видно издали с окружающих холмов и равнин, так знакомых Джеймсу с детства.

Далее нас ждал Розберри Топпинг, интересный холм, его форма напоминает вулкан, на нижних склонах растут деревья, а вершина голая. Естественно, сам вид этого холма приглашает взобраться на него, Джимми и Розы с удовольствием сделали это несколько раз. Думаю, юный Джеймс Кук провёл там немало часов.

Памятник в честь капитана Кука

Сквайр Скаттау, у которого работал отец будущего исследователя, очевидно думал, что молодому человеку не место на ферме. Без сомнения, тогда эта работа не занимала особых умственных усилий, как ныне. Добрый сквайр решил, что место бакалейщика и галантерейщика подходит лучше для его подопечного, и отправил будущего капитана набираться опыта в магазин мистера Уильяма Сэндерсона в рыбацкой деревушке Стейтс. Начало будущей истории было положено.

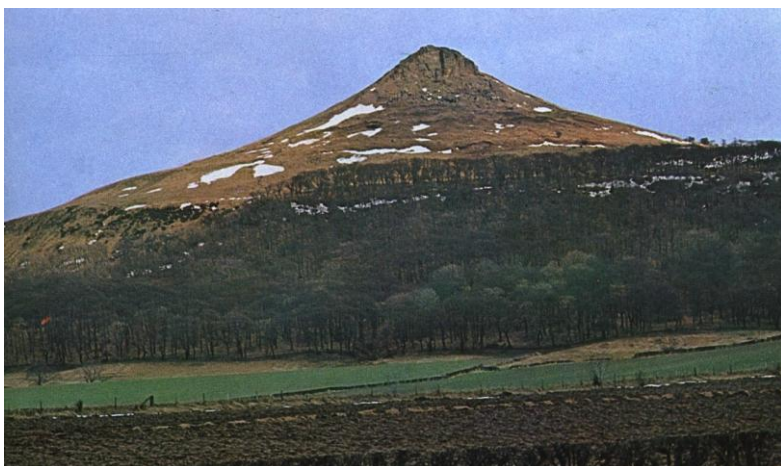
Разумеется, мы отправились в Стейтс,

полчаса езды привели нас на побережье. Путь пролегал через новые районы города направо вниз. Ещё один поворот, и происходит удивительное превращение. Мы в старом Стейтсе, дома выходят на маленький песчаный пляж с каменными волнорезами при входе в гавань, вся деревушка словно находится в объятиях двух утёсов.

Вид с Исби Мур

Всё вокруг дышит близостью моря. Резкие крики чаек, набегающие издалека голубые

волны с белыми барашками пены, покачивающиеся рыбацкие лодки, мужчина в тёмном свитере, резиновых сапогах и непромокаемом костюме, большая красная дверь станции спасательных шлюпок.

Розберри Топпинг

Рядом с деревней к морю спускается ущелье, через него перекинут металлический мост, по

дну ущелья с пустошей струится ручей Роксби. Находясь на мосту, мы испытали чувство изумления от представшей картины. Множество лодок, волны от впадающего ручья, старинные дома почти нависают над ущельем. Похоже, в прошлом деревня была логовом контрабандистов, места лучше не придумать.

Легко понять, откуда у юного Джеймса Кука появилась любовь к морю и кораблям. В его времена в Стейтсе строили корабли, и я могу представить подростка, глядящего из окон магазина на происходящее вокруг, а на стекло падают солёные брызги.

Стейтс

Возможно, так в нём пробудилась жажда путешествий и открытий.

Сам магазин стоял почти у воды, видимо, однажды и поглотившей его, так что никаких следов не осталось.

Береговая эрозия – большая проблема здешних мест, вода

размывает мягкую глину, и, скажем, Стейтс в былые времена выдавался в море гораздо дальше, нежели сейчас. Как-то раз я говорил со старым рыбаком, он поведал мне, что на его памяти прибрежную гостиницу «Рак и треска» смывало три раза. «В море уносило сотни бутылок пива, - взволнованно говорил он, - печальное зрелище».

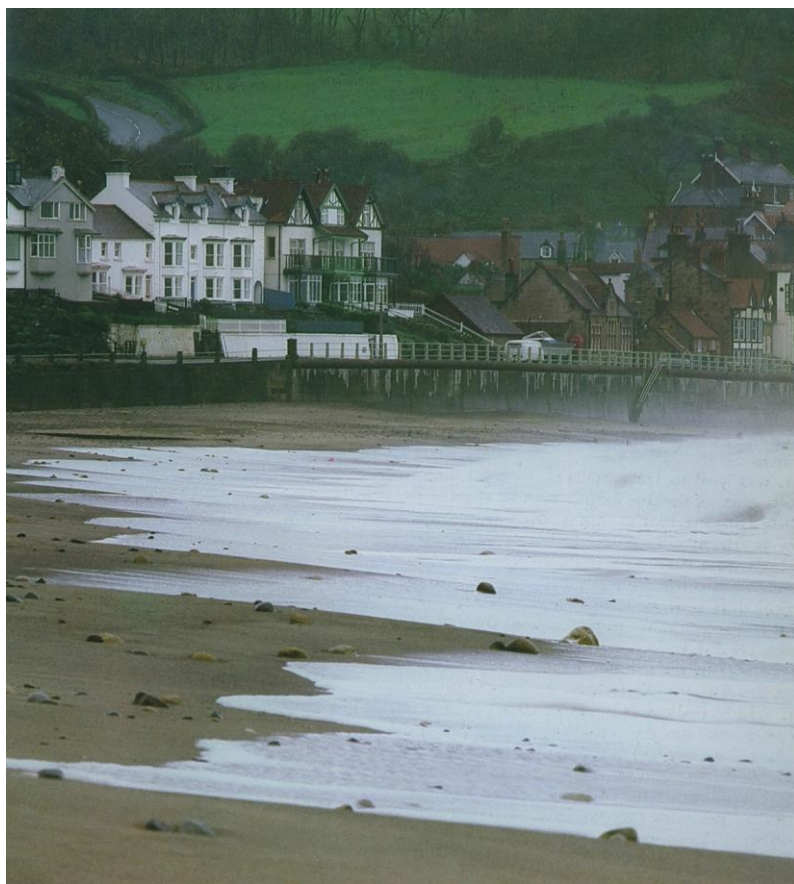
Дом капитана Кука

На улице Церковной стоит жёлто-белое здание, носящее название «Дом капитана Кука», в 1978 году принц Уэльский лично установил на нём памятный знак, гласящий: «Это шестой этап уединённого пути капитана Кука из Мартонна в Уитби. Именно здесь капитан Кук обрёл любовь к морю и кораблям, в этой прибрежной деревне он работал 18 месяцев до 1745 года помощником мистера Уильяма Сэндерсона, бакалейщика».

Между двумя утёсами заключена удивительная часть прошлого – Стейтс, и нам очень не хочется уезжать. Кстати, такая береговая линия здесь обычна, в близлежащем Болби Хэд самые высокие прибрежные скалы Англии высотой 240 метров.

Наша цель – Уитби, бакалейное время закончилось, когда Кук поступил в обучение в семейство Уолкеров, владевших судами для перевозки угля. Своё первое путешествие из Уитби он совершил на углевозе с названием «Любовь к свободе», возможно, отсюда берёт начало его склонность плавать на судах этого типа, ведь все самые запоминающиеся экспедиции он осуществил именно на них.

Подъезжая к Уитби, мы свернули в деревню Сэндсенд. Длинная полоса пляжа и группа симпатичных домов делают это место отличным выбором для отдыха по выходным, спокойствие и шум прибоя этому только способствуют. Подобно большинству прибрежных деревень Сэндсенд находится в глубине выразительного мыса, соседствуя с высоким утёсом, заросшим травой.

Сэндсенд

Мы прогулялись вдоль домов, наслаждаясь солёным ветром, глядя на сотни морских чаек у кромки воды. В это место приезжал и Тристан со своей семьёй, когда дети были маленькими.

В Уитби мы приехали по прибрежной дороге, но лично мне более интересным кажется путь по вересковым пустошам из Пикеринга и Гисборо. Если добираться там, то сначала видишь море, затем аббатство на обрывистом утёсе, а уж потом из вереска попадаешь напрямик в город.

Своё путешествие по местам капитана Кука мы начали с Вест Клиффа, это современная и удивительно симпатичная часть города. Настроение обязательно

станет хорошим, а дух бодрым, если побывать здесь в летний день. Высокие красивые здания в бликах солнца, ароматы травы над километрами золотистого песка.

Однако эту курортную часть капитан Кук не видел. В его времена Уитби представлял собой старый город по другую сторону реки Эск, она течёт прямо по городу после долгого петляния в живописной долине, в восточной части дома покрывали все нижние склоны холма.

Пропутешествовав по Вест Клиффу, мы выехали к статуе капитана Кука, обращённой лицом на этот великолепный вид. Нас захватили новые впечатления от окружающей обстановки, она была настолько похожа на то, что видел капитан. Дома подымались к церкви Святой Марии, построенной в двенадцатом веке, около неё темнеют точки могильных камней. К церкви ведут 199 ступеней. Прямо на вершине утёса находятся развалины аббатства. Моё предположение, что монахи всегда выбирали для строительства закрытые удобные места, пошатнулось, когда я увидел аббатство Уитби, трудно найти более открытое и продуваемое место, чем вершина на берегу Северного моря.

Пожалуй, имелось существенное различие между нынешними и прошлыми временами. Сейчас в порту было пришвартовано всего лишь несколько рыбацких лодок, а в восемнадцатом веке, скорее всего, возвышался бы частокол мачт самых разных

рыболовецких судов. Уитби в течение столетий славилось как рыбное место, во времена капитана здесь был один из важнейших морских портов Англии, находилась судостроительная верфь.

Уитби

Статуя капитана обращена к порту, откуда он уходил в плавания., и морю, ставшему для него второй родиной. Когда я стоял там, вся история казалась слишком романтической, чтобы быть правдой. Простой деревенский парень с далёкой фермы стал всемирно известным исследователем и первооткрывателем, встретив свою гибель от рук туземцев на Гавайях.

Несколько недель назад я был у памятника, там же, где мы когда-то путешествовали. Всё было по-прежнему, и я вновь почувствовал знакомое волнение.

На постаменте перечислены имена создателей судов «Стремление», «Решимость», «Риск» и «Открытие», на которых плавал офицер королевского флота капитан Джеймс Кук, и имена тех, кто вместе с ним уходил в экспедиции 1768-1771, 1772-1775, 1776-1778 г.г.

В присутствии почётных гостей из Австралии и Новой Зеландии памятник был торжественно открыт 26 августа 1968 года в честь двухсотлетия первой экспедиции. Внизу есть надпись, гласящая: «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

Также отмечены некоторые события из жизни знаменитого моряка: высадка в Британской Колумбии, открытие и исследование восточного побережья Австралии.

В 1978 году в Мартоне был открыт замечательный музей, посвящённый капитану, в экспозиции музея представлены подлинные вещи из его жизни.

Недалеко от памятника стоит удивительная арка, сделанная из китовых рёбер. В те далёкие времена жители Уитби занимались и китобойным промыслом, но не только. В больших количествах добывали белых медведей, морских котиков, тюленей. Соответственно, было налажено топление ворвани в масло. Арка служит своеобразным знаком, напоминающем о капитане Уильяме Скоресби – старшем, изобретателе марсовой площадки (ограждённая площадка для наблюдений на самой высокой мачте корабля). Он был наиболее успешным и отважным из китобоев Уитби, отходя порой от берега в направлении полюса на восемьсот с лишним километров.

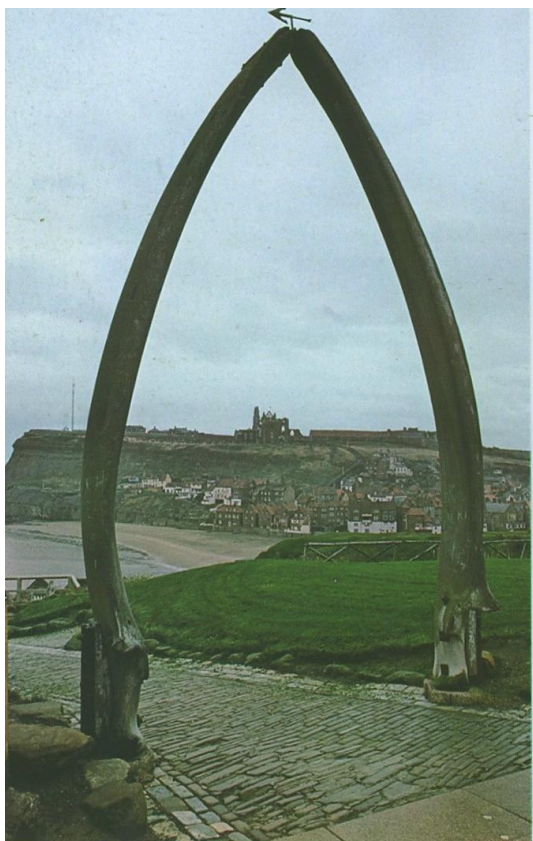
Статуя капитана Кука

Однако я возвращаюсь в день нашего путешествия с маленькими детьми. Уже пора было возвращаться домой, мы решили ехать по дороге через Пикеринг.

На этой дороге особенно ясно ощущаешь бескрайнюю ширь и удалённость окружающей территории. На восток путь идёт под уклон к морю, на западе уводит к гряде Хамблтона, там начинаются деревни и фермы.

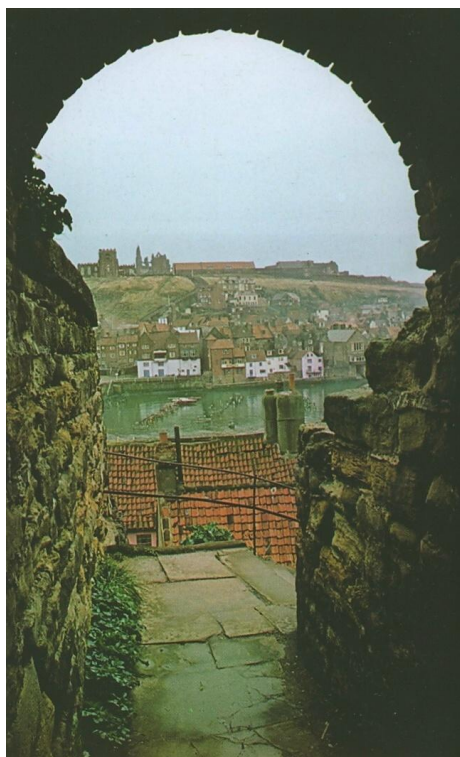
Дома у моря, арка из китовых рёбер

Здесь замечательные места, особенно если цветёт вереск, всегда находишься в предвкушении чего-то интересного. Вот как, например, деревушка Готланд, своеобразие которой начинается с того, что расположена она не в укрытой долине, а невозмутимо возвышается прямо на плоской пустоши, от души наполняясь свежим ветром. Суть Готланда — пространство. Симпатичные дома смотрят друг на друга вдоль широкой и, как бы сочло большинство людей, зелёной улицы, но вот что касается меня, то когда я побывал здесь впервые, то был удивлён отсутствием зелени, зато показались весьма элегантными красивые палисадники перед домами. Так что первое впечатление получилось любопытным.

Разумеется, в Готланде есть несколько замечательных гостиниц, это обстоятельство и интересная обстановка в целом исключительно способствуют обилию отдыхающих по выходным дням и праздникам. Каждый найдёт себе свой отдых, ведь рядом есть ручей Хоул и водопад Маллин Спаут.

Мы вернулись обратно на главную дорогу, по сторонам которой растёт вереск, там пасутся овцы и тянутся тёмные овраги. Несколько минут езды приводят нас в местечко Хоул Хоркум.

Спуск к морю

Залив

Оно представляет собой удивительную низину, по форме напоминающую гигантский амфитеатр. Мы вышли из автомобиля и подошли к краю. Дети изумлённо смотрели вниз на заросшие папоротником склоны, в столь неожиданной перемене было что-то пугающее. Тем не менее внизу расположились две фермы и возделанные поля. Мне кажется, жить в такой обстановке очень необычно. Впрочем, в ноябре склоны выглядели весьма эффектно благодаря бронзовеющему папоротнику.

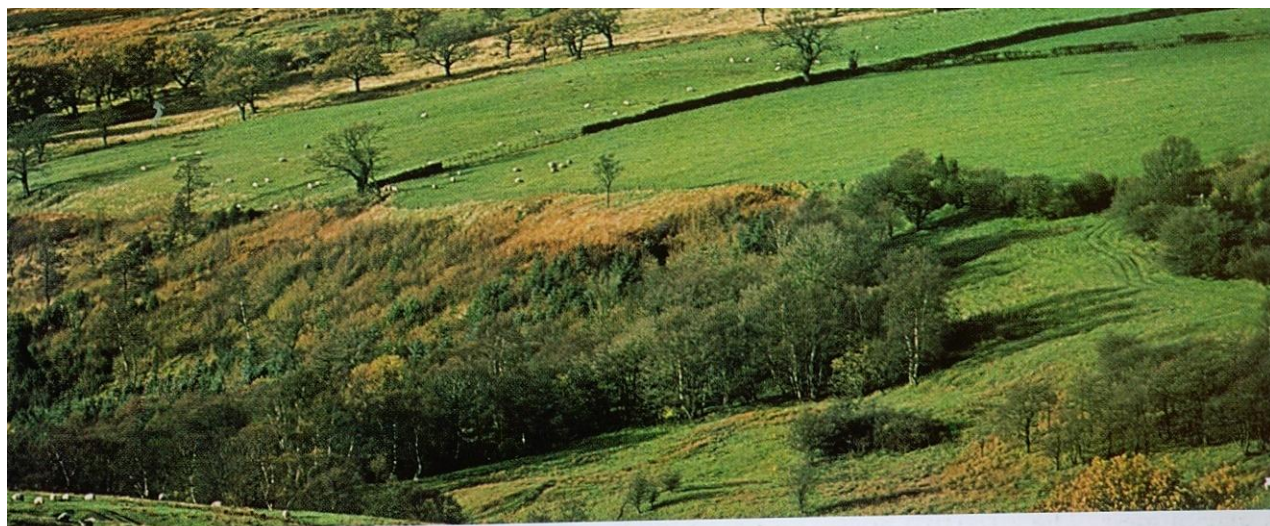
День плавно подошёл к концу. Последний взгляд вниз, садимся в машину и едем до Пикеринга и дальше домой.

Вилдейл Бек

Охраняемый памятник древности – участок римской дороги у Готланда

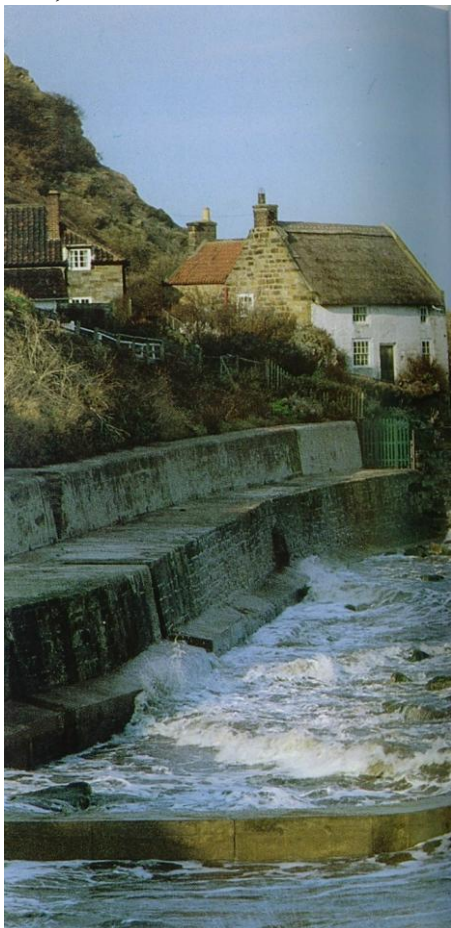

Готланд и его окрестности

Выходные на побережье

Мой старый друг Алекс (Сэнди) Тэйлор из Глазго одно время был помощником управляющего имением маркиза Норманби, дом которого располагался в замке Малгрейв недалеко от Лита. Благодаря этому Хелен, дети и я провели незабываемые выходные на побережье Йоркшира. У маркиза Норманби был ещё дом в бухте Рансвик, он любезно предложил Тэйлорам воспользоваться им. В свою очередь Алекс и его супруга пригласили нас, и мы не стали отказываться.

Бухта Рансвик

До большинства рыбацких деревушек можно добраться без особых сложностей, но бухта Рансвик была исключением. В наши дни есть дорога, ведущая на большую автостоянку, а тогда, 25 лет назад, всё было иначе. Казалось, что за вершиной утёса путь просто исчезает. Вообще-то, холмистые дороги мне привычны, но тут я остановился и тревожно посмотрел вниз.

Спуск напоминал простое падение, но Алекс с женой и дочерью уже начали путь на Ленд Ровере. Чрезвычайно медленно мой старенький Остин А-70 последовал за ними на низшей передаче.

Наше приключение в автомобиле, скорость которого была меньше скорости пешехода, имело и положительный момент. Моя семья успела насладиться открывшимся видом: голубое море, играющие солнечные блики, красивый мыс, тёплый манящий песок.

Достигнув цели, мы рассмотрели всё подробно. Направо уходила гряда утёса и пляж, налево на склоне холма прилепилась симпатичная деревушка, у нижних домов которой начинались каменные россыпи, омываемые волнами.

Вдоль берега покачивались на воде маленькие лодки самых разных назначений и конструкций, кое – какие из них напоминали рыбацкие. На пляже находилась большая красная спасательная станция с судоподъёмным эллингом. Я слышал множество о том, как смелые спасатели приходили на помощь.

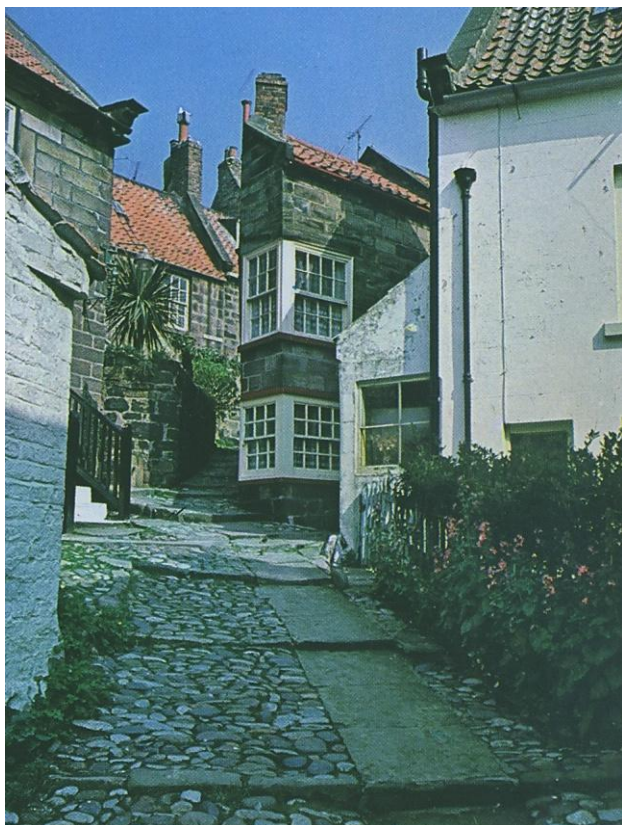

Бухта Рансвик

Довольно сложно передать впечатления от прогулок по деревне. Дети, например, с радостью носились по лабиринту дорожек и тропинок между домами, которые, казалось, были построены на крышах друг друга, так плотно они стоят. Цвета у них самые разные - белые, серые, коричневые. Большинство домов очень старые, но есть и новостройки. Мы тщетно пытались подсчитать количество направлений в этом небольшом месте, бродя вверх, вниз, вдоль и поперёк.

Коттедж Норманби стоял почти у воды, и две ночи мы спали под волнующий шум волн, набегавших на береговые укрепления.

Мы провели замечательные выходные. Джимми, Роза и маленькая Линн провели много времени в поисках окаменевших моллюсков среди камней на пляже. Окаменелостей было изобилие, особенно аммонитов.

Когда же пришло время уезжать, у меня нашлись два повода, омрачавших настроение. Во-первых, из этого красивого места никуда не хотелось уезжать. Во-вторых, путь начинался с подъёма, по которому я сюда с таким трудом спустился.

Улица в бухте Робин Гуда

У Алекса с его машиной никаких трудностей не будет, а я решил, что моя семья пойдёт в горку пешком. Благо, никого уговаривать не пришлось, ведь мы все понимали, что у моего автомобиля с пробегом более 160 000 километров в этом случае шансов достигнуть вершины будет гораздо больше.

Впрочем, всё получилось хорошо, потихоньку и аккуратно я добрался до вершины, правда, слегка занесли челюсти, так крепко я стиснул зубы.

Хорошо, что сейчас есть удобная дорога, и желающие отдохнуть в бухте добираются безо всяких проблем.

Этот отдых на побережье Йоркшира был не единственный. В другой раз он длился целых две недели летом, только в бухте Робин Гуда. Мы снова провели его вместе с семьёй Тэйлоров.

Бухта Робин Гуда

Может показаться, что путь из Шервудского леса сюда довольно длинный, но возможно,

есть причины, почему деревушка в бухте носит такое название. В этом месте можно хорошо укрыться от преследования, поэтому Робин Гуд мог держать здесь несколько лодок, чтобы в случае опасности уйти в море.

Сейчас не имеет значения, правдиво это предание или нет, но бухта удивительно красива. Подобно Рансвику, это живописная часть побережья.

Прибрежные полосы песка чередуются с россыпями камней.

Конечно, с маленькими детьми проще всего отдыхать на пляже, где им есть чем заняться, однако здесь каждый день был наполнен радостью сам по себе. Неизгладимое впечатление оставили прогулки по деревне.

Каждое утро наша компания спускалась к морю по длинной улице. И каждый раз мы находили что-то новое в окружающих домах, деревьях, аллеях между ними, маленьких

садиках. Нашим добрым спутником был волшебный поток, скрытый за одной из каменных стен.

Меня неизменно охватывало изумление при мысли о том, как же сумели когда-то неведомые нам мастера возвести дома на таком крутом склоне.

Малышки Розы и Линн могли часами возиться на берегу. Передо мной встаёт картина, как они деловито в ведёрках таскают воду в песочные ямки.

Алекс, Джимми и я совершили несколько походов по окрестностям. В один из них мы добрались до маленькой, заросшей деревьями, бухточки Боггл Хоул, приливные воды из которой доходят до одной из молодёжных турбаз, где через много лет побывает Джимми во время собственного путешествия по Йоркширу.

Жажда открытий привела нас как-то в Равенскар. Семикилометровый уклон упирается в утёс, куда буквально надо вскарабкиваться, но зато на вершине есть отель, где нам очень понравилось пить чай перед возвращением обратно.

Кстати, Равенскар – конечный пункт известного туристического маршрута длиной более 60 километров. Он начинается в Осмотерли и идёт по пустошам Северного Йорка, это отличная возможность проверить себя на выносливость. В душе я очень горжусь тем, что Джимми и Розы его сумели преодолеть.

Наши жёны Хелен и Линн весьма спокойно относились к нашим исследовательским подвигам, предпочитая проводить время на пляже, где приглядывали за детьми и болтали друг с другом. Впрочем, такой отдых ничуть не хуже.

Джимми придумал себе новое развлечение: бежать во время прилива по судоподъёмному эллингу от настигающей волны. Однажды он слегка замешкался, а волна ждать не стала, и Джимми щедро окатило водой. Тогда я только начал заниматься фотографией, поэтому и заснял этот живой момент. Качество, правда, у фотографии получилось плохое – размытая, в каких-то полосках. Однако, если постараться, выражение лица можно увидеть.

Море постоянно размывает берег, в том числе и те его части, где стоят деревни. Очарования это йоркширскому побережью не добавляет, тем не менее здесь прекрасные места для отдыха, который оставит тёплые воспоминания.

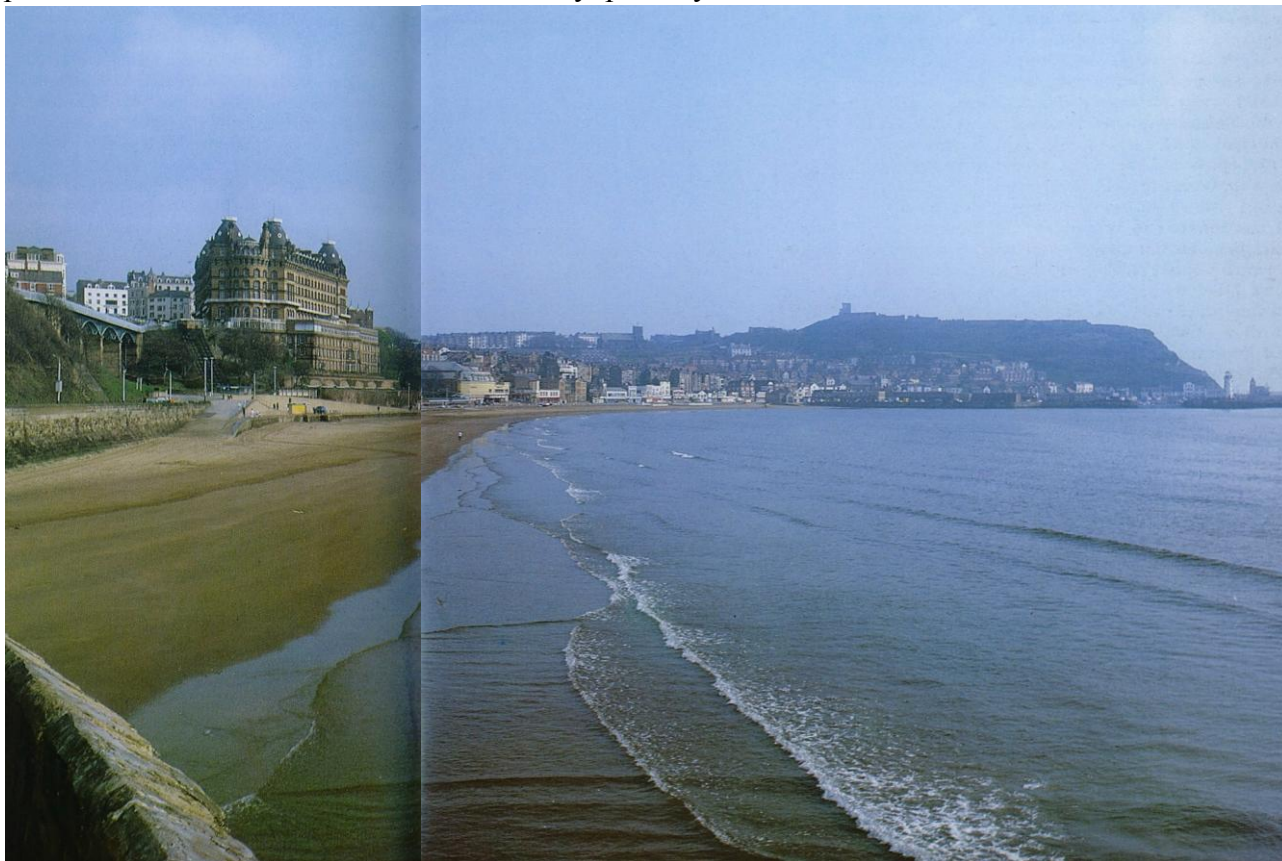

Отвесные скалы Равенскара

Скарборо

Величественное здание Гранд-отеля видно в Скарборо отовсюду, лично для меня оно имеет особое значение. Во время войны я находился там некоторое время с сотнями других лётчиков. У большого роскошного входа в это здание я стоял часовым на посту. Об этом рассказано в книге «О всех созданиях – мудрых и удивительных».

Пески и Гранд-отель, Скарборо

На площади перед отелем бедняга Кромарти совершил так невовремя свой замечательный прыжок, отсюда же я тайком ушёл, чтобы съездить к Хелен.

Зимние месяцы в Скарборо выдались трудными, однако даже разнообразные упражнения в январе и феврале по физической подготовке, проводимые в фуфайке и шортах, на продуваемом плацу нисколько не помешали мне увидеть красоту здешних мест.

Вообще-то в семь утра на парадном построении почти в полной темноте что-либо трудно заметить, и вот, стоя в плотном ряду голубых мундиров, я внезапно осознал, что в окружающей картине есть что-то ещё: уходящая вдаль золотистая полоса песка, долгая зима плавно переходила в раннюю весну, и море искрилось и играло бликами в свете встающего солнца.

Для себя я решил обязательно сюда вернуться после войны, и действительно, приезжал неоднократно со своей семьёй в выходные дни. Тогда я буквально влюбился в другие жемчужины йоркширского побережья – Уитби, Стейтс, бухты Робин Гуда и Рансвик.

Прекрасные пляжи, деревушки, богатые славной историей рыболовного прошлого, а рядом пустоши Северного Йорка, где чудесным образом встречаются запах моря и аромат вереска.

Однако среди этого великолепия Гранд-отель вызывает больше всего воспоминаний благодаря полугодовому пребыванию в нём во время войны, тогда мы спали в голых комнатах при открытых окнах, маршировали, где только можно, под крики и вопли начальствующего состава.

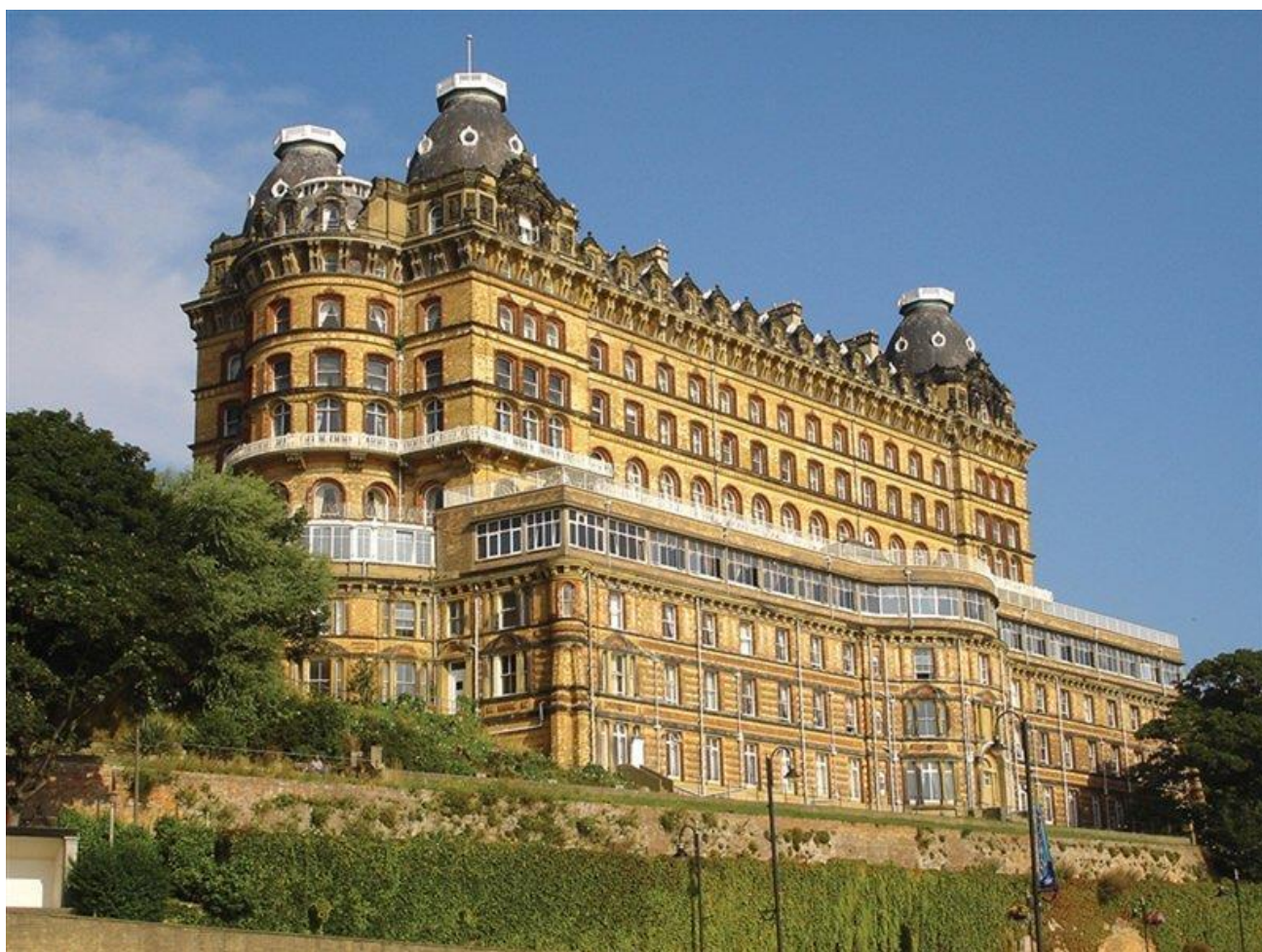
Как-то раз Хелен и я провели замечательно время в Гранд-отеле, мы находились в роскошной комнате, где во время войны была открытая терраса, на которой я постигал правила пользования сигнальным фонарём. Но сейчас всё было застеклено, мы любовались огнями города в наступающих сумерках. Было необычайно приятно пить чай и слушать струнный оркестр, наши ноги утопали в роскошном ковре. Особую радость доставляла мысль о том, что никто не сможет мною командовать, заставляя что-то делать.

Скарборо разделён мысом на две части – это Северная и Южная бухты, в обеих прекрасные пляжи. На мысе находятся остатки замка двенадцатого века.

Во время службы нас водили на учения к этим развалинам, и мы палили из всех видов оружия. Мне кажется, в Скарборо найдётся мало улиц, не слышавших топота армейских ботинок. Королевские военно-воздушные силы превратили меня из разъявшегося молодожёна в поджарую гончую.

За нами лежат бесчисленные километры всех типов бега во всех направлениях и на разные расстояния, бесчисленные физические упражнения в любом подходящем месте.

Всё это пришлось пройти в военно-воздушных силах, к подготовке состава подход там самый

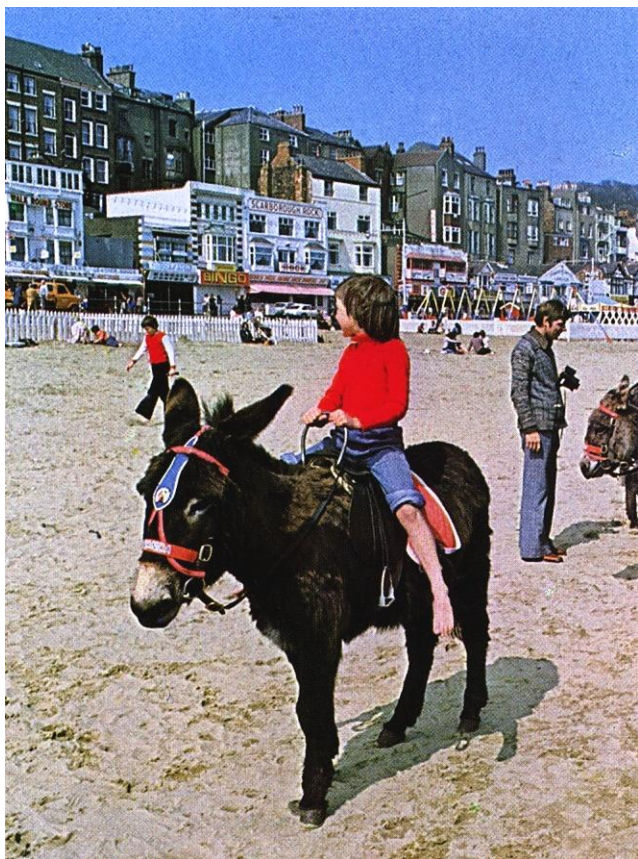
ответственный. И всё-таки я понимал, что нахожусь в удивительно красивом месте. Солёный морской воздух, песчаное побережье, завораживающее чередование прошлого и настоящего в облике города. Старые дома изначально рыбацкой деревушки и современные отели стоят по дороге вниз к порту со множеством судов и лодок, а над всем властвует аромат моря.

Скарборо – прекрасное место для летнего отдыха

В сентябре в Скарборо проходит фестиваль по крикету, и если мы там оказывались, то были готовы бесконечно сидеть, даже на солнцепёке, и смотреть, как действуют прославленные игроки. Лёгкий ветерок разносит мелодии духового оркестра. Миллер, Харви, Хаттон, Комптон, Мэй, Трумэн, Кодри. Список бесконечен, это счастливые воспоминания навсегда.

Однажды Джимми, Хелен и я видели, как Ричи Бенод послал Рою Таттерсоллу пять шестёрок последовательно, моего маленького сына немедленно охватило желание идти к раздевалке игроков и исполнить на оловянной свистульке «Вальс Матильды» в надежде, что эти великие люди выйдут к нему и дадут автограф.

Хелен и я с удовольствием ездили в Скарборо ещё по одной причине – в городе замечательный выбор морепродуктов. По пути в порт стоит множество прилавков со свежими моллюсками, здесь сердцевидки, мидии, волнистые рожки и, конечно же, устрицы. Выбираешь, что нравится, посыпаешь перцем, немного уксуса, восхитительно вкусное блюдо готово. Домой мы обычно покупали крабов и копчёную селёдку. Всё вокруг нас источает запах смолы и соли, рыбы и водорослей. Ах, Скарборо...

Обращение к читателю

Я пытался создать картину моего Йоркшира от Пеннин до моря, но теперь, когда моё повествование подошло к концу, мне кажется, что кистью были нанесены только общие штрихи. Многие знающие люди удивятся тому, что не упомянуты их любимые места, и мне становится грустно, что у меня не получилось рассказать о холмах, деревнях, потоках, которые всегда согревали моё сердце долгие годы.

Однако меня утешает мысль о том, что, возможно, эти слова и картины найдут отклик у тех, кто любит эту землю и ходит теми же тропинками, которые я так люблю. Очень надеюсь, что помог читателям моих книг, не видевшим Йоркшир. В тысячах писем со всей Британии, из Америки, Канады, Австралии и других дальних стран часто звучит фраза: «Надеюсь, что увижу места, о которых вы пишете».

Если эта книга найдёт своих читателей, она обязательно подарит им первое впечатление о сельской стороне, где я встретил столько хорошего в своей жизни.

Закат над Кавердейлом

Овцы на Пеннинской дороге

В окрестностях Рита

Обложка: на вершине Суэйлдейла

Перевод и набор текста: 2011 год

Сканирование и размещение фотографий в тексте: 2017 год

Краснотурьинск, Рубин Александр

21,95 американских долл.
29,95 канадских долл.

Эта книга приглашает Вас на встречу с северной Англией. На фотографиях Вы увидите потоки, дома, деревни, холмы и равнины, картины городской жизни и сельского уклада. А слова, написанные Джеймсом Хэрриотом, помогут почувствовать мир, о котором рассказывают его книги.

Отзывы в средствах массовой информации.

«Книга содержит информацию, полезную для путешественников»

«Замечательный помощник – путеводитель»

«Автор с душевной теплотой рассказывает о жизни, работе, природе»

«Книга будет познавательна для тех, кто любит дикие высокогорья, долины и холмы»

Фотографии: Дерри Баббс

Издательство
Сент-Мартин Пресс, Нью-Йорк, 10010
175 авеню

Отпечатано в Таиланде

ISBN-13: 978-0-312-43971-2

ISBN-10: 0-312-43971-7

EAN

9 780312 439712